

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 17, part 2

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2021

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 17, часть 2

Главный редактор Е. В. Головки

2021

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2021. — Т. 17. Ч. 2. — 336 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2021. — Vol. 17. Pt. 2. — 336 p.

Ответственный за выпуск от редколлегии:
А. Ю. Русаков

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana»
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737172

© ИЛИ РАН, 2021
© Составление. Редколлегия
журнала, 2021

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбурун (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (СПбГУ); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлеская (РГГУ, Москва) д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. A. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

<i>С. С. Белоусов</i> Грамматическое выражение одушевленности в современном иврите	11
<i>Е. В. Галкина</i> Выражение причинно-следственной связи в ранних высказываниях русскоязычных детей о явлениях физического мира	38
<i>Ю. А. Дзицойты</i> К исторической географии Осетии: средневековая Туалия . . .	73
<i>А. А. Кузнецов</i> Грамматикализация конструкций с вентивом и андативом в японском языке	103
<i>К. В. Лифанов</i> Фонетическая словакизация чешского языка евангелическими авторами	145
<i>Т. И. Ретинская</i> Арденнский региолект: особенности функционирования и оценка витальности	169
<i>Н. А. Соломкина</i> Японские бенефактивные конструкции и категория инверсива	184
<i>О. В. Тихонова</i> Особенности использования арабских букв <i>йā'</i> и <i>джīm</i> в словах на алхамиадо в архиве толедских мосарабов (XII–XIII вв.).	205

А. Ю. Урманчиева

Квотативные и цитативные формы в северных
селькупских говорах: от исконных к заимствованным 229

Чэнь Шэннань

Об источниках китайско-русского словаря
И. К. Россохина 277

А. В. Яковлева

Стороны света в древнегреческом языке
и системы пространственной ориентации 289

Этика научных публикаций. 327

Publication Ethics 331

Contents

<i>S. S. Belousov</i>	
Grammatical representation of animacy in Modern Hebrew . . .	11
<i>E. V. Galkina</i>	
The linguistic expression of causal relationships in early statements by Russian-speaking children about things and physical phenomena	38
<i>Yu. A. Dzitstsoity</i>	
On the historical geography of Ossetia: Medieval Tualia	73
<i>A. A. Kuznetsov</i>	
Grammaticalization of constructions with andative and ventive verbs in Japanese	103
<i>K. V. Lifanov</i>	
Phonetic slovakization of the Czech language by evangelical authors	145
<i>T. I. Retinskaya</i>	
Ardennes regiolect: Functioning and vitality evaluation	169
<i>N. A. Solomkina</i>	
Japanese benefactives and direct-inverse systems.	184
<i>O. V. Tikhonova</i>	
The use of the Arabic letters <i>yā</i> ’ and <i>jīm</i> in Aljamiado in “The Archive of Toledo’s Mozarabs” (XII–XIII centuries) . . .	205
<i>A. Yu. Urmanchieva</i>	
Citation and quotation markers in Northern Selkup idioms: From native to borrowed ones	229

Chen Shengnan

About the sources of the Chinese-Russian dictionary
of I. K. Rossokhin (18th century) 277

A. V. Yakovleva

Cardinal directions in Ancient Greek
and the systems of spatial orientation 289

Publication Ethics (in Russian) 327

Publication Ethics 331

Грамматическое выражение одушевленности в современном иврите

С. С. Белоусов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); mail@serbel.ru

Аннотация. В ряде явлений как нормативного, так и разговорного современного иврита при словоизменении наблюдается вариативность на морфонологическом уровне, не объяснимая известными действующими в языке фонетическими процессами. Так, у относительных прилагательных может быть два вида окончаний для форм ед. ч. ж. р. и мн. ч. м. р.: один набор более употребим, когда речь идет о людях, и тогда прилагательные легко субстантивируются, второй набор характернее при определении неживых объектов. В то же время наблюдается вариативность при образовании форм сопряженного состояния мн. ч. слов именной модели *CvC(C)áC*, где модельный гласный *a* сохраняется в словах, называющих, в частности, профессии и качества людей, но редуцируется в других случаях. Практические грамматика и описания иврита не сопоставляют упомянутые явления, хотя имеющиеся данные позволяют видеть именное согласование на основании параметра одушевленности или личности существительного. Иерархия одушевленности, которую можно выстроить благодаря рассматриваемым примерам, в том числе маргинальным (употребление «человеческих» прилагательных не собственно при названиях людей), оказывается соотносимой с типологически распространенными моделями.

Ключевые слова: иврит, одушевленность, относительные прилагательные.

Grammatical representation of animacy in Modern Hebrew

S. S. Belousov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); mail@serbel.ru

Abstracts. Modern Hebrew is not generally considered a language with regular grammatical expression of the category of animacy. Usually, only question words

or demonstrative pronouns are used to exemplify the animacy state of nouns. However, there is more data for it.

First, relative adjectives defining nationalities, membership and different qualities, have a variation in their inflexion paradigms. Adjectives have four basic forms in Hebrew, that is singular or plural and masculine or feminine. When used to describe people, a certain type of suffixes is used in the SG.F and PL.M forms (and these forms can easily be substantivated), whereas when speaking about inanimate nouns, the adjectives use other suffixes. Data from the Internet, which indirectly represents spoken language, especially orthography, reveals that sometimes the affixes used to describe people are used with 'live' objects on the whole, and beyond that. I claim that this phenomenon is a representation of the category of animacy in Modern Hebrew.

Secondly, there is a derivational nominal pattern *CvC(C)áC* famous for its inconstancy when speaking of plural construct state form: sometimes the vowel *a* is reduced, and sometimes not (this variation can not be explained by any undergoing phonetic process): the vowel *a* usually persists when the word is a profession name or a quality of a human being, but in case of inanimate objects it is typical to see reduction of the vowel. Here, I suggest that the phenomena represents grammatical humanness rather than animacy.

In the conclusion, an animacy scale, based on the material of the article, is made up. Not surprisingly it turns out to be quite the same as some famous typological animacy scales.

Keywords: animacy, Hebrew, relative adjectives.

1. Введение

Одушевленность в именных системах языков мира зачастую не имеет собственных показателей, проявляясь в морфологии косвенно — путем воздействия на парадигмы словоизменения [Dahl, Fraugud 1996: 47], в частности обуславливая выбор показателей рода, числа и других грамматических категорий [Dahl 2008: 142, 143–144]. На этом фоне рассматриваемый в статье ивритский материал в особенности примечателен тем, что предполагаемая одушевленность выражается в виде специальных маркеров рода и числа для ряда форм.

Традиционно отмечается, что одушевленность не является согласовательной категорией в семитских языках [Gzella 2013: 109]¹, и в грамматиках современного иврита, если данная категория упоминается вообще, подчеркивается, что проявляется она крайне ограниченно [Дрейер 2009: 390].

Редким однозначным примером выражения одушевленности в иврите является употребление вопросительного местоимения *mi* ‘кто?’ для референтов — живых существ, противопоставляемого местоимению *ma* ‘что?’, указывающему только на неживые объекты:

- (1) *ima, mi / *má ze?* — *ze dón.*
 мама кто / что DEM.SG.M DEM.SG.M медведь.SG.M

‘Мам, **кто** / *что это? — Это медведь’.

- (2) *ima, ma / *mí ze?* — *ze arón.*
 мама что / кто DEM.SG.M DEM.SG.M шкаф.SG.M

‘Мам, **что** / *кто это? — Это шкаф’.

Помимо этого существует ограничение на употребление указательных местоимений *ze* ‘этот’, *zot* ‘эта’ и *éle* ‘эти’ — в позиции прямого объекта они не могут указывать на живые существа [Дрейер 2009: 390]:

- (3) *raíti et zé*
 я.видел ACC DEM.SG.M

‘Я видел **это** / *этого’.

В (3) имеется в виду типичный объект вроде сумки или денег или иной *veici*, но никак не человек или животное. При этом указание на прямое дополнение посредством местоименных суффиксов специального аккузативного показателя *ot-ó* ACC-3SG.M возможно и при живом, и при неживом объектах.

Итак, в данном случае в иврите особым образом выражается именно **неодушевленность**. Подобное поведение является типологически засвидетельствованным [Becker 2014: 65]. В целом же

¹ Характерно в этой связи отсутствие упоминания одушевленности в библейском иврите в статье [Коган, Лёзов 2009].

двойственность в маркировании определенного прямого дополнения согласуется с представлением о том, что существование нескольких способов выражения винительного падежа «часто коррелирует с высокой степенью одушевленности» [Comrie 1989: 186].

В контекстах, рассмотренных выше, одушевленность устроена довольно прозрачно: существа биологически живые (или бывшие живыми), которые обладают «animacy *per se*» в терминологии [Yamamoto 2006: 30], маркируются как одушевленные, все прочие — как неодушевленные.

Однако этим не исчерпываются все случаи, когда одушевленность в современном иврите проявляет себя как полноценная грамматическая категория. Дальнейший разбор посвящен рассмотрению двух примечательных в плане выражения одушевленности ситуаций — относительным прилагательным (*Раздел 2*) и модели *CvC(C)áC* (*Раздел 3*).

2. Относительные прилагательные

2.1. Вступительные замечания

В иврите существует класс относительных прилагательных, форма SG.M которых образуется посредством добавления суффикса *-í* к той или иной именной форме или условной основе и даже к аббревиатуре [Dekel 2014: 121; Schwarzwald 2018: 111]. Например: *sfaradi* ‘испанский’ (от *sfarád* ‘Испания’), *yisreeli* ‘израильский’ (от *yisraél* ‘Израиль’), *yami* ‘морской’ (от *yám* ‘море’), *beti* ‘домашний’ (от *báyit* ‘дом’) и т. п. Суффикс, как правило, ударен в прилагательных, давно существующих в языке, и безударен у новых слов, образованных от топонимов, в особенности иностранных [Schwarzwald 2018: 119, 124]. Данный способ словообразования является продуктивным, то есть новые слова такого типа при необходимости создаются говорящим «на лету».

Как видно из уже приведенных примеров, рассматриваемая модель позволяет создавать прилагательные, указывающие на ту или иную принадлежность, в частности национальную, географическую,

религиозную или культурную (и они особенно часто субстантивируются [Schwarzwald 2018: 111]), но широко распространены и другие значения, например: *amítí* ‘подлинный’ (от *emét* ‘истина’), *šikrí* ‘ложный’ (от *šéker* ‘ложь’), *rišmí* ‘официальный’ (от корня ⟨ršm⟩ со значением записи и регистрации).

При этом, если мы рассмотрим парадигму изменения данных прилагательных по роду и числу, то увидим, что у ряда слов имеется вариативность при образовании форм SG.F и/или PL.M:

(4)	SG.M	<i>betí</i> домашний	<i>rusí</i> русский	<i>amerikáni</i> американский
	SG.F	<i>betít</i>	<i>rusít / rusiyá</i>	<i>amerikánit</i>
	PL.M	<i>betiyím</i>	<i>rusiyím / rusím</i>	<i>amerikániyim / amerikánim</i>
	PL.F	<i>betiyót</i>	<i>rusiyót</i>	<i>amerikániyot</i>

То есть от одной и той же основы в некоторых случаях могут образовываться две формы SG.F — с окончанием *-it* или *-iyá*, а также две формы PL.M — с окончанием *-iyim* или *-im*².

Такая ситуация вариативности («дублетные формы» в терминологии [Айхенвальд 1990: 44]) является сама по себе хорошо известным явлением и часто бывает связана с проявлением категории одушевленности [Comrie 1989: 191].

2.2. Форма PL.M

Начнем с формы PL.M: когда она имеет окончание *-im*, а когда *-iyim*?

Р. Блибойм пишет, что некоторые относительные прилагательные «могут выступать как в функции существительного (или прилагательного при назывании людей), и тогда их форма множественного числа будет *yehudím, anglím*³, так и в функции прилагательного, и тогда их

² Стабильно ударно только окончание SG.F. *-iyá*.

³ Еврейский.PL.M и английский.PL.M соответственно, т. е. с окончанием *-im*.

форма множественного числа будет *yehudiyim*, *angliyim*⁴...» [Bliboim 1995: 27] (выделение полужирным наше. — С. Б.). Иными словами, одна форма прилагательного (с возможной субстантивацией) употребляется обычно при определении людей, а другая используется преимущественно с прочими объектами⁵:

- (5) *ha-yehudim* / **yehudiyim* *xogegim* *et* *ha-xagim*
 DEF-еврейский.PL.M празднуют ACC DEF-праздник.PL.M
 **ha-yehudim* / *ha-yehudiyim* ...
 DEF-еврейский.PL.M
 ‘евреи празднуют еврейские праздники...’ [Bliboim 1995: 27]

Такая вариативность в формах PL.M согласуется с типологическим представлением о том, что одушевленность нередко приводит к различному маркированию числа, хотя скорее такое разделение было бы естественным для единственного числа, а не для множественного [Comrie 1989: 189–190].

Академия языка иврит полагает, что субстантивация непременно сопровождает образование форм на *-im* [Academy 2010], и если такое прилагательное попадает в постпозицию к существительному, то есть занимает типичное положение определения в иврите, то синтаксически это необходимо интерпретировать как приложение:

- (6) *mad'anim* *amerikanim* (при возможном *amerikaniyim*)
 ученый.PL.M американский.PL.M
 ‘американские ученые’ = ‘ученые-американцы’ [Там же]
- (7) *arxeologim* *italkiyim* (при более ожидаемом *italkim*)
 археолог.PL.M итальянский.PL.M
 ‘итальянские археологи’ = ‘археологи-итальянцы’
 [http://hippos.haifa.ac.il/images/Publications/Hippos2009ReportFull_Web_3.pdf]

⁴ Еврейский.PL.M и английский.PL.M соответственно, но с окончанием *-iyim*.

⁵ Это не строгое правило; форма на *-iyim* бывает возможна, хотя и не вполне типична, также при описании людей.

Соединение двух существительных посредством приложения действительно наблюдается в иврите — наряду с образованием конструкции с вершинным маркированием (аналог *изафета*) под названием *смху́т*⁶, ср.:

(8)	<i>báyit</i>	<i>muzeón</i>	~	<i>bet</i>	<i>kafé</i>
	дом	музей		дом.CSTR	кофе
	‘дом-музей’ (приложение)			‘кафе’ (<i>смхут</i>)	
(9)	<i>anaším</i>	<i>harpatkaním</i>	~	<i>anšé</i>	<i>harpatkaót</i>
	люди	искатели_приключений		люди.CSTR	приключения
	‘люди — искатели приключений’ (приложение)			букв. ‘люди приключений’ (<i>смхут</i>)	

Дополнительным свидетельством в пользу того, что *-im* указывает на существительные (субстантивированные прилагательные), а *-iyim* — на собственно прилагательные, служат формы с конечным ם, упоминаемые в [Bliboim 1995: 28] и [Academy 2013])⁷. В исходной форме это омографы, то есть ם может читаться как *-áú* или *-a'í* в зависимости от значения. При образовании формы PL.M в первом случае слово оканчивается на ם״ם *-ím*, а во втором — на ם״ים *-iyím*:

(10)	SG.M	<i>xakláy</i>	~	<i>xakla'í</i>
		фермер.SG.M		сельскохозяйственный.SG.M
	PL.M	<i>xakla'ím</i>	~	<i>xakla'iyím</i>
		фермер.PL.M		сельскохозяйственный.PL.M
(11)	SG.M	<i>itonáy</i>	~	<i>itona'í</i>
		журналист.SG.M		газетный.SG.M
	PL.M	<i>itona'ím</i>	~	<i>itona'iyím</i>
		журналист.PL.M		газетный.PL.M

⁶ Буквально ‘близость’. Согласно традиционной терминологии, маркируемое существительное находится в «сопряженном» состоянии.

⁷ Отметим, что именные модели с конечным *-áú* восходят к структуре CvC(C)áC, о которой пойдет речь в третьем разделе статьи.

Однако есть доводы и против интерпретации форм относительных прилагательных на *-im* как субстантивирующихся автоматически во всех ситуациях.

Во-первых, несмотря на наличие несомненных ситуаций приложения в иврите, два стоящих рядом существительных стремятся именно к образованию «смихута». Об этом говорят в том числе и встречающиеся в интернете⁸ искажения множественного числа для сочетания приложений по модели «смихута». В случае словосочетания из примера (12) литературная норма предполагает форму мн. ч. *batím muze'oním*, но в реальности мы видим конструкцию с вершинным маркированием:

- (12) *kše-taavrú* *ben* *baté* *ha-muzeón...*
 когда-вы_пройдете между дом.CSTR.PL.M DEF-музей
 ≈ 'Когда вы будете (про)ходить между «музейными домами»...'
 [https://www.amsterdam.org.il/בארנהיים_הפתוח_המזויזיון.html]

Во-вторых, если ограничиваться пока что рассмотрением только форм мужского рода, постулирование обязательной автоматической субстантивации форм на *-im* создает избыточность. Здесь получаются две парадигмы, для прилагательных и для существительных, с тремя идентичными формами, включая исходную, и одной различающейся формой в PL.M:

	прилагательное	субстантив. прилагат.
(13) SG.M	<i>amerikáni</i>	~ <i>amerikáni</i>
	американский	американец
SG.F	<i>amerikánit</i>	~ <i>amerikánit</i>
PL.M	<i>amerikániyim</i>	~ <i>amerikánim</i>
PL.F	<i>amerikániyot</i>	~ <i>amerikániyot</i>

⁸ К сожалению, рабочего корпуса иврита, отвечающего нашим задачам, на данный момент не существует, и какие-либо закономерности современного языка приходится проверять в интернете при помощи поисковой системы Google. Это позволяет делать некоторые обобщения, но исключает возможность надежных статистических заключений.

Не проще ли и «экономичнее» будет предположить, что это все то же прилагательное? Да, оно действительно может субстантивироваться, когда встречается в характерной для существительного синтаксической позиции, в том числе как самостоятельное подлежащее, но, выступая как определение при существительном, оно остается прилагательным⁹. Вариативность, следовательно, можно объяснить согласованием по одушевленности / неодушевленности с существительным путем выбора окончания.

Данные показывают, что формы «одушевленные» более вероятны для прилагательных в тех случаях, когда имеется указание на типичные свойства людей. Показательным может быть пример, когда в одном тексте употребляются две разные формы одного прилагательного — и в контекстной субстантивации (как одушевленное существительное), и без субстантивации (как определение при неодушевленном объекте):

- (14) *me-hayóm atém cimxoním / *⁹cimxoniyím...*
из-сегодня 2PL.M вегетарианский.PL.M

‘С сегодняшнего дня вы вегетарианцы...’

[https://www.mako.co.il/food-cooking_magazine/Article-d88cb526f16f831006.htm]

- (15) *mezonót cimxoniyím / *cimxoním*
пища.PL.M вегетарианский.PL.M

‘вегетарианские продукты’ [Там же]

Мы можем попытаться найти дополнительное подтверждение нашим рассуждениям, если покинем рамки академической нормы

⁹ Любопытное рассуждение об «именах действателя» и об аналогичных ивритским «относительных прилагательных» в арабском языке мы находим у Б. М. Гранде: с одной стороны, они «могут выполнять функцию как существительных, так и прилагательных», с другой стороны — данная частеречная классификация для семитских языков условна, и термины «скорее относятся к синтаксической характеристике данных категорий слов, чем к семантической или морфологической. Они ⟨...⟩ характеризуют одно и то же слово по-разному, в зависимости от его синтаксической роли, от места, занимаемого им по отношению к другим словам» [Гранде 1998: 184].

и рассмотрим материал, предлагаемый письменным разговорным языком¹⁰, не подпадающий под действие правил, приведенных выше. Нетрудно увидеть, что чередование окончаний встречается и у тех прилагательных, субстантивацию которых трудно вообразить:

- (16) *atém lo normálim* (вместо: *normáliyim*)
2PL.M NEG нормальный.PL.M

‘Вы просто ненормальные!’ (по сюжету — выражение восхищения, обращение антропоморфного пакета молока к другим продуктам в холодильнике) [<https://www.youtube.com/watch?v=1TMSF9-4pEE>, аудиодорожка и субтитры]

Вряд ли мы можем увидеть здесь субстантивацию и противопоставление форм *нормальные* ~ *нормаленцы* (?), как в паре *американские* ~ *американцы*.

В то же время происхождение данной формы на письме можно объяснить подчеркнуто разговорным произношением персонажа процитированного мультфильма, которое в этом случае не будет свидетельством категоризации одушевленности, а представит всего лишь цепочку фонетических процессов живого языка, где на первом этапе происходит диэреза, выпадение *y* в окончании *-iyim*, как в следующем примере:

- (17) *xorpi-ím* → *xorpi:m*
зимний-PL.M

‘зимние’ [Dekel 2014: 133],

а на втором этапе — сокращение образовавшегося долгого гласного *i* в постударной позиции, то есть мы бы ожидали дальнейшую эволюцию (17) в *xorpím*, хотя Н. Декель в своем исследовании разговорного иврита [Там же] о такой возможности не сообщает, равно как не делает этого и О. Шварцвальд: «*yaṛániyim* ~ *yaṛániim*» (японский.

¹⁰ К примерам из интернета следует относиться с осторожностью: в силу известной социолингвистической ситуации среди пишущих на иврите людей немало тех, для кого язык является выученным, в то же время носители языка склонны относиться к официальной орфографии с некоторой небрежностью. А. Л. Полян (личное сообщение) видит здесь проявление гаплогграфии.

PL.M) [Schwarzwald 2018: 120], но не *уарáним*. Тем не менее, по всей видимости, данное явление действительно имеет место, потому что в интернете нередко встречаются формы относительных прилагательных на *-im* в таких случаях, когда ни о какой одушевленности речи идти не может (например, в сочетаниях вроде «настоящие тренировки» или «подлинные данные»).

Наконец, мы можем предположить, что источник происхождения части примеров из интернета заключается в банальной опечатке (в ивритской графике формы на *-im* отличаются от форм на *-iyim* только отсутствием удвоения буквы *י*):

- (18) *gufim* *rusim* (вместо: *rusiyim*) *rišmiyim*
 учреждение.PL.M российский.PL.M официальный.PL.M
 ‘официальные российские учреждения’ [<https://rotter.net/forum/scoops1/268917.shtml>]

Но, если все же предположить, что речь идет не об опечатке, а о сознательном выборе формы, пример (18) дает материал для размышлений. Здесь определение, указывающее на принадлежность к стране (и тем самым более склонное к контекстам с одушевленным определяемым), приводится в форме на *-im*, а второе относительное прилагательное, которому менее свойственно предполагаемое выражение одушевленности, выступает в обычной форме на *-iyim*. Пример важен потому, что человеческие объединения и организации в языках мира нередко не только персонализируются, но и встраиваются в иерархию одушевленности на правах самостоятельного элемента (см. [Dahl, Fraurud 1996: 62; Bekins 2014: 112]), и в (18) мы видим, как определение, естественное при «живых» определяемых, будто бы проявляет согласование по одушевленности.

Характерным примером будет и употребление относительных прилагательных при названиях животных:

- (19) *šné klavim carfatim* (вместо: *carfatiyim*)
 два.M собака.PL.M французский.PL.M
nas 'ú le-germánya...
 ехал.3PL ДАТ-Германия

‘Две французские собаки поехали в Германию...’ [https://www.facebook.com/permalink.php?id=456483297746551&story_fbid=456515004410047]

Такое формообразование может вновь интерпретироваться и как отражение на письме фонетических процессов, упоминавшихся выше, и как опечатка, но в то же время можно видеть здесь сознательное указание на географическую принадлежность именно одушевленного объекта — животного¹¹.

В любом случае при всей неоднозначности материала, предлагаемого интернетом, даже на основании лишь нормативной грамматики, мы можем следовать принципу экономичности и видеть в чередовании окончаний *-im* / *-iyim* еще один пример выражения одушевленности / неодушевленности в иврите.

2.3. Форма SG.F

Как было показано в примере (4), двойственное выражение могут иметь относительные прилагательные и в формах SG.F. Формы на *-iyá*, однозначно указывающие на одушевленные объекты и особенно легко субстантивирующиеся¹², могут образовываться только тогда, когда в исходной форме ударение падает на последний слог [Bliboim 1995: 27–28; Schwarzwald 2018: 121; Academy 2011]. В силу названного фонетического ограничения не от всякого прилагательного возможно образовать «одушевленную» форму, поэтому альтернативные формы на *-it* указывают и на людей, и на любые другие объекты:

¹¹ Можно упомянуть и наличие пейоративных примеров, когда представители какого-либо народа или определенной группы называются сочетанием «название животного + национальная принадлежность»: в этом случае тоже распространен и естественен выбор окончания одушевленных определений.

¹² Заметим также, что формы, оканчивающиеся на *-iyá*, сопоставляются с существительными еще и потому, что наиболее стандартным окончанием существительных женского рода является ударное *-á*.

- (20) *xaredít / xarediyá* ← *xaredí*
 ортодоксальный.SG.F ортодоксальный.SG.M
 ‘ортодоксальная еврейская / ортодоксальная еврейка’

Обратное неверно: от некоторых прилагательных с ударением на последнем слоге все равно в норме образуется только форма SG.F на *-it*:

- (21) *yisreelít / *yisreeliyá* ← *yisreelí*
 израильский.SG.F израильский.SG.M
 ‘израильская; израильтянка’

Если создать поисковый запрос с формой **yisreeliyá*, среди результатов будет немало обсуждений, где люди спрашивают, корректная ли это форма. Этот факт свидетельствует о том, что образование той или иной формы SG.F для относительных прилагательных не полностью автоматическое, коль скоро вызывает вопросы. При этом реальных употреблений данной формы поисковой системой зарегистрировано сравнительно немного, но они встречаются:

- (22) *at* [?]*yisreeliya* (вместо *yisreelít*)?
 2SG.F израильский.SG.F
 ‘Ты израильтянка?’ [<http://www.moomoo.co.il/sites/page.php?id=224602>]

Если рассмотренные выше формы PL.M в письменной разговорной речи создавали неопределенность в связи с фонетическими процессами живого языка и орфографическими проблемами, в том числе возможностью опечаток, то в случае форм женского рода подобные трудности исключены и ситуация более однозначна (хотя определенное, по нашему мнению незначительное, влияние выучивших язык на подборку примеров возможно).

Естественно, стандартными существительными при формах на *-iyá* будут обозначения людей, но встречается выражение одушевленности и при антропоморфных объектах, которые нередко воспринимаются как одушевленные — например, куклы¹³:

¹³ Аналогично ситуации в русском языке.

- (23) *yéš lax paním šel bubá*
 EXIST DAT.2SG.F лицо POSS кукла.SG.F

rusiyá (тж. возможно: *rusít*)
 русский.SG.F

‘У тебя лицо как у «русской куклы» (матрешки)’. [<http://israblog.org/blogread.asp?blog=630364&blogcode=13653231>]

Хотя обычное употребление на *-it* гораздо более распространено при объектах, не являющихся отдельными людьми, мы можем найти примеры употребления «одушевленных» форм на *-iyá* при группах людей:

- (24) *mišpaxá carfatiyá* (вместо *carfatít*) *še-ractá*
 семья.SG.F французский.SG.F что-хотела

lecalém...

фотографировать

‘Французская семья, которая хотела сфотографировать...’ [<https://www.mako.co.il/hix-nature/Article-245384977376361006.htm>]

- (25) *lahaká angliyá* (вместо *anglít*) *xadašá*
 группа.SG.F английский.SG.F новый.SG.F

‘новая английская группа’ [<http://israblog.org/blogread.asp?blog=775398&blogcode=13366270>]

При типологически распространенном (ср. [Dahl, Fraurud 1996: 62]) метонимическом переносе «люди → места обитания» окончание *-iyá* встречается при названиях стран (показателен пример еще из библейского иврита), городов и районов:

- (26) ... *žárāš nākrīyá*
 земля.SG.F чужой.SG.F

‘[и стал я пришельцем в...] чужой земле’. [Исход 2:22]

- (27) ... *ki bexol zot zót lo mediná*
 поскольку тем_не_менее 3SG.F NEG государство.SG.M

nocriyá...

христианский.SG.F

‘...поскольку это всё же не христианская страна...’
 [<https://www.fxp.co.il/showthread.php?t=19106614&page=4>]

- (28) *raítem yehudí še-gár be-ír arviyá* (вместо *arvít*)?
 вы.видели еврей что-живет в-город.SG.F арабский.SG.F
 ‘Вы видели еврея, который бы жил в арабском городе?’ [<https://www.ynet.co.il/Ext/App/TalkBack/CdaViewOpenTalkBack/0,11382,L-4003547-3,00.html>]
- (29) *mišpaxá yehudiyá* (вместо *yehudít*)
 семья.SG.F еврейский.SG.F
gára be-šxuná arviyá (вместо *arvít*)...
 живет в-район.SG.F арабский.SG.F
 ‘Еврейская семья живет в арабском районе...’ [<https://www.ynet.co.il/Ext/App/TalkBack/CdaViewOpenTalkBack/0,11382,L-4030568-5,00.html>]

Интересно, что и автоматический переводчик Google маркирует два определения к одному неодушевленному объекту по-разному:

- (30) *knesiyá rusiyá* (вместо *rusít*) *ortodóksit ba-kfár*
 церковь.SG.F русский.SG.F православный.SG.F в-деревня
 ‘русский православный храм в этой деревне’ [https://www.tripadvisor.co.il/Attraction_Review-g298484-d12211557-Reviews-Travel_Real_Russia-Moscow_Central_Russia.html]

Здесь прилагательное, выражающее национальную принадлежность, ведет себя как одушевленное, образуя форму на *-iyá* (можно предположить, что на такой выбор повлияло созвучное окончание существительного), а второе определение сохраняет обычную форму прилагательного на *-it*.

Рассмотрим также ситуацию с животными.

Нормативная грамматика не предполагает употребление форм на *-iyá*, однако поиск в интернете дает немногочисленные примеры такого употребления. При этом может подразумеваться как человек:

- (31) *cipór arviyá* (вместо *arvít*) *lax(a)šá li...*
 птица.SG.F арабский.SG.F шепнула мне
 ‘Мне нашептала арабская птичка...’ [<https://news.walla.co.il/item/3080484>],

так и собственно животное:

- (32) *éz arviyá* (вместо *arvít*) *rocá laasót beee*,
 коза.SG.F арабский.SG.F хочет сделать ...
avál yocé la fee
 но выходит DAT.3SG.F ...

‘Арабская коза хочет сказать *бе-е-е*, но у нее выходит *фе-е-е*’.
 [http://israblog.org/blogread.asp?blog=63895&catcode=32812&pagenum=16&catdesc=]

Мы можем осторожно интерпретировать эти примеры как свидетельство допустимости одушевленного маркирования животных.

2.4. Синтаксис

Выше, комментируя схему в (13), мы уже говорили о синтаксическом поведении тех или иных форм. Сделаем теперь несколько обобщающих замечаний.

1. Все формы, приведенные выше, могут вступать в атрибутивную связь с существительными (см. различные примеры словосочетаний).

2. В позиции именного сказуемого при очевидно одушевленном субъекте более характерны формы с предполагаемым выражением одушевленности, но могут употребляться и обычные формы, тогда как при неодушевленном субъекте скорее ожидаются последние.

3. В позиции подлежащего или прямого дополнения (если речь не идет об анафорических контекстах) самостоятельно, то есть с субстантивацией, возможны только формы «одушевленные» — см., например, подлежащее в примере (5) или дополнение в (33):

- (33) *aní ohév-et ostrálim / *ostráliyim*
 1SG люблю-SG.F австралийские.SG.M

‘Я люблю австралийских (одуш. = австралийцев) / *австралийских (неодуш.)’. [https://spaly.net/-אני-חיה-באוסטרליה-מזה-המש-שנים-ואלו-הם-ה-]

2.5. Относительные прилагательные: итоги

Итак, мы рассмотрели формы относительных прилагательных и, даже если не принимать во внимание неоднозначные данные разговорного языка, можно сделать вывод о выражении в этой ситуации категории одушевленности.

Относительные прилагательные, указывающие на принадлежность национальную (типа *rusí* ‘русский’, *yisreelí* ‘израильский’), географическую (*amerikáni* ‘американский’), религиозную и культурную (*yehudí* ‘еврейский’, *nocrí* ‘христианский’), сравнительно последовательно принимают специализированные формы SG.F и PL.M при одушевленных определяемых. Таким образом, в упрощенной идеальной ситуации имеется два набора окончаний:

		неодуш.		одуш.
(34)	SG.M	<i>-i</i>	~	<i>-i</i>
	SG.F	<i>-it</i>	~	<i>-iyá</i>
	PL.M	<i>-iyim</i>	~	<i>-im</i>
	PL.F	<i>-iyot</i>	~	<i>-iyot</i>

Мы видим, что набор окончаний условно одушевленного ряда в отдельных формах, с одной стороны, отличается от неодушевленного ряда незначительно, особенно если учитывать происходящее в разговорной речи превращение *-iyim* → *-i:m* → *-im*, что приводит к совпадению форм PL.M в схеме. С другой стороны, как было показано выше, окончание *-iyá* соотносится с характерными окончаниями именно существительных, равно как и *-im* (в противопоставлении *-iyim*) воспринимается как окончание, присущее скорее существительным — активным деятелям. Повторим, что это не обязательно говорит о неперемной субстантивации форм прилагательных при одушевленном наборе окончаний, но объясняет их поведение в ряде синтаксических контекстов, а сами формы, таким образом, мы можем видеть как маркированные по признаку грамматической одушевленности.

3. Модель *CvC(C)áC*

Явление, которое мы рассмотрим в этом разделе, имеет неоднозначную интерпретацию.

Согласно классическим грамматикам, имена (существительные и прилагательные), принадлежащие ряду словообразовательных моделей типа *CvC(C)áC*, при образовании основы сопряженного состояния мн. ч. могут в общем случае выбирать либо вариант с сохранением гласного *a* основы (хотя он и теряет ударение), либо вариант с его редукцией¹⁴.

Модельный гласный *a* остается в словах, означающих «род занятий или качество», и редуцируется в противном случае [Barkali 2000: 16–17]. Поскольку под «родом занятий» подразумеваются названия человеческих профессий, а «качества» при ближайшем рассмотрении оказываются типичными характеристиками живых существ, мы можем увидеть в этом морфонологическом явлении выражение категории одушевленности.

Рассмотрим слова *sapár* ‘портной’ и *xalás* ‘слабый’, являющиеся названием профессии и характерным качеством живого существа соответственно:

- (35) *saparé* / **sapré* *ašdód*
 парикмахер.CSTR.PL.M Ашдод
 ‘парикмахеры Ашдода’
- (36) *anašim* *xalašé* / **xalšé* *ófi*
 люди.PL.M слабый.CSTR.PL.M характер
 ‘слабохарактерные люди’

В примерах (35)–(36) мы видим, в полном соответствии с правилом, сохранение гласного *a*. Вместе с тем слова, не называющие

¹⁴ Редукция в современном произношении может быть как полной — переходом в ноль звука, так и переходом в *шва*, часто реализующемся просто как гласный *e*.

профессии или характеристики живого существа, — пространства, явления или явно неживые объекты¹⁵ — дают форму с редукцией:

- (37) *kikrot* / **kikarót* *ha-ír*
 площадь.CSTR.PL.F DEF-город
 ‘площади города’

Аналогичное приведенному выше замечание делает в своих «Решениях в области грамматики» и Академия языка иврит, говоря о разновидности именной модели для четырехконсонантных корней: гласный *a* сохраняется в словах, «указывающих на совершателя действия», и редуцируется в противном случае [Нахлатот 2014: 19]. При этом под «совершателем действия» подразумеваются не только очевидно одушевленные субъекты вроде *carxán* ‘потребитель’ (38), но и инструменты (39):

- (38) *carxané* / **carxené* *ha-mayonéz*
 потребитель.CSTR.PL.M DEF-майонез
 ‘потребители майонеза’

Отсутствие редукции наблюдается в названии инструментов с трехконсонантным корнем:

- (39) *šalaté* / **šalté* *raxók*
 управитель.CSTR.PL.M дальний
 ‘пульта дистанционного управления’

Несколько неожиданно не редуцируется гласный и в слове *agás* ‘груша’:

- (40) *agasé* / **agsé* *ásya*
 груша.CSTR.PL.M Азия
 ‘груши Азии’

Предположим, что продукты могут маркироваться как своеобразный *инструмент* поддержания жизни человека, но нельзя исключать и спонтанного отклонения в системе.

¹⁵ За исключением инструментов, о чем см. ниже.

При этом в некоторых названиях животных, относящихся к моделям типа $CaC(C)áC$, редукция происходит, например в словах *ayál* ‘олень’ или *arnáv* ‘кролик’, а в других отсутствует, как в *tavás* ‘павлин’:

(41) *ayelé* / **ayalé* *ha-olám* *ha-yašán*
 олень.CSTR.PL.M DEF-мир DEF-старый

‘олени Старого Света’

(42) *arnevé* / **arnavé* *ha-yáar*
 кролик.CSTR.PL.M DEF-лес

‘лесные кролики’

(43) **tavsé* / *tavasé* *hódu*
 павлин.CSTR.PL.M Индия

‘индийские павлины’

Оставляя за скобками некоторые частные случаи моделей с вторичной геминацией, исключающей редукцию гласного, мы можем распределить слова модели $CvC(C)áC$ по двум основным группам:

а) редукция отсутствует:

— люди (профессии): *sapár* ‘портной’, *carxán* ‘потребитель’, *ikár* ‘крестьянин’ и др.;

— качества (преимущественно людей или инструментов): *xaláš* ‘слабый’, *xayáv* ‘обязанный’, *nayád* ‘мобильный’ и др.;

— инструменты и пища: *cantár* ‘катетер’, *avrár* ‘отдушина’, *agás* ‘груша’;

б) редукция имеется:

— пространства: *kikár* ‘площадь’;

— явления и процессы: *idán* ‘эпоха’, *ikár* ‘суть’ и др.

При этом в названиях животных, как было показано выше, редукция может происходить (*ayál* ‘олень’, *arnáv* ‘кролик’, и др.¹⁶), а может и исключаться (*tavás* ‘павлин’).

¹⁶ К сожалению, для слова *nagáx* ‘бодливый’ — типичной характеристики животного — в источниках не зафиксировано формы CSTR.PL, поэтому мы не знаем, к какой группе оно бы относилось.

Предположим, что данное распределение имеет отношение к категории одушевленности или близости объекта человеку, и попробуем выстроить иерархию для существительных. Естественным образом наибольшая одушевленность всегда связана с человеком; инструменты, которые маркируются в моделях *CvC(C)áC* аналогично людям, следовательно, занимают вторую позицию. Далее мы переходим к словам с редукцией, предположительно менее одушевленными, и вынуждены расположить животных — фактически живых существ — уровнем выше, чем пространства и процессы. В свою очередь, пространства, которые могут иметь какой-то конкретный осязаемый референт, поставим выше максимальной абстракции — процессов. Мы получим следующую потенциально возможную иерархию:

(44) Люди (профессии) → инструменты → животные → пространства → процессы

И эта схема была бы соотносима в общих чертах с классическими иерархиями одушевленности [Silverstein 1976; Becker 2014: 63–64; Bekins 2014: 111–112], если бы не одна особенная деталь или даже изъян — инструмент, помещаемый выше животных. Это противоречит представлению, согласно которому «мы не находим языков, которые бы обращались с людьми и неодушевленными объектами одинаково, исключая животных» [Becker 2014: 10]¹⁷.

Можно в таком случае предположить, что иврит интерпретирует инструменты как близкие человеку, то есть совершает определенный (вероятно, метонимический) перенос, позволяющий представлять неживые объекты как «одушевленные». Само по себе включение неживых предметов в класс одушевленных не является чем-то уникальным [Dahl,

¹⁷ Любопытно, однако, вспомнить, что исключительный статус инструментов для совершения действия мог подчеркиваться в библейском и постбиблейском иврите, где имеются примеры «эргативного» маркирования подлежащего-пациенса при «неагентивном характере ситуации», и в частности инструмента — упавшего в воду топора [Коган, Лёзов 2009: 361] (этот элемент структуры не дошел до наших дней, но мы можем предположить, что языковая система «помнит» свои прошлые состояния и относится к инструментам особым образом).

Fraurud 1996: 63]; в языках классного типа это могут быть не только антропоморфные объекты, но и, например, деревья [Плунгян 2011: 142], а семитские языки как раз предположительно демонстрируют рудименты древней именной классной системы [Гранде 1998: 118]. В то же время, возможно, будет естественней считать инструменты своеобразными «совершателями действия», что позволяет увидеть в особенностях модели *CvC(C)áC* проявление не одушевленности, а другой категории — личности, для которой характерно противопоставлять людей и их артефакты всем прочим объектам [Плунгян 2011: 142–143].

Отметим, что постулирование категории личности в словах модели *CvC(C)áC* не исключает одновременного проявления категории одушевленности. Это можно продемонстрировать при помощи простейшего лексического теста: лексема *liškáv* ‘лежать’ возможна только с явно живыми объектами (люди, животные), тогда как формы слова *munáx* ‘возложен’ будут использоваться с неодушевленными предметами:

- (45) *ha-agás* ^{ok}*munax* / **soxév* *al* *ha-šulxán*
 DEF-груша.SG.M возложен.SG.M лежит.SG.M на DEF-стол
 ‘Груша лежит на столе’.

Мы видим, что груша (независимо от ее маркированности с точки зрения категории личности) интерпретируется языком как объект неодушевленный.

В свете всего сказанного необходимо отказаться от связи схемы в (44) с одушевленностью и признать ее иллюстрацией иерархии совсем другой категории — личности (с оговоркой: если такое построение вообще имеет право на существование, учитывая сравнительно небольшой языковой материал, который допускает различные интерпретации).

4. Выводы

Рассмотренные нами примеры и сделанные замечания укладываются в типологические представления об иерархии одушевленности. В [Bekins 2014: 112] представлена следующая схема:

(46) Человек → организация → одушевленные (не люди) → неодушевленные

Мы говорили про организации и животных в связи с формами SG.F и PL.M относительных прилагательных, где будто бы можно видеть проявления одушевленности, а в разделе, посвященном существительным модели $CvC(C)áC$, построили свою иерархию одушевленности для иврита. Обобщив сказанное, мы получим схему, которая согласуется в общих чертах с (44):

(47) Люди → антропоморфные → организация →
 + качества объекты (куклы) (семья, группа)
 → животные → неодушевленные
 (процессы, явления)

Конечно, на основании одних только рассмотренных фактов нельзя утверждать, что в языке происходит формирование или функционирование полноценной категории одушевленности: это могут быть и какие-то отклонения, которые система — напротив — стремится уничтожить, тем более что сведения из разговорного языка довольно неопределенные. Но при этом имеющиеся данные достаточно заметны, и ими нельзя пренебречь при разговоре об именованном компоненте грамматики языка. Возможно, наш разбор позволит в будущем достичь большей ясности в вопросе грамматического выражения одушевленности в современном иврите.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — показатель определенного прямого объекта; CSTR — форма сопряженного состояния; DAT — дативный показатель; DEF — определенный артикль; DEM — указательное местоимение; EXIST — экзистенциальный показатель; F — женский род; M — мужской род; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — показатель посессивности; SG — единственное число.

Литература

- Айхенвальд 1990 — А. Ю. Айхенвальд. Современный иврит. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990.
- Гранде 1998 — Б. М. Гранде. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- Дрейер 2009 — Л. М. Дрейер. Современный иврит // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 375–413.
- Коган, Лёзов 2009 — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Древнееврейский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 296–375.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Academy 2010 — Xaredim ve-xarediyim, xilonim ve-xiloniyim — siyomet -im le'umat siyomet -iyim [*Xaredim* and *xarediyim*, *xilonim* and *xiloniyim* — suffix *-im* vs. suffix *-iyim*] // Academy of Hebrew Language, 2010. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2010/03/25/סיומת-חילונים-חילונים-חידדים-חידדים> (дата обращения 16.02.2021).
- Academy 2011 — Datit o datiya — -it leumat -iya [*Datit* or *datiya* — *-it* vs. *-iya*] // Academy of Hebrew Language, 2011. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2011/07/07/דתי-או-דתייה-סיומת-קית-לעומת-סיומת> (дата обращения 16.02.2021).
- Academy 2013 — Xaklay ve-xakla'i — al ha-siyomot -ay ve-a'i [*Xaklay* or *xakla'i* — about the suffixes *-ay* and *-a'i*] // Academy of Hebrew Language, 2011. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2013/06/18/חקלאי-וחקלאי-על-הסיומות-אי-ו-א> (дата обращения 16.02.2021).
- Barkali 2000 — Sh. Barkali. *Lu'ax ha-šemót ha-šalém* [Complete table of nominals]. Jerusalem: Reuven Mas, 2000.
- Becker 2014 — M. Becker. The acquisition of syntactic structure animacy and thematic alignment. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Bekins 2014 — P. Bekins. Transitivity and object marking in Biblical Hebrew. Winona Lake: Eisenbrauns, 2014.
- Bliboim 1995 — R. Bliboim. *Taxbír+ [Syntax+]*. Jerusalem: Academon, 1995.
- Comrie 1989 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Dahl 2008 — Ö. Dahl. Animacy and egophoricity: Grammar, ontology and phylogeny // *Lingua*. 2008. № 118. P. 141–150.

- Dahl, Fraurud 1996 — Ö. Dahl, K. Fraurud. Animacy in grammar and discourse // Th. Fretheim, J.-K. Gundel (eds.). Reference and Referent Accessibility. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 47–64.
- Dekel 2014 — N. Dekel. Colloquial Israeli Hebrew. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- Gzella 2013 — H. Gzella. Animacy // G. Khan (ed.). Encyclopedia of Hebrew language and linguistics. Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 109–110.
- Haxlatot 2014 — Haxlatót ha-akadémya ba-dikdúk [Academy rulings: Grammar]. Jerusalem: Academy of Hebrew language, 2014.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.
- Schwarzwald 2018 — O. (R.) Schwarzwald. Stress assignment in words with *-i* suffix in Hebrew // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2018. Vol. 15. № 3. P. 110–127. URL: http://www.skase.sk/Volumes/JTL38/pdf_doc/06.pdf (дата обращения 16.02.2021).
- Yamamoto 2006 — M. Yamamoto. Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.

References

- Academy 2010 — *Xaredim ve-xarediyim, xilonim ve-xiloniyim — siyomet -im le'umat siyomet -iyim* [*Xaredim ve-xarediyim, xilonim ve-xiloniyim — suffix -im vs. suffix -iyim*]. Academy of Hebrew Language, 2010. Available at: <https://hebrew-academy.org.il/2010/03/25/החרדים-והרדיים-הילונים-והילוניים-סי> (accessed on 16.02.2021).
- Academy 2011 — *Datit o datiya — -it leumat -iya* [*Datit or datiya — -it vs. -iya*]. Academy of Hebrew Language, 2011. Available at: <https://hebrew-academy.org.il/2011/07/07/דתית-או-דתייה-סיומת-בית-לעומת-סיומת> (accessed on 16.02.2021).
- Academy 2013 — *Xaklay ve-xakla'i — al ha-siyomot -ay ve-a'i* [*Xaklay or xakla'i — about the suffixes -ay and -a'i*]. Academy of Hebrew Language, 2011. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2013/06/18/חקלא-והקלאי-על-הסיומות-אי-ו-אי> (accessed on 16.02.2021).
- Aykhenvald 1990 — A. Yu. Aykhenvald. *Sovremennyi ivrit* [Modern Hebrew]. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990.
- Barkali 2000 — Sh. Barkali. *Lúax ha-šemót ha-šalém* [Complete table of nominals]. Jerusalem: Reuven Mas, 2000.

- Becker 2014 — M. Becker. *The acquisition of syntactic structure animacy and thematic alignment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Bekins 2014 — P. Bekins. *Transitivity and object marking in Biblical Hebrew*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2014.
- Bliboim 1995 — R. Bliboim. *Taxbír+* [Syntax+]. Jerusalem: Academon, 1995.
- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Dahl 2008 — Ö. Dahl. Animacy and egophoricity: Grammar, ontology and phylogeny. *Lingua*. 2008. No. 118. P. 141–150.
- Dahl, Fraurud 1996 — Ö. Dahl, K. Fraurud. Animacy in grammar and discourse // Th. Fretheim, J.-K. Gundel (eds.). *Reference and Referent Accessibility*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 47–64.
- Dreyer 2009 — L. M. Dreyer. Sovremennyy ivrit [Modern Hebrew]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Loesov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the world: The Semitic languages. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow: Academia, 2009. P. 375–413.
- Dekel 2014 — N. Dekel. *Colloquial Israeli Hebrew*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- Grande 1998 — B. M. Grande. *Vvedeniye v sravnitelnoye izucheniye semitskikh yazykov* [Introduction to the comparative study of Semitic languages]. Moscow: Izdatelskaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1998.
- Gzella 2013 — H. Gzella. Animacy. G. Khan (ed.). *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics*. Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 109–110.
- Haxlatot 2014 — *Haxlatót ha-akadémya ba-dikdúk* [Academy rulings: Grammar]. Jerusalem: Academy of Hebrew language, 2014.
- Kogan, Loesov 2009 — L. E. Kogan, S. V. Loesov. Drevneyevreyskiy yazyk [Ancient Hebrew]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Loesov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the world: The Semitic languages. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow: Academia, 2009. P. 296–375.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical semantics: Grammatical meaning and grammatical systems of the world’s languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Schwarzwald 2018 — O. (R.) Schwarzwald. Stress assignment in words with *-i* suffix in Hebrew. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 2018. Vol. 15. No. 3.

P. 110–127. Available at: http://www.skase.sk/Volumes/JTL38/pdf_doc/06.pdf (accessed on 16.02.2021).

- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity. R. M. W. Dixon (ed.), *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. P. 112–171.
- Yamamoto 2006 — M. Yamamoto. *Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.

Выражение причинно-следственной связи в ранних высказываниях русскоязычных детей о явлениях физического мира

Е. В. Галкина

Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН (Санкт-Петербург, Россия);
dinomama@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются речевые способы выражения причинно-следственной связи в высказываниях детей раннего возраста о физических объектах и явлениях природы. Исходя из представлений [Сергиенко и др. 2009] о существовании отдельных путей понимания физической каузальности для объяснения поведения вещей и психической каузальности для объяснения поведения других живых существ, исследование проводилось с целью проследить закономерности освоения вербализации отдельных видов причинности на самых ранних этапах языкового развития. Высказывания с рассматриваемой семантикой появляются на стадии однословных фраз, первоначально представляют собой «описание» взаимодействия ребенка с объектами ближнего окружения и отражают понимание того, что состояние и свойства физических объектов изменяются вследствие внешнего воздействия, а также сами могут выступать в роли модифицирующего фактора.

Ключевые слова: детская речь, ранний возраст, каузальность, русский язык, когнитивная модель физического мира.

The linguistic expression of causal relationships in early statements by Russian-speaking children about things and physical phenomena

E. V. Galkina

Pavlov Institute of Physiology RAS (St. Petersburg, Russia); dinomama@yandex.ru

Abstract. This paper examines linguistic expression of causal relations by children aged 1–3.5 years in their statements about physical objects or natural phenomena. The study is based on [Sergienko 2009] postulating the existence of separate ways for understanding causality: understanding physical causality as a way to explain the “behavior” of inanimate objects, and understanding mental causality as a way to explain the behavior of living things. The goal of the study is to trace the acquisitional patterns for verbalization of certain types of causality at the earliest stages of language development. Such statements appear in children’s speech at the stage of one-word phrase generation and, up to the age of 30–32 months, represent “descriptions” of the child’s interaction with objects from the nearest environment. They reflect the child’s understanding of the fact that states and properties of physical objects can change following active influence on them and can act as modifying factors themselves. Due to the peculiarity of the early-age speech behavior, children may declare both external and internal motives (characteristic of living beings) to be the causes of physical events. The main means of expressing of the cause-effect relationship (in children under the age of 3.5 years) are causative verbs, complex asyndetic sentences, or nominal syntax with a causal meaning. Complicated and complex sentences with subordinate causal clauses are also sometimes used by children of this age, though not yet as the main means for description of logical relationships. Children demonstrate individual differences in assimilation sequences and the repertoire of the means used. Our findings agree with the idea voiced in [Sergienko 2006, 2008; Gelman, Wellman 1991] that there exist various levels of organization of mental models which form the base for interpretation of physical and mental events and become more complicated with the development of understanding of physical objects.

Keywords: children’s speech, early age, causality, Russian language, the cognitive model of the physical world.

1. Вступительные замечания

В работе рассматриваются речевые способы выражения функционально-семантической категории причинности [Бондарко 1983; Евтюхин 1996] в высказываниях детей о физических объектах и явлениях природы.

Понимание закономерностей физического мира традиционно рассматривается в исследованиях, посвященных когнитивному развитию детей раннего возраста [Сергиенко и др. 2009], с точки зрения способности предвосхищать эффекты собственных действий, способности предвидеть и понимать причины действий других людей, понимать причины физических событий [Баттерворт, Харрис 2000; Мухамедрахимов 1999; Сергиенко и др. 2009; Flavell 2004; Spelke et al. 1995; Gardenfors 2003; Legerstee 2005].

Предполагается существование двух отдельных путей понимания причинности: физической каузальности для объяснения поведения вещей и психической каузальности для объяснения поведения других живых существ [Лебедева 2006; Сергиенко и др. 2009; Уланова 2015].

Различие между живыми существами и физическими объектами может быть описано исходя из общих признаков, таких, как принцип движения, стабильность, предсказуемость и сложность законов существования: неживые (физические) объекты движутся предсказуемо и в условиях приложения внешних сил, в то время как живые — двигаются сами, нестабильны и трудно предсказуемы. Вследствие этого различается и активность человека, направленная на них. К примеру, с людьми взаимодействуют, фокусируясь на их ментальных состояниях, эмоциях и интенциях. Объекты физического мира не имеют внутренних состояний, над ними — действуют, принимая в расчет их характеристики и функции. Подобные различия служат причиной специфичности двух линий когнитивного развития ребенка — познания объектов физического и социального мира [Сергиенко и др. 2009; Gelman 2004].

В работах, посвященных языковому развитию [Галкина 2018; Казаковская 2004; Князев 2007; Кузьмина 1990; Лепская 1997; Протасова 2006; Цейтлин 2009], освоение основных средств выражения причинно-следственных отношений в возрасте до трех с половиной лет описывается лишь в целом. Таким образом, представляется актуальным специальное исследование вербализации отдельных видов причинности.

В данной работе будут рассмотрены речевые способы выражения каузации на примере ранних высказываний русскоязычных детей о физических объектах и явлениях природы.

Материалом послужили высказывания 27 типично развивающихся детей в возрасте 0;9–3;6¹.

1. Данные автора исследования: 1.1) лонгитюдные наблюдения — дневниковые, аудио- и видеозаписи (в сумме ~ 46 ч.) речи 4 детей — Денис (0;9–2;6), Маша (0;9–2;1), Настя (1;0–2;3), Миша (1;3–1;8); 1.2) фиксация спонтанной речи в ходе свободной игры (10 информантов 1;1–3;0; в течение 6 месяцев, 5 часов 3 раза в неделю).

2. Опубликованные дневниковые записи: Волик Ш. (1;3–1;11) [Шмидт 2010], Женя Г. (1;10–2;6) [Гвоздев 1961], Хома Р. (1;3–3;6) [Рыко 2018], материалы фонда лаборатории детской речи РГПУ им. Герцена — высказывания 10 информантов (1;1–3;2) [Воейкова, Елисеева 1993; Цейтлин 1997, 2001; Цейтлин, Елисеева 1998].

Всего проанализировано ~ 400 высказываний с рассматриваемой семантикой. При обработке из материала исключались множественные повторы высказываний, случаи явного цитирования и прямой имитации речи взрослых.

2. Средства выражения причинно-следственных отношений в русском языке

Семантика причинно-следственных отношений подразумевает логическую взаимообусловленность событий, одно из которых находится в зависимости от другого на основании временной последовательности либо наличия соответствующего общего закона. Понятие каузальности рассматривается в качестве функционально-семантической категории [Бондарко 1983; Евтюхин 1996] и может быть выражено в русском языке при помощи самых разнородных лексических и грамматических средств, которые широко и подробно описаны в лингвистической литературе [Апресян 1995; Беличова-Кржижкова 1985; Берестова 2012; Богуславская, Левонтина 2004; Всеволодова, Яценко 1988; Жданова 1998; Золотова 1973, 2006; Левонтина 2013;

¹ Здесь и далее возраст ребенка обозначается: 1;2 = 1 год и 2 месяца.

Ляпон 1980; Мустайоки 2006; Пекелис 2017; Сай (в печати); Санников 2001; Урысон 2000, 2011; Хааг 2004; Холодович 1969 и др.]

Основными способами выражения причинности являются:

- сложноподчиненные предложения с союзами *потому что; а то; в результате того, что; благодаря тому, что; в результате чего; благодаря чему* и т. п. (*Саша замерз, потому что его ботинки промокли. Возьмите зонтик, а то начинается дождь. У нее простуда, так что она останется дома*); для выражения причины психического состояния [Берестова 2012: 178] используются союзы *что (мне грустно, что вы уходите)* и *когда (мне нравится, когда приходят друзья)*;
- бессоюзные сложные предложения (*заболел ребенок, мама звонит врачу*);
- сложносочиненные предложения (*ребенок заболел, и мама вызывает врача*);
- каузативные глаголы (*Настя кормит собаку; дождь разрушил наши планы*);
- причинные наречия *спросонья, спьяну, сослепу, содуру, сгоряча, со зла, поневоле, невольно, по случаю* (*по случаю праздника дочку нарядили в красивое платье*);
- существительные *причина, следствие* и т. п. (*костер — причина лесного пожара; следствие дождей — наводнение*);
- предложно-падежные формы существительных (*от, из, из-за, по* + Р. п. (*от радости, по глупости, из-за экзаменов*); «по» + Д. п. (*скучаю по дому*); *за, через* + В. п. (*радуюсь за сына*); Р. п. без предлога (*бояться грозы; стесняться прохожих*); *перед, с, за* + Т. п. (*восторг перед чудесами прогресса; совсем замучался с этой проблемой; телевизор отдали за ненадобностью*) и т. п.

«Периферийными» средствами считаются конструкции, в которых семантика причины и следствия может быть совмещена с другими значениями:

- наречия (*благоразумно промолчать* = промолчать из благоразумия);

- причастные обороты (*промокишая одежда больше не греет*);
- деепричастные обороты (*услышав звуки музыки, мы распахнули окно*);
- частицы *все-таки, ведь, же* и т. п. (*надень шапку, холодно же*);
- вводные слова *к счастью, к радости* и т. п. (*к счастью, он приехал*);
- фразеологизмы *от нечего делать, ни с того ни с сего, ни за что ни про что* и т. п. (*ни с того ни с сего малыш засмеялся*).

Выбор определенных способов передачи причинно-следственных отношений определяется особенностями коммуникативной ситуации [Всеволодова, Ященко 1988].

3. Вербализация причинности в процессе речевого онтогенеза

В ходе исследования средств выражения детьми каузальной семантики на материале русского языка [Галкина 2018; Елисеева 2015; Казаковская 2006; Князев 2007, 2009, 2013; Кузьмина 1990; Лепская 1997; Протасова 2006; Цейтлин 2009] специального акцента на выражении причинно-следственных отношений в области социального или физического мира не делалось. В целом было показано следующее. Понимание смысла высказываний со значением причинности опережает появление подобных высказываний в детской речи [Князев 2007; Слобин 1984: 160; Tomasello 1995: 104]. Это происходит вследствие того, что подобные конструкции часто встречаются в бытовых ситуациях общения ребенка и взрослого *давай мыть ручки, грязные же; надем сапожки, а то лужи большие; вот бросила тарелочку и разбилась она!* (примеры речи взрослых из материалов автора исследования).

По данным литературы, освоение основных средств выражения каузальности происходит в возрасте от двух до трех с половиной лет [Галкина 2018; Князев 2007; Кузьмина 1990; Протасова 2006].

На этапе однословных высказываний единственный компонент служит для обозначения желаемого события «сделать так, чтобы»

(ням! = кормить). В ситуации дефицита выразительных средств отдельные глаголы могут выполнять роль «универсального каузатора». Пример подобного использования глагольной формы *дай*² описывается в работе С. Н. Цейтлин: «на этапе двухсловных и даже трехсловных предложений: Аня С. (2;2): *дай темно!* — чтобы выключили свет, *дай дверь закрыта* — чтобы закрыли дверь» [Цейтлин 2009: 228].

Время появления двухкомпонентных высказываний со значением причины и следствия Ю. П. Князев датирует возрастом около 2 лет [Князев 2007], по материалам нашего исследования — 1;7–1;8 [Галкина 2018]. Последующее развитие происходит за счет увеличения длины и семантической сложности фраз.

К числу наиболее ранних способов передачи причинности относятся [Галкина 2018; Князев 2007; Протасова 2006] бессоюзные соединения предложений, при помощи которых передаются основные смыслы: а) следование взаимообусловленных событий во времени: *Анька рисовал вот там, папа ругал* (2;0) [Князев 2007: 344]; б) обоснование происходящего: *никак не открыть, стекло мешает* (1;9) [Князев 2007: 345]; в) актуализация проблемы и просьба о помощи: *никак достать, помоги мне* (1;9) [Галкина 2018: 110].

На следующем этапе описывается [Князев 2007: 345, 2009, 2013; Елисеева 2015; Галкина 2018] появление в речи синтаксических средств выражения каузативности. Так, союз *потому что*³ зафиксирован в речевом материале детей возраста 2;3–2;5: *там нет Гвидона, потому что он хворает Гвидон* (2;3). В сходный период времени

² Данный глагол, являясь донативным, может быть одновременно отнесен и к классу каузативных, поскольку *дать* состоит в каузативных отношениях с *иметь*, обозначая смену possessора (*дай* означает ‘сделай так, чтобы некто имел’) [Цейтлин 2009: 228].

³ «Первые высказывания подобного рода представляют собой неполную конструкцию сложноподчиненного предложения (Взрослый: *Аня, у тебя сопельки?* Ребенок: *Потому что плакала я* (Аня С. 2;3)» [Князев 2007: 340]. Возможно также употребление грамматически правильных, но бессмысленных высказываний типа: «*Я кладу песочек, потому что песочек* (Варя П. 1;10)» [Протасова 2006: 172].

(2;3–2;4) обнаруживаются вопросительные слова *почему* и *что* о причине и цели: Взрослый: *Дай я шапку надену, а то у меня голова отмерзнет*. Ребенок: *Почему?* (2;3); *Почему они холодные? — Там ветер. Ветер сегодня* (2;4); *Что ты складываешь (кубики) обратно?* (2;2). Чуть позже (2;4–2;6) появляется союз *а то* со значением причины (*надень штiblеты, а то мокро* (2;3); *покорми козочку, а то голодная* (2;4)) [Князев 2007: 346].

К середине третьего года (после 2;7) дети начинают использовать союзы *и, так что* (*рукавички сняла и ручки холодные* (2;7)) [Галкина 2018: 112]; см. также [Князев 2007].

В последнюю очередь, по данным обзора Ю. П. Князева, в речи детей появляются предложно-падежные конструкции с каузативной семантикой ((собаки дерутся) *из-за косточки* (3;2); *это я (шалю) по глупости* (3;4)) [Князев 2007: 352].

В работах Ю. П. Князева [Князев 2007: 348, 352], С. Н. Цейтлин [Цейтлин 2009: 231] упоминаются также случаи ненормативного использования средств передачи причинно-следственных отношений:

- а) *из тебя* = *из-за тебя* (3;6); *из-за того, что + за то, что = за того что* (она меня за того что прогнала, что я съел кожу (от яблока)) (3;3);
- б) *зачем* вместо *почему* (в норме допускается вопрос о причине, а не о цели): *зачем грязный носик?* (2;0); *зачем стаивает снег?* (2;10);
- в) *зато* = *потому* (*у тебя сидит кашель в горле, зато ты кашляешь?*) (2;10);
- д) образование каузативных форм от непереходных глаголов (*такой сон только Оле-Лукойе может присниться; Антонина Васильевна меня вишнями объела*).

Таким образом, на основе имеющихся литературных данных можно обозначить основные способы выражения причинности, характерные для наиболее ранней стадии речевого развития: каузативные глаголы, бессоюзные соединения предложений, союзные конструкции с причинно-целевым значением, а также предложно-падежные формы существительных со значением обусловленности.

4. Становление когнитивной модели⁴ физического мира в раннем возрасте

Исследования в области когнитивной психологии [Сергиенко и др. 2009; Сергиенко 2008; Мухамедрахимов 1999; Gelman, Wellman 1991; Spelke et al. 1995; Tomasello 1995] показывают, что способность к дифференциации социальных и физических объектов обнаруживается на самых ранних этапах онтогенеза и, согласно исследованиям М. Легерсти [Legerstee 1994], выражается на поведенческом уровне уже в возрасте 4-х месяцев: малыши улыбаются, вокализируют, имитируют действия человека, воспринимая его как социальный объект, в то время как неодушевленные предметы расцениваются ребенком в качестве цели для достижения. Способность различать причины, приводящие к движению физических и социальных объектов, отмечалась у детей начиная с 7-месячного возраста [Spelke et al. 1995], а к возрасту 10 месяцев младенцы демонстрировали понимание того, что люди обладают намерениями и имеют определенные цели, в то время как для предметов и анимированных объектов эти свойства не характерны [Legerstee, Markova 2007]. У испытуемых в возрасте 12 месяцев была выявлена [Gelman, Wellman 1991] способность к каузальному анализу пространственного поведения объектов (для движения физического предмета необходимо приложение внешних сил, а действия индивида происходят на основе его намерения). Существует мнение [Баттерворд, Харрис 2000; Лебедева 2006; Сергиенко и др. 2009], что в соответствии с врожденной, базовой схемой физического мира младенцы представляют движение материальных тел, опираясь на такие свойства, как непрерывность и субстанциальность. Так, в работах Е. А. Сергиенко [Сергиенко и др. 2009; Сергиенко 2006], см. также [Kim, Spelke 1999] была показана способность детей 2–4 месяцев предвосхищать непрерывное движение,

⁴ В данной работе мы опираемся на представления о развитии когнитивной модели социального и физического мира, изложенные в работах Е. И. Сергиенко [Сергиенко и др. 2009; Сергиенко 2008].

проследивать путь спрятанного за ширмой объекта и учитывать пространственно-временные характеристики этого передвижения. Младенцы демонстрировали реакцию на события, связанную с нарушением законов физики (в маленькую коробку помещается больший по размеру кубик, либо вещь стоит без поддержки).

Несмотря на то, что имплицитные знания о различиях физических и социальных объектов, а также понимание основных законов физического мира демонстрируются еще в раннем возрасте, осознание и, как следствие этого, способность объяснить происходящее, то есть эксплицитировать причинность, типично развивающиеся дети обнаруживают не ранее 3–5-летнего возраста [Сергиенко и др. 2009]. В ходе лингвистических экспериментов на материале русского языка, проведенных А. Ю. Улановой и Е. А. Сергиенко [Уланова, Сергиенко 2015: 21], дети 3 лет и старше были способны мотивировать движение объектов в соответствии с законом гравитации: *Доска не может так упасть, чтобы кубика было не видно, он же там стоит; Сока больше, чем поместится в маленький стакан; Кубики упали, потому что они не могут держаться за воздух*. При объяснении детьми 3–4 лет ситуаций в задачах на непрерывность в половине случаев происходила констатация случившегося без уточнения того, что физический объект не может продолжать свое движение по прежней траектории при наличии препятствия [Лебедева 2006: 87]. Попытки объяснить различия причин движения физических и социальных объектов наблюдались в экспериментальной ситуации начиная только с 4-летнего возраста. Понимание принципа сохранения основных свойств материи при изменении ее внешнего вида, а также необходимости контакта для движения физических объектов отражалось в рассуждениях пятилетних участников исследования [Сергиенко и др. 2009; Уланова, Сергиенко 2015].

Аналогично на материале других языков [Gelman, Wellman 1991; Gotswamy 1998] было показано, что информанты лишь среднего и старшего дошкольного возраста способны объяснить различие внутренних механизмов движения живых и неживых объектов (искусственные объекты приводятся в движение людьми, а живые объекты сами производят движение).

В речи дошкольников отмечается тенденция приписывать объектам ментальные состояния [Лебедева 2006: 89; Уланова, Сергиенко 2015: 21]. При этом активность физического объекта (движение по траектории, падение и т. п.) может связываться не с физическими причинами, а с ментальными (намерениями, желаниями и т. п.): (мяч) *увидел, что стена, стукнулся и встал; она (доска) упала и разломалась, а он (кубик) убежал* [Лебедева 2006: 34]. Данный феномен возможно объяснить такой характеристикой мышления в детском возрасте, как «анимизм»⁵ [Piaget 1954]. Авторы отмечают, что полное, развернутое описание причины физических событий в соответствии с законами физического, а не ментального мира, наблюдается у детей только к 5–6 годам [Лебедева 2006; Уланова, Сергиенко 2015].

Согласно Е. А. Сергиенко [Сергиенко и др. 2009; Сергиенко 2006], в раннем возрасте развитие представлений о закономерностях физического мира происходит сообразно логике общего усложнения когнитивной модели: от способности осознавать и прогнозировать движение неживых объектов к пониманию того, чем вызваны изменения определенных характеристик физических тел, и умению сопоставлять отдельные их признаки. Прослеживаются два уровня организации ментальных моделей: низкий уровень, связанный с определенным контекстом, и более высокий — ситуативно независимый уровень, позволяющий понимать причинность событий в целом.

5. Результаты исследования

В ходе анализа лингвистического материала были обнаружены следующие способы передачи причинно-следственной семантики в высказываниях о мире вещей и физических явлений⁶.

⁵ «Анимизм» понимается как приписывание одушевленности неодушевленным объектам [Piaget 1954].

⁶ При изложении результатов средства вербализации причинности приводятся в хронологическом порядке, в соответствии с возрастом информантов на момент фиксации в их речи тех или иных способов.

5.1. Каузативные глаголы или слова «языка нянь», их заменяющие

Отмечаются в речи с возраста 1;0–1;3, используются ребенком для обозначения ситуации *изменения* характеристик (внешнего вида, целостности, структуры, положения, функционального состояния) *физического объекта* в результате *внешнего воздействия*.

В возрасте 1;0–1;3 представляют собой единственный компонент высказывания.

- (1) *Бух* (1;3)/*Бах-пах!* (1;5) = ломать, делать так, чтобы разлетелось на кусочки.
- (2) *Порвала* (1;6).

Начиная с возраста 1;5–1;6 входят в состав двухсловных и более длинных фраз.

- (3) *Смотри, порвала* (1;6).
- (4) *Намочила Настя* (1;7).
- (5) *Папа, почисти!* (1;8).
- (6) *Видишь, красками измазала* (1;10).
- (7) *Выбросила памперс туда* (1;10).
- (8) *Катя сломала, плохая* (2;1).
- (9) *Смотри, я забросил самолет высоко-далеко!* (2;10).
- (10) *Намочил дождик ножку мою* (2;10).
- (11) *Ветер сломал сегодня домик* (3;3).

Зафиксированы также варианты высказываний, когда выраженное каузативным глаголом действие не проговаривается.

- (12) *Папа бу!* (1;9) = папа включил вентилятор (*бу*).
- (13) *Тима огонь* (2;2) = Тима зажег огонь.

Отмечаются случаи употребления непереходных глаголов в каузативном значении.

- (14) *Будем самолет лететь высоко* (1;10).
 (15) *Котлетку прыгай <в> ротик ко мне!* (1;11).

5.2. Двухкомпонентные вербально-невербальные фразы

Появляются в речи наших информантов с возраста 1;2–1;3. Используются для обозначения ситуации, когда физический объект выступает в роли каузатора. Представляют собой «прототип» причинно-следственного высказывания, состоящий из жеста и слова «языка нянь».

- (16) *Бо-бо/ва-ва* = больно/больное место + указывает на шершавую стенку = мне больно, эта штука меня поцарапала (1;2).

5.3. Высказывания, содержащие вербально выраженные причинный и следственный компоненты

Отмечаются в нашем материале с возраста 1;7–1;8. Части фразы соединяются только при помощи смысла и интонации⁷. Используются ребенком для описания следующих типов ситуаций.

I. Непосредственное взаимодействие с объектами физического окружения.

1. Характеристики физического объекта (целостность, локация, цвет и т. п.) изменяются в результате внешнего воздействия.

A. Каузатором является сам ребенок (1;7–1;8). Один или оба компонента могут обозначаться при помощи языка нянь. Причина

⁷ Фразы из двух слов, имеющие другие значения, например констатации или просьбы, ребенок начинает строить несколько раньше, около 1;5–1;6.

(собственные действия) располагается в приоритетной позиции по отношению к следствию).

(17) *An!* — *Накаваку!* = бросила — (кубик залетел) на кровать (1;7).

Высказывания, описывающие «логические» операции с предметами, появляются чуть позже (2;4–2;6) и имеют упрощенную структуру.

(18) *Ta-ak* — *упал карандашик* = катит карандаш до края стола и наблюдает, что он падает (2;5).

(19) Строит башню, примеряет кубики разного веса и размера: *Так — не держится. Так — держится* = поставила большой кубик, поэтому башня не держится; поставила маленький кубик — держится (2,4).

(20) Объясняет, как работает автомат с едой: *Там — вот туда упадет / Там деньги — упадет там* = бросаю деньги в дырочку, и выпадает пакетик (2;6).

Б. Каузатором является другой человек или одушевленное существо (2;2–2;4). Следствие (состояние объекта) находится в приоритетной позиции).

(21) О машине без колес: *Не работает машинка, дяди сняли ножки машинке* (2;3).

2. Физический объект (либо его отдельные характеристики) выступает в роли каузатора состояния или действий ребенка⁸ (1;7–1;8).

Если речь идет о происходящем в данный момент событии или об уже совершенном действии, следствие располагается в приоритетной позиции.

(22) *Бо-бо, кусь!* = больно, потому что колются штаны (1;7).

⁸ К похожим высказываниям можно отнести также описания ситуации, когда ребенок регулирует свое состояние, используя свойства физических объектов: *Пузо, животик холодно — надо укрываться одеялком* (1;11); *Так — не пахнет, а так — пахнет* (закрывает и открывает коробочку с духами) (2;4).

- (23) *Дениске не нравится эта кофта, она кусачая* (о шерстяной кофте) (2;4).
- (24) *Мою шарик, грязный он, грязный!* (2;0).

Когда ребенок говорит о планируемых или необходимых действиях по отношению к объекту, в приоритетной позиции располагается причина.

- (25) *Грязный, надо скорей помыть!* (2;2).
- (26) *Он прыгучий, его не надо кушать* (о маленьком шарике) (3;1).

Высказывания подобного типа, сопровождающие «логические операции» с предметами, появляются позже (2;4–2;6) и имеют упрощенную структуру.

- (27) Раскладывает шарики по цвету: *Это — тут... Это — тут = этот красный, значит, я кладу в красную баночку* (2;4).
- (28) Расставляет цилиндры в отверстия по размеру: *а большой — в большое* (3;0).

Начиная с возраста 1;11–2;1 отмечаются попытки рассуждения о причине движения объектов, исходя из характеристик «живое — неживое».

- (29) *Собака (настоящая) не летает, а кубик сейчас полетит: ну — бам!* (после этого бросает кубик) (1;11).
- (30) *Машина не полетит, только поедет. Сама не поедет, только Тима поедет = поедет машина = повезет* (2;1).

В возрасте 2;1–2;2 обнаруживаются высказывания со значением причины и следствия, где действия ребенка по отношению к неживому объекту мотивируются «психическим состоянием» этого предмета.

- (31) *Не надо, травке больно!* (2;1).
- (32) *Мама, тихо, спит мячик!* (2;2).

3. Предмет одновременно выступает в роли каузируемого объекта и каузирующего фактора (2;0–2;3).

Каузатор (сам ребенок) вызывает такое состояние объекта, которое является причиной определенных действий, направленных на него. «Причина 1»: воздействие на объект — «следствие 1» (= «причина 2»): состояние объекта — «следствие 2»: реакция ребенка или взрослого.

(33) *Кроватьку сломала, надо чинить!* (2;0).

II. Наблюдение и комментирование состояния и поведения объектов физического мира без взаимодействия с ними.

1. В качестве причины происходящего предметам приписываются внутренние состояния, характерные для живых существ (2;1–2;2).

(34) *Там поезд плачет, у него болит колесико* (2;2).

(35) *Автобусы стоят, наверно, хозяина ждут* (2;5).

2. Высказывания о «мире вещей», где причиной ситуации выступают физические характеристики объекта либо физические явления (2;4–2;6).

(36) *Не работает машинка, ножки сняли машинке* (о машине без колес) (2;3).

(37) *Там нет воды, высохла* (2;6).

5.4. Выражение причинной обусловленности при помощи падежных и предложно-падежных форм существительных

Отмечается в речи информантов с возраста (1;11–2;0). Именная группа может выражать как непосредственную причину, так и отдельный элемент послужившего причиной события. Используются для описания следующих типов ситуаций.

I. Непосредственное взаимодействие ребенка с объектами физического окружения.

1. Физический объект или явление природы (его определенные характеристики) выступает в роли каузатора.

Объект (неприятный, нежелательный или потенциально угрожающий фактор) — каузатор эмоционального состояния или отношения, физического состояния, волеизъявления, действий.

(38) Р. п. *Пылесоса боюсь!* (1;11).

(39) *от* + Р. п. *Убегаю от трактора* (2;0).

(40) В. п. *Нибуду каяку* (не буду коляску) = не хочу, чтобы меня посадили в коляску (1;10).

(41) Т. п. *Ножке больно кремом* = больно из-за того, что помазали кремом (2;4).

Ситуатив с каузативным оттенком — по [Золотова 2006: 332].

(42) П. п. с предлогом *на*: *Они (пятки) на солнышке погрелись* (2;6).

Объект — каузатор обонятельного или зрительного восприятия [Золотова 2006: 235].

(43) Т. п. *Пахнет духами* (2;1).

(44) Т. п. *Бутербродом пахну* (2;3).

2. Причиной является воздействие внешних факторов, следствием — изменения характеристик физического объекта либо возникновение физических эффектов (звуковых, световых и т. п.). Каузатором является сам ребенок.

(45) *от* + Р. п. *Ой, бум получился от кубика моего* = получился грохот, я стукнула кубиком (2;0).

II. Наблюдение объектов и явлений физического мира без взаимодействия с ними.

Высказывания, где причиной происходящего выступают явления природы или закономерности физического мира.

Отмечены падежные формы со значением «каузатор непроизвольного воздействия на предмет от имен стихийных явлений» [Золотова 2006: 234].

(46) Т. п. *Дождиком намочило коляску* (2;1).

(47) *от* + Р. п. *Гром-бабах такой от грозы* (3;2).

5.5. Выражение причинной обусловленности при помощи синтаксических маркеров

Появление синтаксических маркеров причинно-следственных отношений в высказываниях о физических объектах и явлениях природы зафиксировано в речи информантов начиная с возраста 2;4–2;7. В нашем материале были обнаружены следующие варианты подобных высказываний.

А. Неполные высказывания⁹ со словом *потому что*. Ребенок говорит не о «причине» события, а уточняет или описывает его признаки.

(48) Взрослый: *Почему ты закрыла ушки?* Ребенок: *Потому что кран* (2;3).

(49) Взрослый: *Ой, а почему песочек рассыпался?* Ребенок: *Потому что да. Потому что красный* (2;4).

(50) Сортирует машинки по цвету и размеру, кладет правильно.
Взрослый: *Почему эту машинку сюда?* Ребенок: *Потому что она ездит* (2;4).

Б. Полные высказывания со словом *потому что*. Подчинительный союз *потому что* для обоснования причины (2;5–2;7).

Аргументация собственного мнения, основанного на представлении о свойствах физических объектов.

⁹ Интересно, что случаи неполных высказываний отмечались только в ответ на вопросы взрослых и не были отмечены в самостоятельной речи детей.

- (51) *Это река, потому что кораблик плывет.* («Читает» книгу, разговаривает сама с собой) (2;5).
- (52) *Огонь тебя обжарит, потому что не ходи к огню, чтобы он тебя не обжарил!* (3;0).
- (53) *Заболит ротик, потому что он (шарик) прыгучий* (Объясняет, почему не надо есть гелевые шарики). (3;1).

Попытки объяснить происходящее на основе закономерностей физического мира (2;6–2;7).

- (54) *Там нету солнышка, потому что оно за тучей* (2;6).
- (55) *Шарик упал, потому что мишка его толкнул* (2;6).
- (56) *Гроза, потому что ветер дует* (2;7).

В. Полные высказывания с союзом *значит* (2;6–2;8).

Объяснение природных явлений на основе их внешних признаков (57). Объяснение собственных действий с предметами, обусловленных их физическими признаками (58).

- (57) *Снег идет на улице, значит, зима* (2;6)
- (58) *Складывает пазлы. С дырочкой этот, значит, сюда положим* (2;8).

Г. Полные высказывания с союзом *и* в значении причины (2;6–2;8). Указание на следование одного события за другим во времени.

- (59) *У меня теста накапала на майку, и Дениска стал мокрый весь-весь* (2;7).
- (60) *Так согнула, и получится леденчик!* (3;1).
- (61) *Ветер подул, и развалился домик* (3;0).

Д. Полные высказывания с частицей *это* (около 2;5). Указание на соотнесенность с предшествующей ситуацией.

- (62) *Опять бубум: это я башню бубум сделала!* (2;5).

Е. Полные высказывания с союзом *a to* в значении причины (2;7–2;11).

(63) *Не могу расцепить, а то они сцепились* (3;0).

Ж. Полные высказывания с союзом *когда* в значении причины (2;9–2;10). Физический объект или его определенные характеристики выступают в роли каузатора состояния ребенка.

(64) *Я не люблю, когда громко* (2;9).

З. Полные высказывания с частицей *же* (2;10–3;0). Ребенок подчеркивает очевидность причины, рассуждая о связи между несколькими характеристиками объектов, в ситуации взаимодействия с ними:

(65) *Смотри, целая стая шариков купается, они любят воду же!* (3;0).

(66) Собирает пазл и комментирует: *Эта подойдет, у нее же есть дырочки — вот такие маленькие* (3;1).

И. Полные высказывания с частицей *вот* (2;11–3;1).

В ситуации взаимодействия с объектами употребляется ребенком, чтобы подчеркнуть следствие — изменение физического объекта в результате внешнего воздействия (каузатором является сам ребенок).

(67) *Красила Дуня, вот и красивый!* (о разрисованном абажуре) (2;11).

К. Полные высказывания с *ведь* в союзной функции (3;2–3;3).

Объект в роли каузатора. Обоснование чьих-либо действий, обусловленных физическим состоянием объекта. Подчеркивается достоверность причины.

(68) *Папа будет чинить гитару, она ведь недочинита* (= недочинена) (3;3).

В нашем материале отмечаются также случаи ненормативного употребления синтаксических маркеров причинной обусловленности:

а) маркер проговаривается не полностью (70); б) маркер не соответствует отображаемой ситуации (68), (69).

(68) *Этот сюда, когда* (= потому, что) *круглый* (собирает пазлы) (2;8).

(69) *Кофе вкусное, за то* (= из-за того, что) *с сахаром* (3;0).

(70) *Не пролезет, большой потому* (= потому что) (3;3).

5.6. Вопросительные высказывания о предметах и физических явлениях

Отмечались в речи информантов с возраста 2;7–2;9. Дети предпочитали пользоваться каким-либо одним определенным вопросительным словом.

Вопросительное местоимение *почему?* — о причине состояния или «действий» физических объектов.

(71) *Почему спряталась резиночка?* (2;9).

(72) *Почему эта вода на меня брызгается?* (3;1).

Другие варианты: *зачем? что? чего? (тиво).*

(73) *Зачем она высохла* (о краске)? (2;11).

(74) *Что захлопали двери громко?* (2;9).

(75) *Тиво трактор стучит?* (3;3).

Зафиксированы также случаи окказионального употребления: вопросительных местоимений *зачем* и *когда*, совмещение *зачем + почему*: *поче'м (пате'м)?*

(76) Вернулась с прогулки. *Зачем ботиночки мокрые?* (2;8).

(77) *Патем картошечка горячая? Патем снег на улице?* (2;7).

(78) Складывает картинку из кубиков. *Ой, когда* (= почему) *этом не подходит?* (2;10).

6. Обсуждение результатов

В данной работе мы рассматриваем речевые способы выражения причинно-следственной связи в высказываниях детей о физических объектах и явлениях природы. Исходя из представлений [Сергиенко и др. 2009] о существовании отдельных путей понимания физической каузальности для объяснения поведения вещей и психической каузальности для объяснения поведения других живых существ, данное исследование проводилось с целью проследить закономерности освоения вербализации отдельных видов причинности на самых ранних этапах языкового развития. Анализируя речь информантов 1;0–3;5 лет, можно отметить следующие моменты.

Наиболее ранние попытки выражения причинности отмечаются уже на стадии голофраз (1;2–1;3). В течение продолжительного периода (до возраста 2;4–2;6) высказывания отражают взаимодействие ребенка с ближним окружением в области физического мира и включают описание следующих ситуаций:

- а) изменения характеристик физического объекта в результате внешнего воздействия (каузаторм является ребенок, другой человек или живое существо);
- б) физический объект сам выступает в роли каузатора (детерминирующего состояние или действия ребенка).

Порождение подобных высказываний соответствует элементарному уровню понимания причинности [Сергиенко и др. 2009; Flavell 2004; Tomasello 1995] — способности наблюдать и предвосхищать эффекты собственных действий и способности предвидеть эффекты действий других (неживых) объектов, становлению которых способствует собственный опыт взаимодействия с физическим окружением.

Рассуждения о причине движения объектов, исходящие из характеристик «живое — неживое», возникающие на основе подобного опыта, обнаруживаются в спонтанной речи наших информантов уже начиная с возраста 1;11–2;1 (примеры (29), (30)), что в целом

значительно раньше, чем было показано в ходе лингвистического эксперимента (после 3 лет) [Уланова, Сергиенко 2015: 15; Лебедева 2006]. Столь значительное расхождение, на наш взгляд, может быть обусловлено различиями в методическом подходе: проведение подобного исследования с детьми более раннего возраста представляется сложным, в то время как наблюдения спонтанной речи и анализ лонгитюдных данных позволяет выявить появление тех или иных конструкций на более ранних этапах речевого онтогенеза.

На следующей стадии, в возрасте около 2;2–2;4, отмечаются высказывания о физическом объекте, которые строятся аналогично информации о субъекте и его действиях. В данном случае причиной происходящего выступает внутреннее психическое состояние физического объекта. Дети пытаются объяснить поведение (внешние характеристики) предметов ментальными или эмоциональными факторами, наделяя их состояниями, характерными для живых существ. С одной стороны, этот феномен может быть обоснован такой характеристикой мышления в детском возрасте, как анимизм (приписывание одушевленности неодушевленным объектам), описанной Ж. Пиаже [Piaget 1954]. С другой стороны, учитывая тот факт, что способность к дифференциации социальных и физических объектов обнаруживается уже на самых ранних этапах онтогенеза [Gelman, Wellman, 1991; Gotswamy 1998; Gardenfors 2003], появление высказываний подобного рода может быть мотивировано стремлением ребенка использовать для описания еще не освоенных на уровне причинности явлений те объяснительные принципы, которыми он владеет: ментальность (намерения, желания, мнение и т. п.) либо общий принцип функциональности [Лебедева 2006; Уланова, Сергиенко 2015].

Начиная с возраста 2;2–2;4 в высказываниях обнаруживаются первые попытки объяснить характеристики объектов или физических явлений на основе закономерностей физического мира.

Аналогично исследованиям Е. И. Лебедевой, А. Ю. Улановой, Е. А. Сергиенко [Лебедева 2006; Уланова, Сергиенко 2015] дети испытывали трудности при описании причины, когда нужно соотнести более чем один признак ситуации, поскольку еще не способны

обобщить и выразить словами все значимые параметры. Этим может объясняться также появление (в диалогах со взрослым) неполных фраз с использованием синтаксического маркера и высказываний, где вместо указания на причину ребенок уточняет или описывает детали события ((48)–(50)).

В качестве основных средств, используемых для передачи смысловых отношений, выступают (начиная с возраста 1;0–1;3) каузативные глаголы; начиная с возраста 1;7–1;8 — высказывания, части которых соединяются только при помощи смысла и интонации, а также (с возраста 1;11–2;0) предложно-падежные синтаксемы в значении «внешнего» каузатора.

Начиная с возраста 2;4–2;7 в речи отмечаются сложные предложения с союзами *потому что, и, же, ведь, а то, это, когда, значит*, однако употребление синтаксических маркеров в высказываниях данного типа встречается относительно редко и в возрасте до 3,5 лет еще не может рассматриваться в качестве основного средства передачи логических отношений.

Появление маркеров причинно-следственной связи в ситуации, когда речь идет о неживых объектах, зафиксировано в нашем материале позже (~2;6), чем при описании причинности поведения одушевленных существ (~2;2) [Галкина 2018]. Сроки появления вопросительных высказываний о причине состояния или действий физических объектов (2;7–2;9) также отличались от времени начала вопросов о причине состояния или мотивах действий живых существ или сказочных персонажей (2;3–2;4) [Галкина 2018]. Это подтверждает положение [Сергиенко и др. 2009] о существовании отдельных путей развития представлений о различных видах причинности.

В рамках рассматриваемого нами возрастного периода отмечалось также окказиональное употребление маркеров причинной обусловленности ((68)–(70); (76)–(78)), что может объясняться попыткой ребенка компенсировать возникающий на ранних стадиях дефицит языковых средств при помощи конструирования собственных лексических единиц либо за счет использования определенной модели применительно к более широкому кругу явлений, чем следует в соответствии с нормами языка [Цейтлин 2017; 2009].

7. Заключение и выводы

В ходе исследования речевых способов выражения причинно-следственной связи в высказываниях детей о физических объектах и явлениях природы на материале русского языка было показано следующее. Высказывания детей о причинности в мире вещей и физических явлений появляются на стадии однословных фраз, до возраста 2;6–2;8 представляют собой «описание» взаимодействия ребенка с объектами ближнего окружения и отражают понимание того, что состояние и свойства неживых объектов изменяются вследствие активного воздействия на них, а также могут сами выступать в роли модифицирующего фактора.

Рассуждения о причине движения объектов, исходящие из характеристик «живое — неживое», возникающие на основе подобного опыта, обнаруживаются в спонтанной речи наших информантов уже около двух лет, в то же время в качестве причин физических событий могут выступать не только внешние, но и внутренние мотивы (характерные для живых существ), что обусловлено особенностями когнитивного развития детей младшего дошкольного возраста.

В качестве основных способов передачи причинно-следственных отношений выступают каузативные глаголы, сложные бессоюзные предложения и предложно-падежные формы существительных со значением причинности. Сложносочиненные, а также сложноподчиненные предложения с придаточным причины отмечаются в речевом материале, однако в рассматриваемом возрастном промежутке еще не относятся к числу основных средств передачи логических отношений.

Полученные результаты согласуются с положением [Сергиенко 2006, 2008; Gelman, Wellman 1991] о существовании различных уровней организации ментальных моделей, лежащих в основе интерпретации физических событий и усложняющихся в процессе становления понимания неживых объектов.

Список условных сокращений

Р. п. — родительный падеж; В. п. — винительный падеж; Т. п. — творительный падеж; П. п. — предложный падеж; 2;3 — возраст ребенка: 2 года 3 месяца.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Баттерворт, Харрис 2000 — Д. Баттерворт, М. Харрис. Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
- Беличова-Кржижкова 1985 — Х. Беличова-Кржижкова. Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языках // Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. (Современная зарубежная русистика). М.: Прогресс, 1985. С. 132–158.
- Берестова 2012 — О. Г. Берестова. Средства выражения каузальности состояния в современном русском языке // Казанская наука. 2012. № 11. С. 177–180.
- Богуславская, Левонтина 2004 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68–88.
- Бондарко 1983 — А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983.
- Всеволодова, Яценко 1988 — М. В. Всеволодова, Т. А. Яценко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Галкина 2018 — Е. В. Галкина. Выражение причинно-следственных отношений в ранних высказываниях русскоязычных детей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 104–115.
- Евтюхин 1996 — В. Б. Евтюхин. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. СПб.: Наука, 1996. С. 138–174.
- Елисеева 2015 — М. Б. Елисеева. Союзные средства в речи ребенка от двух до трех лет: лонгитюдное исследование // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 74–83.
- Жданова 1998 — В. В. Жданова. Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире неживой природы. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1998.

- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Золотова 2006 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Editorial URSS, 2006.
- Казаковская 2004 — В. В. Казаковская. Вопросы-ответные единства в диалоге взрослый — ребенок // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 89–110.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Онтогенез значений обусловленности // С. Н. Цейтлин (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 339–359.
- Князев 2009 — Ю. П. Князев. Порядок усвоения грамматических значений: релевантные факторы и их иерархия // Проблемы онтолингвистики — 2009: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Златоуст, 2009. С. 47–54.
- Князев 2013 — Ю. П. Князев. Первые союзы в детской речи в сравнении со стандартным русским языком // Проблемы онтолингвистики — 2013: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 113–117.
- Кузьмина 1990 — И. В. Кузьмина. Освоение детьми причинных и целевых отношений и их языковое оформление // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1990. № 5. С. 28–31.
- Лебедева 2006 — Е. И. Лебедева. Понимание ментального и физического мира детьми с типичным развитием и расстройствами аутистического спектра. Дисс. ... канд. псих. наук. М.: ГАУГН, Институт психологии, 2006.
- Левонтина 2013 — И. Б. Левонтина. О причинном значении союза *a to* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 434–446.
- Лепская 1997 — Н. И. Лепская. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М.: Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 1997.
- Ляпон 1980 — М. В. Ляпон. Предложения со значением обусловленности // Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2. С. 562–577.
- Мустайоки 2006 — А. Мустайоки. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Мухамедрахимов 1999 — Р. Ж. Мухамедрахимов. Мать и младенец. Психологическое взаимодействие. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Пекелис 2017 — О. Е. Пекелис. Причинные придаточные // В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (отв. ред.). Материалы для проекта корпусного описания

- русской грамматики. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 31–79.
- Протасова 2006 — Е. Ю. Протасова. Осложнение и обоснование в детской речи // Н. Ю. Астахова (отв. ред.). Актуальные проблемы развития речи и лингвистического образования детей. Материалы II Международной научно-практической конференции. Орел, 24–26 апреля 2006. М.: Картуш, 2006. С. 172–176.
- Сай (в печати) — С. С. Сай. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета. Будет опубликовано в Н. М. Заика (ред.). Типология причинных конструкций. СПб.
- Санников 2001 — В. З. Санников. Еще раз о союзе «РАЗ» // С. М. Кузьмина, Л. А. Капанадзе (ред.). Жизнь языка: сборник статей к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 109–116.
- Сергиенко 2006 — Е. А. Сергиенко. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006.
- Сергиенко 2008 — Е. А. Сергиенко. Уровневое развитие модели психического и ее значение для понимания внутреннего мира ребенка // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 4. С. 11–21.
- Сергиенко и др. 2009 — Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009.
- Слобин 1984 — Д. Слобин. Когнитивные предпосылки развития грамматики // А. М. Шахнарович (ред.). Психолингвистика: сборник статей зарубежных психолингвистов, посвященных проблемам анализа речевой деятельности. М.: Прогресс, 1984. С. 143–207.
- Уланова, Сергиенко 2015 — А. Ю. Уланова, Е. А. Сергиенко. Развитие представлений о ментальном и физическом в пересказах детей дошкольного возраста // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1. С. 15–38.
- Урысон 2000 — Е. В. Урысон. Русский союз и частица «и»: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 97–121.
- Урысон 2011 — Е. В. Урысон. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Хааг 2004 — Э. К. Хааг. Функциональная типология средств выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке: дисс. ... доктора философии по русскому языку. Тарту: Тартуский университет, 2004.
- Холодович 1969 — А. А. Холодович (отв. ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

- Цейтлин 2017 — С. Н. Цейтлин. К вопросу о формировании промежуточной языковой системы ребенка: наблюдения над освоением отрицательных конструкций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 623–650.
- Flavell 2004 — J. H. Flavell. Theory-of-mind development: Retrospect and prospect // Merrill-Palmer Quarterly. 2004. Vol. 50. № 3. P. 274–290.
- Gardenfors 2003 — P. Gardenfors. How Homo became sapiens on the evolution of thinking. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Gelman, Wellman 1991 — S. A. Gelman, H. M. Wellman. Inside and essences: early understandings of non-obvious // Cognition. 1991. Vol. 38. P. 213–244.
- Gotswamy 1998 — U. Gotswamy. Cognition in Children. Hove: Psychological Press Ltd, 1998.
- Kim, Spelke 1999 — I. K. Kim, E. S. Spelke. Perception and understanding of effects of gravity and inertia on object motion // Developmental Science. 1999. № 2 (3). P. 339–362.
- Legerstee, Markova 2007 — M. Legerstee, G. Markova. Intentions make a difference: Infant responses to still-face and modified still-face conditions // Infant Behavior & Development. 2007. No. 30 (2). P. 232–250.
- Piaget 1954 — J. Piaget. The Construction of Reality in the Child. New York: Basic Books, 1954.
- Spelke et al. 1995 — E. S. Spelke, A. Phillips, A. L. Woodward. Infants' knowledge of object motion and human action // D. Sperber, D. Premack, A. J. Premack (eds.). Causal cognition: A multidisciplinary debate. Oxford, New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1995. P. 44–78.
- Tomasello 1995 — M. Tomasello. Joint attention as social cognition // C. Moore and, P. J. Dunham (eds.). Joint Attention: Its Origins and Role in Development. Hove: Psychology Press, 1995. P. 103–130.

Источники

- Воейкова, Елисеева 1993 — М. Д. Воейкова, М. Б. Елисеева (сост.), С. Н. Цейтлин (ред.). Детская речь. Тексты. Дневники. Наблюдения. Учеб. материалы. СПб.: РГПУ, 1993.
- Гвоздев 1961 — А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М.: Учпедгиз, 1961.
- Рыко 2018 — А. И. Рыко. Детство Хомы: дневник научных наблюдений. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018.
- Цейтлин 1997 — С. Н. Цейтлин (ред.). От нуля до двух. Дневниковые записи. СПб.: Бионт, 1997.

- Цейтлин 2001 — С. Н. Цейтлин (ред.). Две девочки: Соня и Надя. Дневниковые записи. Петербургское лингвистическое общество. Приложение № 1 к трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике. СПб.: Тускарора, 2001.
- Цейтлин, Елисеева 1998 — С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (ред.). От двух до трех: дневниковые записи. СПб.: Бионт, 1998.
- Шмидт 2010 — В. Шмидт. Дневник матери: первый год жизни. Т. 1. Ижевск: Эрго, 2010.
- Шмидт 2010 — В. Шмидт. Дневник матери: второй и третий годы жизни. Т. 2. Ижевск: Эрго, 2010.

References

- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Vol. I. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Lexical semantics. The ways of expressing synonymy in language]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1995.
- Battervort, Kharris 2000 — D. Battervort, M. Kharris. *Printsipy psikhologii razvitiya* [Principles of developmental psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2000.
- Belichova-Krzhizhkova 1985 — Kh. Belichova-Krzhizhkova. *Sistema prichinnykh otnosheniy mezhdru predlozheniyami v russkom i cheshskom yazykakh* [The system of causal relationships between sentences in Russian and Czech]. T. V. Bulygina, A. E. Kibrik (eds.). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk 15. Sovremennaya zarubezhnaya rusistika* [New in foreign linguistics. Iss. 15. Contemporary foreign Russian studies]. Moscow: Progress, 1985. P. 132–158.
- Berestova 2012 — O. G. Berestova. *Sredstva vyrazheniya kauzalnosti sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Expression of the causality of a state in modern Russian]. *Kazanskaya nauka*. 2012. No. 11. P. 177–180.
- Boguslavskaya, Levontina 2004 — O. Yu. Boguslavskaya, I. B. Levontina. *Smysly ‘prichina’ i ‘tsel’ v yestestvennom yazyke* [Meaning of ‘cause’ and ‘purpose’ in natural language]. *Voprosy yazykoznanija*. 2004. No. 2. P. 68–88.
- Bondarko 1983 — A. V. Bondarko. *Printsipy funktsionalnoy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and aspectology issues]. Leningrad: Nauka, 1983.
- Flavell 2004. — J. H. Flavell. *Theory-of-mind development: Retrospect and prospect. Merrill-Palmer Quarterly*. 2004. Vol. 50. No. 3. P. 274–290.
- Galkina 2018 — E. V. Galkina. *Vyrazheniye prichinno-sledstvennykh otnosheniy v rannikh vyskazyvaniyakh russkoyazychnykh detey* [Expression of causal

- relationships in early utterances of Russian-speaking children]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2018. No. 189. P. 104–115.
- Gardenfors 2003 — P. Gardenfors. *How Homo became sapiens on the evolution of thinking*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Gelman, Wellman 1991 — S. A. Gelman, H. M. Wellman. Inside and essences: early understandings of non-obvious. *Cognition*. 1991. Vol. 38. P. 213–244.
- Gotswamy 1998 — U. Gotswamy. *Cognition in Children*. Hove: Psychological Press Ltd, 1998.
- Kazakovskaya 2004 — V. V. Kazakovskaya. Voprosy-otvetnyye yedinstva v dialoge vzroslyy — rebenok [Questions and answers in the adult-child dialogue]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2004. No. 2. P. 89–110.
- Khaag 2004 — E. K. Khaag. *Funktsionalnaya tipologiya sredstv vyrazheniya prichino-sledstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [Functional typology of means of expressing cause-and-effect relationships in modern Russian]: dis. PhD. Tartu: University of Tartu, 2004.
- Kholodovich 1969 — A. A. Kholodovich (ed.) *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskii kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Kim, Spelke 1999 — I. K. Kim, E. S. Spelke. Perception and understanding of effects of gravity and inertia on object motion. *Developmental Science*. 1999. Vol. 2 (3). P. 339–362.
- Knyazev 2007 — Yu. P. Knyazev. Ontogenez znacheniy obuslovlennosti [Ontogenesis of conditional meanings]. S. N. Tseytlin (ed.). *Semanticheskiye kategorii v detskoy rechi* [Semantic categories in children's speech]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. P. 339–359.
- Knyazev 2009 — Yu. P. Knyazev. Poryadok usvoyeniya grammaticheskikh znacheniy: relevantnyye faktory i ikh iyerarkhiya [The order of acquisition of grammatical meanings: relevant factors and their hierarchy]. *Problemy ontolingvistiki — 2009: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. [Problems of ontolinguistics — 2009: Proceedings of the International scientific conference]. St. Petersburg: Zlatoust, 2009. P. 47–54.
- Knyazev 2013 — Yu. P. Knyazev. Pervyye soyuzy v detskoy rechi v sravnenii so standartnym russkim yazykom [The first conjunctions in children's speech in comparison with standard Russian]. *Problemy ontolingvistiki — 2013: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Problems of ontolinguistics — 2013: Proceedings of the International scientific conference]. St. Petersburg: Herzen University Publishing House, 2013. P. 113–117.
- Kuzmina 1990 — I. V. Kuzmina. Osvoeniye detmi prichinnykh i tselevykh otnosheniy i ikh yazykovoye oformleniye [The development of causal and purposive

- relationships by children and their language design]. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya*. 1990. No. 5. P. 28–31.
- Lebedeva 2006 — E. I. Lebedeva. *Ponimaniye mentalnogo i fizicheskogo mira detmi s tipichnym razvitiyem i rasstroystvami autisticheskogo spektra* [Understanding of the mental and physical world by children with typical development and autism spectrum disorders]. PhD thesis in Psychology. Moscow: State Academic University for the Humanities, Institute of Psychology, 2006.
- Legerstee, Markova 2007 — M. Legerstee, G. Markova. Intentions make a difference: Infant responses to still-face and modified still-face conditions. *Infant Behavior & Development*. 2007. No. 30 (2). P. 232–250.
- Lepskaya 1997 — N. I. Lepskaya. *Yazyk rebenka (ontogenez rechevoy kommunikatsii)* [Child's language (ontogenesis of speech communication)]. Moscow: Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University Press, 1997.
- Levontina 2013 — I. B. Levontina. O prichinnom znachenii soyuza *a to* [About the causal meaning of the conjunction *a to*]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: po materialam yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii. «Dialog»* (Bekasovo, 29 may — 2 iyunya 2013). No. 12 (19): Iss. 2. Vol. 1: Osnovnaya programma konferentsii [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference. “Dialogue”. The main program of the conference]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2013. P. 434–446.
- Lyapon 1980 — M. V. Lyapon. Predlozheniya so znacheniyem obuslovlennosti [Conditionality Sentences]. N. Yu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 2. P. 562–577.
- Mukhamedrakhimov 1999 — R. Zh. Mukhamedrakhimov. *Mat' i mladenets. Psikhologicheskoye vzaimodeystviye* [Mother and baby. Psychological interaction]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1999.
- Mustayoki 2006 — A. Mustayoki. *Teoriya funktsionalnogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [Functional syntax theory. From semantic structures to linguistic means]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2006.
- Pekelis 2017 — O. E. Pekelis. Prichinnyye pridatochnyye. [Causal clauses]. V. A. Plungian, N. M. Stoyanova (eds.). *Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Vypusk II. Sintaksicheskiye konstruksii i grammaticheskiye kategorii* [Materials for the project of the corpus description of Russian grammar. Iss. II. Syntactic constructions and grammatical categories]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 31–79.
- Piaget 1954 — J. Piaget. *The Construction of Reality in the Child*. New York: Basic Books, 1954.

- Protasova 2006 — E. Yu. Protasova. Oslozhneniye i obosnovaniye v detskoj rechi [Complication and justification in children's speech]. N. Yu. Astakhova (ed.). *Aktualnyye problemy razvitiya rechi i lingvisticheskogo obrazovaniya detey. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Orel, 24–26 aprelya 2006* [Actual problems of speech development and linguistic education of children. Materials of the International scientific and practical conference, Oryol, April 24–26, 2006]. Moscow: Kartush, 2006. P. 172–176.
- Sannikov 2001 — V. Z. Sannikov. Yeshche raz o soyuze «raz» [Once again about the conjunction “raz”]. S. M. Kuzmina, L. A. Kapanadze (eds.). *Zhizn yazyka: sbornik statey k 80-letiyu M. V. Panova* [The life of the language: collection of articles to the 80th anniversary of M. V. Panov]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. P. 109–116.
- Say (in print) — S. S. Say. Imennyye prichinnyye konstruksii: parametry tipologicheskoy variativnosti i issledovatel'skaya anketa [Nominal causal constructions: parameters of typological variability and research questionnaire]. N. M. Zaika (ed.). *Tipologiya prichinnykh konstruksiy* [Typology of causal constructs]. St. Petersburg. In print.
- Sergiyenko 2006 — E. A. Sergiyenko. *Ranneye kognitivnoye razvitiye: novyy vzglyad* [Early cognitive development: a new perspective]. Moscow: Institute of Psychology RAS Press, 2006.
- Sergiyenko 2008 — E. A. Sergiyenko. Urovnevoye razvitiye modeli psikhicheskogo i yeye znachenije dlya ponimaniya vnutrennego mira rebenka [Level development of the mental model and its significance for understanding the inner world of the child]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogiya. Psychology. Sociokinetics*. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 11–21.
- Sergiyenko et al. 2009 — E. A. Sergiyenko, E. I. Lebedeva, O. A. Prusakova. *Model psikhicheskogo v ontogeneze cheloveka* [Model of the mental in human ontogenesis]. Moscow: Institute of Psychology RAS Press, 2009.
- Slobin 1984 — D. Slobin. Kognitivnyye predposylki razvitiya grammatiki [Cognitive prerequisites for the development of grammar]. A. M. Shakhnarovich, R. M. Frumkina (eds.). *Psikholingvistika: sbornik statey zarubezhnykh psikholingvistov, posvyashchennykh problemam analiza rechevoj deyatelnosti* [Psycholinguistics: a collection of articles by foreign psycholinguists dedicated to the problems of speech activity analysis]. Moscow: Progress, 1984. P. 143–207.
- Spelke et al. 1995 — E. S. Spelke, A. Phillips, A. L. Woodward. Infants' knowledge of object motion and human action. D. Sperber, D. Premack, A. J. Premack (eds.). *Causal cognition: A multidisciplinary debate*. Oxford, New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1995. P. 44–78.

- Tomasello 1995 — M. Tomasello. Joint attention as social cognition. C. Moore and P. J. Dunham (eds.). *Joint Attention: Its Origins and Role in Development*. Hove: Psychology Press, 1995. P. 103–130.
- Tseytlin 2009 — S. N. Tseytlin. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on derivation and inflexion in child language]. Moscow: Znack, 2009.
- Tseytlin 2017 — S. N. Tseytlin. K voprosu o formirovanii promezhutochnoy yazykovoy sistemy rebenka: nablyudeniya nad osvoyeniyem otritsatelnykh konstruktivnykh [On the question of the formation of a child's intermediate language system: observations on the acquisition of negative constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 623–650.
- Ulanova, Sergiyenko 2015 — A. Yu. Ulanova, E. A. Sergiyenko. Razvitiye predstavleniy o mentalnom i fizicheskom v pereskazakh detey doshkolnogo vozrasta [The development of ideas about the mental and physical in the retelling preschool children]. *Modern problems of science and education*. 2015. No. 1. Pt. 1. P. 15–38.
- Uryson 2000 — E. V. Uryson. Russkiy soyuz i chastitsa «i»: struktura znacheniya [Russian conjunction and particle “i”: structure of meaning]. *Voprosy yazykoznaneya*. 2000. No. 3. P. 97–121.
- Uryson 2011 — E. V. Uryson. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov. Lingvisticheskiye dannyye o deyatelnosti soznaniya* [On the describing the semantics of conjunctions. Linguistic data on the activity of consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2011.
- Vsevolodova, Yashchenko 1988 — M. V. Vsevolodova, T. A. Yashchenko. *Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal relationships in modern Russian]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1988.
- Yeliseyeva 2015 — M. B. Yeliseyeva. Soyuznyye sredstva v rechi rebenka ot dvukh do trekh let: longitudynoye issledovaniye [Conjunctions in the speech of a child from two to three years: a longitudinal study]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*. 2015. No. 2. P. 74–83.
- Yevtyukhin 1996 — V. B. Yevtyukhin. Gruppировка poley obuslovlennosti: prichina, usloviye, tsel, sledstviye, ustupka [Grouping of conditioning fields: Cause, condition, purpose, effect, concessive meaning]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki* [Functional grammar theory]. St. Petersburg: Nauka, 1996. P. 138–174.
- Zhdanova 1998 — V. V. Zhdanova. *Prostyye predlozheniya s imennoy prichinnoy gruppoy, vyrazhayushchiye prichinno-sledstvennyye otnosheniya v mire nezhyvoy prirody* [Simple sentences with a nominal causal group expressing

cause-and-effect relationships in the world of inanimate nature]. PhD thesis in Philology. Lomonosov Moscow State University, 1998.

Zolotova 1973 — G. A. Zolotova. *Ocherk funkcionalnogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1973.

Zolotova 2006 — G. A. Zolotova. *Sintaksicheskiy slovar. Repertuar elementarnykh yedinit russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary, repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow: Editorial URSS, 2006.

К исторической географии Осетии: средневековая Туалия

Ю. А. Дзиццойты

Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова
(Цхинвал; Южная Осетия); dzicc@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются сведения грузинской хроники начала XV в. «Памятник эриставов» о средневековой Горной Осетии, населенной туалами. Содержащийся в этом памятнике топонимический материал (всего около 30 названий) неоднократно комментировался в научной литературе. Путем этимологического анализа средневековой туалльской топонимии ученые пытались определить этническую принадлежность туалльцев. Сопоставление туалльских топонимов с современной топонимией показывает, что население Горной Осетии не менялось на протяжении шестисот с лишним лет.

Ключевые слова: топонимия, этимология, этногенез, туалльцы, Осетия.

On the historical geography of Ossetia: Medieval Tualia

Yu. A. Dzitstsoity

A. A. Tibilov South Ossetian State University (Tskhinval; South Ossetia);
dzicc@mail.ru

Abstract. The article surveys data from the “Monument to the Eristavs”, a Georgian early 15th century chronicle on the medieval upland Ossetia, inhabited by the Tuals. The toponymic information found in the chronicle (about 30 names in total) has been repeatedly commented in the literature. The etymological analyses of the medieval Tual toponymy undertaken to determine the Tuals’ ethnicity, however, have produced mixed results, with Adygs (Circassians), Vainakhs, Kartvelians, or Ossetians seen as the medieval Tuals. It is quite obvious that the authors of some studies made methodological

errors. The main one is that the toponymy of the medieval Tualiya was analyzed separately from the modern Ossetic toponymy. Meanwhile, our comparison of the old toponyms with their modern counterparts shows that the population of the upland Ossetia has not changed for more than six hundred years. The ethnonym *shavdvalni* ‘Black Tuals’, recorded in the Georgian monument mentioned above, is very important for determining the linguistic affiliation of this population. The Ossetians still describe their fellow tribesmen who live at the water-head of the Ardon River in North Ossetia as Black Tualts (*Sau tualtæ*). They are contrasted against the “White Tuals” (*Urs tualtæ*) living at the water-head of the Liakhva River in South Ossetia. This opposition is social in nature. Since Black Tuals are mentioned when describing events that took place in the 9th century, there is a reason to believe that the Tuals spoke Ossetic already then. Etymological analysis of the rest of the toponymy of medieval Tualiya also indicates its Iranian (Ossetian) origin. The origin of only one toponym remains unclear.

Keywords: toponymy, etymology, ethnogenesis, the Tuals, Ossetia.

1. Введение

На Центральном Кавказе по обе стороны от Главного Кавказского хребта расположена Туалия. Северная ее часть, именуемая *Twalgom* ‘Туальское ущелье’, находится у истоков реки Ардон в Северной Осетии [Абаев 1979: 326]¹, а южная, именуемая *Urs-Twaltæ* ‘Белая Туалия’, — у истоков реки Большая Лиахва в Южной Осетии [Вансеев 1989: 295, 304; Абаев 1989: 19; ТЮО, I: 161–163]. Осетины, проживающие в Туалии, именуются *twal / twaltæ* ‘туальцы’, ед. ч. *twallag* ‘туалец’. Согласно грузинским источникам, в прошлом туальцы (двалы) занимали гораздо более обширную территорию как на севере, так и на юге Осетии. Туальцы говорят на туальском говоре иронского диалекта осетинского языка, примыкающем к куртатинскому говору того же диалекта [Абаев 1949: 495; Тыбылты 1988: 26, 68].

В средневековых грузинских источниках туальцы известны как *dval-n-i* ‘двальцы’, а территория их проживания — *Dval-et-i*.

¹ Иногда к Туалгому относят и жителей Мамисонского ущелья [ИАА, III: 183].

Наиболее полные сведения о них сохранились в грузинской хронике «Дзегли эриставта» (1402 г.), известной в русскоязычной литературе под названием «Памятник эриставов» (ПЭ). В этом памятнике помимо исторических сведений представлена также топонимия средневековой Туалии (см. ниже), позволяющая судить о расселении и языковой принадлежности средневековых туальцев. Среди этих топонимов находим и такие, которых нет ни в одном другом источнике, например, *Maḡran Dvaleti* ‘Верхняя Туалия’, соответствующая осет. *Urs-Twaltæ* ‘Белая Туалия’, а также этнонимы *šavdvalni* ‘черные двальцы’ и *kwemo dvalta* ‘нижние двальцы’². Последнее из этих названий предполагает наличие топонима «Нижняя Туалия», который относится к значительной части территории Южной Осетии, от провинции Урстуалта на северо-востоке до селения Ачабет на юго-западе [Ванеев 1989: 304, 305, 306; Гаглойти 1996: 43].

В средневековых грузинских источниках топоним *Dvaleti* нередко упоминается рядом с топонимом *O(v)seti* ‘Осетия’, что послужило основанием для противопоставления средневековых двалов и осетин в этническом плане. Один из исследователей туальской проблемы, В. Н. Гамрекели, толковал топонимию средневековой Туалии с позиций вайнахских языков, что дало основания для признания кавказского субстрата в осетинском языке, обнаруженного В. И. Абаевым, вайнахским [Гамрекели 1958: 45; Гамрекели 1961: 120; Меликишвили 1959: 124; Дешериев 1963: 56; Гадло 1979: 165].

Однако данная позиция не нашла поддержки у целого ряда исследователей [Ахвледиани 1960: 4, 71–79; Ванеев 1989: 276–314; Бязыров 1959; Гаглойти 1962; Гаглойти 1969; Дзицойты 1995; Туаллагов 2008: 70–71]. Были приведены аргументы в пользу осетиноязычия средневековых туалов [Ахвледиани 1960: 4, 71–79; Гаглойти 1969; Гаглойти 1996; Цховребова 1979: 24–50; Дзаттиаты 1996; Дзицойты 1995].

Автор настоящей статьи предпринял попытку критического анализа топонимических аргументов туальской проблемы. Предварительно

² Сведения ПЭ опровергают утверждение некоторых исследователей о том, что грузинская летопись не упоминает народа двалов и знает только область *Dvaleti* [Абаев 1979: 326–327, прим.; Алемань 2003: 40, прим. 49].

предлагается рассмотреть несколько экстралингвистических аргументов. В *Разделе 2* приводится краткая история средневековых туалыцев, а в *Разделе 3* собственно лингвистический материал — анализ топонимии Туалии. *Раздел 4* посвящен экстралингвистической характеристике представленных топонимов, *Раздел 5* содержит основные выводы работы.

2. Этнолингвистическая характеристика средневековых туалыцев

2.1. К истории носителей этнонима *twal*

Вопреки устоявшемуся мнению (см., например, [Абаев 1979: 326–327]), исторические туалыцы не являются коренным кавказским народом. Их предки пришли на Кавказ с севера.

Произведя реконструкцию одного пассажа из «Гетики» Иордана (Iord. 116), обозначаемого как «список народов Германариха» (IV в. н. э.), В. В. Напольских восстановил этноним *Athaul* как **at Tual* ‘до туалов’. А весь пассаж перевел так: «народы: в Аунксах — вас, в Абронках — меров, мордов в Мискарах, жителей берегов Волги до туалов (Thual), навезо, бубегеев, готов» [Напольских 2012: 27–28; 2018: 8–9; Napol’skich 2016: 44]. Таким образом, туалы, которых В. В. Напольских отождествляет с осетинами-туалыцами, помещены у устья Волги. Данная локализация подтверждается, во-первых, сведениями Плиния Старшего (Plin. 6.16–17), помещавшего талов (Thalos) на огромной территории от Центрального Кавказа до побережья Каспия в районе устья Волги; и во-вторых, сведениями Птолемея (Geogr. V. 9.21), помещавшего туалов между Керавнскими горами и рекой Ра, т. е. Волгой [Напольских 2012: 27; Napol’skich 2016: 44]. При этом птолемеевское *Οὐάλοι* «валы» Н. Г. Волкова и В. В. Напольских удачно исправил на *Θυάλοι* «туалы» [Волкова 1973: 112; Napol’skich 2016: 44]. Таким образом, осетинская форма *twal* оказывается наиболее древней, что исключает возможность заимствования

этого этнонима из грузинского *dvali*, как это предполагалось ранее [Абаев 1979: 326].

Следовательно, древние туалы представляли собой одно из сарматских племен, обитавших на берегах нижней Волги, откуда часть их продвинулась на Кавказ еще до нашей эры, очевидно, вместе с такими сарматскими племенами, как аорсы, сираки, языги и аланы. Однако другая (большая?) часть туалов осталась на берегах Волги, где и была зафиксирована античными авторами.

Наиболее удачной следует признать ту из этимологий этнонима *twal*, которая связывает его с и.-е. основой **teuǵ-* / **tu-* > праиран. **tau-* / **tu-* ‘набухать, набирать силу; расти; появляться на свет’, осложненной расширителем *-l-*. К этой же основе восходят др.-инд. *tuc-* ‘ребенок, потомство’, авест. *taoxman-* ‘семья; родня’, др.-перс. *taumā-* ‘семья; семья’, осет. *tux* / *tuxæ* ‘сила мощь’, *t’ymu-t’yta* ‘отдаленное потомство, род’ и *tug / tog* ‘кровь’ [Пахалина 2002: 103–105]. Для этнонима *twal* следует исходить из праформы **tauǵā-* > **θwā-* с первоначальным значением ‘коллектив людей, объединенных кровным родством’.

2.2. Туалец *Vola Tliag*

Не так давно достоянием науки стало осетинское слово, написанное рукой этнического туалыца. Это прилагательное *tliag* ‘тлийский’, субстантивно — ‘тлиец’, ‘житель (селения) Тли’. Именно так — *Vola Tliag* ‘Вола из (селения) Тли’ — подписал свои фрески на стенах Нузальской часовни художник XIV в. [Кузнецов 1990: 72–74; Абаев 1990: 463; ТЮО, I: 55]. В Осетии есть три селения с названием *Tli*. Все они находятся в ареале проживания средневековых туалыцев. Следовательно, для нашей темы не важно, жителем какого из них был художник Вола, т. к. во всех случаях он оказывается туалыцем. Осетинский суффикс *-ag* в его подписи указывает на то, что Вола говорил на осетинском языке, а это значит, что на этом же языке говорили и его соплеменники в XIV в.

2.3. Туальская проблема с точки зрения диалектологии осетинского языка

Если бы средневековые туальцы говорили на одном из вайнахских языков, а их осетинизация произошла бы в XV в., то туальский говор современного осетинского языка противостоял бы всем остальным диалектам и говорам наличием вайнахского субстрата [Ванеев 1989: 283; Тменов 1989: 119–120; ТЮО, I: 52–53]. Иными словами, субстрат был бы исключительным достоянием туальского говора, а не осетинского языка в целом. Между тем туальский говор не демонстрирует иноязычные влияния, отсутствующие в других диалектах и говорах осетинского языка, а специфически кавказские элементы, именуемые В. И. Абаевым «субстратом», почти равномерно распределены по диалектам и говорам осетинского языка [Ахвледиани 1960: 48–59, 60–64, 65–79, 80–90, 91–106; ТЮО, I: 53, 55].

3. Этимологический анализ топонимии Туалии

3.1. Общие замечания

После этих предварительных замечаний можно перейти к анализу топонимии Туалии. В упомянутой статье В. Н. Гамрекели проанализированы как топонимы с территории проживания исторических туальцев (их большинство), так и топонимы, не входящие в этот ареал (см. ниже). Наряду с материалом, извлеченным из ПЭ, В. Н. Гамрекели привлек и топонимы, представленные в других грузинских источниках. С последней категории топонимов мы и начнем свой анализ.

3.2. Топонимы, не зафиксированные в ПЭ

1. Ороним/этноним *Urstwaltæ*. Впервые зафиксирован в конце XVIII в. [Цховребова 1979: 130], однако, судя по косвенным данным,

существовал и в IX в. Несмотря на семантическую прозрачность этого оронима, означающего в переводе с осетинского языка ‘Белая Туалия / белые туалыцы’ [Абаев 1949: 38; 1989: 18, 19; Ванеев 1989: 276, 295; Волкова 1973: 117; Thordarson 1989: 16; Алемань 2003: 40], В. Н. Гамрекели утверждал, что для наименования верховьев Лиавхвы осетинским словом *urs* ‘белый’ нет никаких оснований. В качестве альтернативной этимологии он предлагал связь с вайнахским *oars* (*oarc*) ‘гора, покрытая лесом’ [Гамрекели 1958: 49–50]. Оспаривая это утверждение, З. Н. Ванеев резонно указал на этноним *šavdvalni* ‘черные двалы’, зафиксированный в ПЭ. Этот этноним является названием североосетинских туалыцев. Противопоставление ‘белых туалыцев’ ‘черным туалыцам’ носит сословный характер и опровергает все построения В. Н. Гамрекели [Ванеев 1989: 295, 304]. Осетины и сегодня называют североосетинских туалыцев *saw twallægtae* ‘черные туалыцы’. Кроме того, жители Алагирского, Куртатинского и Кобанского ущелий Северной Осетии противопоставляют себя туалыцам как «благородные» (*wæzdan*) «черному люду» (*saw adæm*) [Ванеев 1989: 280–281; Бекоев 1985: 308; Гаглойти 1996: 50–51], см. также [Тыбылты 1988: 129].

В языке осетинского фольклора противопоставление *saw* ‘черный люд’, или *saw adæm* ‘то же’, — *wæzdan* ‘благородный’ встречается и вне связи с туалыцами [НК, II: 525, 558, 565, 576, 632, 687, 698]. В одной осетинской сказке читаем: *Sawæj, wæzdanæj, kæjdaeriddær jæ k’ax, jæ bæx hæssy, — paddzax wæ xony* ‘Падишах приглашает к себе и черных и благородных — всех, кто способен ходить самостоятельно или ехать на лошади’ [ИАА, I: 404]. Это же противопоставление в другом тексте выражено несколько иначе: *saw* — это ‘простолюдин’, у которого *saw stæg* ‘черная кость’, а *wæzdan* — это ‘благородный’, у которого *urs stæg* ‘белая кость’ [Барахъты 1975: 263]. Сюда же относится слово *sawlæg* ‘человек низшего сословия’, букв. «черный человек» [Хетагкаты, IV: 323; Абаев 1979: 42, 46; НК, III: 508–509; НК, V: 116]³.

В фольклорных текстах находим еще и противопоставление *tyx-žyn myggag* ‘сильная фамилия’ — *saw myggag* ‘слабая (букв. «черная»)

³ О параллелях к осет. *sawlæg* на славянской почве см. [Журавлев 2007: 99].

фамилия’: последние никогда не участвовали в столкновениях с врагами [ИАА, III: 26, 137, 169]⁴. К сказанному следует добавить, что потомство, прижитое представителем благородной, или сильной, фамилии от жены-наложницы (*nomylus*), также причислялось к черному люду (*saw*) [Абаев 1979: 42].

Представляют интерес и этнические названия соседних с осетинами народов, содержащие эпитет *saw* ‘черный’. Ср. *saw geze* ‘черные сваны’ (?) [ИАА, III: 154], *saw noʒaj* ‘черные ногайцы’ [ИАА, III: 263], или *qara noʒajtæ* ‘то же’ [НК, V: 290], *saw noʒajag* ‘черный ногаец’ [НК, V: 116, 124, 127, 131, 135], *saw qulʒa* ‘черные ингуши’ [Гæдиаты 1991: 48], *saw xadon* ‘черный мтиулец’ [Дзицойты 1995].

Что касается эпитета *urs* ‘белый’, то и он давно известен в качестве социального и этнического маркера. Ср. названия сарматских племен: *’Aopsoi*, букв. «белые», *’Alavopsoi*, букв. «белые аланы» [Абаев 1949: 158].

Примеры аналогичного противопоставления находим и в этнографии некоторых других народов. Например, территория проживания адыгского племени зихов на черноморском побережье Северного Кавказа делилась на *Alba Zichia* ‘Белую Зихию’ и *Mauro Zichia* ‘Черную Зихию’ [Лавров 1982: 175]. А этноним *karakirques*, по мнению Н. Г. Волковой, можно объяснить из тюркских языков, где «слово *кара* нередко употреблялось именно в значении “простой”, “зависимый”, т. е. в данном случае — “простой, зависимый черкес”» [Волкова 1973: 99]. Ср. в русской традиции: «Через цветовые определения выражаются отношения свободы — несвободы: *белые земли* ‘свободные, не принадлежащие государству земли’ — *черные земли* ‘на Руси XII–XVII вв. государственные, не частновладельческие’» [Теуш 2019: 32].

Таким образом, этническое название *saw twal* ‘черные туалыцы’, отраженное в ПЭ в виде *šavdvalni*, возникло в результате семантической оппозиции к названию «белые туалыцы», т. е. *Urstwaltæ*. Семантическая связь между этими названиями исключает возможность их существования порознь. И если бы даже до нас дошло только одно

⁴ О *styr*, или *tyxʒyn myggag* ‘большая / сильная фамилия’ см.: [Хетагкаты, IV: 320].

из них, то и этого было бы достаточно для предположения о существовании в прошлом и другого.

События, описанные в данной части ПЭ — переселение младших сыновей осетинского царя с сопровождающими их лицами в Урстуалта, — состоялись в VI или IX в. Младшие царевичи, потерпев поражение в борьбе за власть, неслучайно выбрали в качестве места изгнания именно эту область Осетии. Белые туалыцы проживали на той части территории Осетии, которая была неподвластна царю, тогда как черные туалыцы, судя по их названию, жили на территории, контролируемой царской властью. Таким образом, есть основание полагать, что противопоставление *šavdvalni* (= осет. *saw twaltæ*) ‘черные туалыцы’ — *urstwaltæ* ‘белые туалыцы’ существовало уже в VI или IX в. Но возникло оно, разумеется, задолго до описываемого события. А поскольку это противопоставление сохраняется и в наше время, следует заключить, что туалыцы говорят на осетинском языке, как минимум, на протяжении последних 1100 лет.

2. Ойконим *C'unar* — селение в Цхинвальском районе Южной Осетии. Впервые зафиксировано в первой трети XVIII в. [ТЮО, II: 312]. Несмотря на то, что сел. Цунар находится на 10–15 км южнее ареала расселения исторических туалыцев, В. Н. Гамрекели считает его туалыским. Отвергнув народную этимологию, выводящую данный ойконим из осет. словосочетания *c'us Nar* ‘малый / малочисленный Нар’ [Ванеев 1989: 295], Гамрекели предложил связь с чеченским *c'u* ‘языческий бог; идол’, откуда происходит чечен. *c'unal / c'unar* ‘святилище’ [Гамрекели 1958: 50–52]. Но, во-первых, при самых тщательных поисках ни в окрестностях этого селения, ни в Осетии в целом не удалось обнаружить языческого храма / идола с таким названием. Во-вторых, предположение В. Н. Гамрекели неоправданно расширяет ареал проживания исторических туалыцев. В-третьих, народная этимология имеет две важные точки опоры: а) большая часть жителей селения Цунар действительно переселилась из сел. Нар [Ванеев 1989: 295]; б) словосочетание *c'us Nar* состоит в явной семантической оппозиции ко второму названию селения *Nar* — *Styr Nar* ‘Большой Нар’. Если отвергать народную этимологию, то это можно сделать только по фонетической причине: кластер *-sn-* в осетинском

языке обычно не упрощается в *-n-*. Если же вслед за некоторыми учеными делить ойконим на *C'un-* + суфф. *-ar*, то первую часть вместе с ойконимом *C'on* следует связать с осет. апеллятивом *c'onka* 'верхушка' [ТЮО, II: 313]; последнее надо возвести к прототипу **(s)čāni-ka-* 'насыпь' от праиран. **čan-* 'насыпать; класть, сооружать, воздвигать', о котором см. [ЭСИЯ, IV: 199]. О развитии **sč-* > *c'* в исконно осетинских словах см. [Bailey 1979: 57]. Ср., с другой стороны, осет. (диал.) *c'un-γuz* | *c'on-γuz* 'болотистое место'. О непродуктивном суффиксе *-ar* в осетинском языке см. [ТЮО, I: 409].

3. Гидроним *Lewaxi* — название двух рек в Южной Осетии, сливающихся в районе сел. Шиндиси в Горийском районе Грузии. Истоки обеих рек находятся в ареале проживания исторических туалъцев. Это и позволило В. Н. Гамрекели признать гидроним туалъским и этимологизировать как сложение из чечен. *lūo*, инг. *loa*, бацб. *lav* 'снег' + чечен., бацб. *χi* 'вода, река', инг. *χij* 'вода', т. е. «снеговая река» [Гамрекели 1958: 54–56]. Между тем в древнейшем грузинском источнике (Л. Мровели, XI в. н. э.) этот гидроним зафиксирован в двух формах: *Liaxw* и *Liaxu(j)* [КЦ, I: 54, 55]. Конечное *-i* в современной грузинской форме *Liaxvi* — это обычная флексия именительного падежа. В наиболее раннем осетинском источнике (1802 г.) гидроним зафиксирован в форме *Leaxwi* / *Leaxvi* [Ахвледиани 1960: 95, 98]. Таким образом, современная осетинская форма *Lewaxi* вторична. Она появилась в середине или даже в конце XIX в. в результате метатезы *-axw-* > *-wax-* и, следовательно, непригодна для этимологического анализа.

Добавим, что у современных туалъцев гидроним *Lewaxi* неупотребителен, а соответствующую реку они называют *Styrdon* 'Большая река'.

3.3. Топонимы, зафиксированные в ПЭ

События, описанные в ПЭ, относятся к двум разным периодам истории Осетии, отделенным друг от друга несколькими столетиями. Это, во-первых, переселение младших сыновей царя Осетии

вместе с сопровождающими их лицами с Северного Кавказа в Урстуалта (в VI или IX в. н. э.). Во-вторых, взаимоотношения туалъцев с этими переселенцами, превратившимися в правителей соседнего ущелья (ксанскими эриставами) в XIII–XIV вв. н. э. Большая часть туалъских топонимов связана с событиями второго периода. Однако рассмотрим сначала топонимы, относящиеся к первому периоду.

1. Ойконим *Zaq^ha* в составе топонима *Mtisa Zaq^hisasa* ‘гора (у селения) Закка’. От туалъского ойконима *Zaqa* в Северной Осетии [Цагаева 1975: 280]⁵. Основу **Zaq-* следует сопоставить с основой *Zay-* в следующих топонимах Северной Осетии: *Zayaly / Zayælijy bærzond* ‘вершина Загали’ [Там же: 31], *Zayxⁿynč^čytæ* ‘углубления / норы Заг’ [Там же: 204]. Возможно, рассматриваемая основа является производной от праиран. **zā-* (именительный падеж ед. ч. от основы **zām-*) ‘земля’ с помощью суф. **-ga-*, т. е. др.-иран. **zāga-* > древнеосет. **zay-* / *zaq-* «участок земли».

2. *Bobaletaj* — название селения в Верхней Туалии. В ПЭ ойконим оформлен по модели грузинских топонимов на *-al-et-i*. Ср. следующие ойконимы в Грузии: *K’ar-al-et-i* (от груз. *k’ari* ‘двор; ворота’), *Baz-al-et-i* (от аланского **baz* ‘скотный двор’), *Bar-al-et-i* (от груз. *bar-i* ‘равнина’), *Gud-al-et-i* (от груз. *guda* ‘мех; бурдюк’(?)) и пр. [ТЮО, I: 140]. Корень *Bob-*, несомненно, связан с современным ойконимом *Bobot* — селище в Урстуалта, из *Bobo-t-æ* ‘Бобоевы / Бобоево’ [ТЮО, I: 54, 139]. Зная о морфологической структуре осетинского ойконима, автор ПЭ или его информант передал его в адаптированном на грузинский лад виде. Ошибочное сопоставление данного ойконима см. в [Гаглойти 1996: 49].

3. *Ačab-et-i* — крайнее (?) на юге селение нижних туалъцев. Соответствует современному ойкониму *Ačabet* [Ванеев 1989: 305; Цховребова 1979: 26–27]. В основе ойконима лежит антропоним *Ačab*, представленный и в осетинском мужском имени *Acabi*, а также в кабардинском фамильном имени «Ашабов(ы)», где *Ašab-* — спирализованная форма имени *Ačab*. Сюда же кабардинский ойконим

⁵ В Северной Осетии встречается еще и название покосного участка *Zaqa* [Цагаева 1975: 456].

«*Ашабэ*», известный у балкарцев как *Ачабей*. Из осетинской формы *Аџаб-* идет фамильное имя *М-аџаб-ел-и* у грузин [ТЮО, II: 262–264; Дзицойты 2017а: 61–65].

4. *Vexuše* — гора и крепость в области нижних туальцев [Цховребова 1979: 27]. У Вахушти (нач. XVIII в.) встречается в двух формах: *Вeq^hџо / Вexџо*. Возможно, к др.-иран. **bai-kauša-* + суффикс, т. е. ‘с двумя углублениями’. См. также [ТЮО, II: 364, 518].

5. *Brut’as-švilni* — селение в Верхней Туалии, букв. «потомки Брута». Несомненно, тождественно современному ойкониму *Вурyt’at(æ)*, букв. «потомки Бырыта», представляя собой точную кальку осетинского названия [Гаглойти 1969; Гаглойти 1996: 43, 45; Цховребова 1979: 27–28; Дзицойты 1995; Дзаттиаты 1996: 233]. От мужского имени *Вурyt’a*, отложившегося и в североосетинском фамильном имени *Вурyt’iatae* ‘Бритаевы’ [ТЮО, I: 141].

6. *C’aj* — селение в стране верхних туальцев. Впервые упомянуто в источнике XIV в. [ДМ, I: 81], а затем и в ПЭ. Ныне неизвестно, однако в соседнем Малолиахвском ущелье имеется селище *C’æj*, с которым и связывают туальский ойконим [ДМ, I: 84; Гаглойти 1969; Дзицойты 1995; Гаглойти 1996: 43, 45–46]. В Южную Осетию этот ойконим мог попасть из Северной, где также известен ойконим *C’æj* [Цагаева 1975: 193]. В. Н. Гамрекели видит в основе этих топонимов вайнахское *c’e* ‘огонь’, *c’a* ‘дом, дворец’, *c’a* ‘святой’ [Гамрекели 1958: 53–54]. Ср. этимологию на осетинской почве: из апеллятива *c’æj* ‘сукровица’, в топонимии — ‘мутная вода; земля с красно-бурным налетом’. См. [ТЮО, II: 500; Дзаттиаты 1996: 235].

7. *C’eryue* — селение в стране нижних туальцев [Гаглойти 1996: 48; Дзицойты 1995]. В. Н. Гамрекели поместил его в Тлийское ущелье. Ныне неизвестно. Грузинский исследователь делил ойконим на корень *C’ery-* и окончание *-ue*. К выделенному корню он подобрал параллели в топонимии Восточного Кавказа, происхождение которых из единого источника представляется сомнительным: *Черхкорт* и *Чергъен* — названия гор в Ингушетии, *Цъергъо-махи* — селение в Дагестане, *Чаргали* — селение в Пшавии, *Дзаргъуа* — селение в юго-западной Грузии. Приведенный материал сопоставлен также с хевсурско-тушинским апеллятивом *ĉ’erxo* ‘верхний этаж

здания', который и усматривается в основе приведенных топонимов [Гамрекели 1958: 61]. Р. Г. Дзаттиаты полагает, что *C'erγue* соответствует селению *C'ærit* в Дзауском районе [Дзаттиаты 1996: 235–236]. Ю. С. Гаглойти видит в *C'erγue* искаженное осетинское *Cyγγu zwar* 'Святылище клинка' [Гаглойти 1996: 48]. Не исключено, что ойконим следует делить на *C'er-γue* и видеть во второй части осет. *qæw / γæw* 'селение'. Первая часть, возможно, связана по происхождению с ойконимом *C'ir* в Ленингорском районе Южной Осетии. В их основе можно видеть осет. (диал.) *c'eri* 'скирд'. Т. е. **C'er(i)-γæw* — 'селение со скирдом'. Конечное *-e* наращено на грузинской почве. Это наращение и могло спровоцировать синкопу *-æ-*.

8. *C'uben-i* — селение в стране верхних туаальцев. В настоящее время в Урстуалта такого селения нет. Однако в Заккорском сельсовете Ленингорского района Южной Осетии известно селение *C'uben* [Гамрекели 1958: 56–57; Цховребова 1979: 49; Гаглойти 1996: 46–47; Дзаттиаты 1996: 234–235]. Это означает, что жители села переселились из Урстуалта в Лехурское ущелье уже после XIV в. В. Н. Гамрекели считает ойконим вайнахским, состоящим из *C'u-* 'божество' + *bene* 'обитель' [Гамрекели 1958: 56–57]. Однако если учесть, что чечен. *bene*, как и груз. *bina* 'квартира, помещение', происходит из араб. *binā* 'строение, здание', то вероятность этимологии, предложенной Гамрекели, окажется слишком незначительной. Р. Г. Дзаттиаты объясняет *C'uben* из осет. *c'uj* + *byn* 'заросли рябины', «рябинник» [Дзаттиаты 1996: 234–235]. Расхождения в вокализме не совсем ясны.

9. *C'ux-l-et-i* — селение в стране верхних туаальцев. Ныне неизвестно [Цховребова 1979: 49]. Ойконим оформлен по типу топонимов на *-al-et-i* (см. выше *Bob-al-et-aj*) с последующей синкопой *-a-*. В его основе лежит осет. (диг.) апеллятив *c'ux* 'рот', в топонимии — 'выступ'. Ср. ойконим *C'uxu qæw* 'селение Цых' в североосетинской Туалии [Дзиццойты 2017b: 140]. Возможно, в Южную Осетию этот ойконим попал из Северной.

10. *Erema* — селение в стране верхних туаальцев. Несомненно, тождественно современному ойкониму *Erman* [Цховребова 1979: 29–30; Дзиццойты 1995]. Об этимологии этого ойконима см. [ТЮО, I: 146–147].

11. *Ioseb-ur-* — селение в стране нижних туалъцев. Отождествлению не поддается [Цховребова 1979: 43; Гаглойти 1996: 47]. Очевидно, жители села переселились в другое место. Отождествление данного топонима с осет. *Urszwar* [Дзаттиаты 1996: 232] не кажется нам приемлемым. Ср. в Ленингорском районе Южной Осетии урочище под названием *Ioseb-ur-eb-i* (груз.) «Иосебурово». В основе ойконима лежит антропоним *Йосеб* (*Иосиф*).

12. *Кноуо* — селение в стране нижних (?) туалъцев. Несомненно, связано с современным ойконимом *G^(у)ниу* у истоков Малой Лиахвы в Южной Осетии [Цховребова 1979: 40–42]. В. Н. Гамрекели сопоставил название с целым рядом топонимов на Кавказе: селение *Гинух* в Дагестане, *Гунух* в Чечне, *Гонух* в Кахетии и т. п., усматривая в их основе инг. *gāna* ‘далеко, далекий’ [Гамрекели 1958: 60]. Между тем конечное *-оу* (*-иу*), встречающееся и в ойкониме *K’ороу* [ТЮО, II: 131], может восходить к др.-иран. **aug-* ‘укреплять(ся), быть сильным, мощным’ [ЭСИЯ, I: 258], откуда — **auga-* ‘укрепление’. Если в первой части ойконима *Кноу-* усматривать рефлекс др.-иран. **kūna-* ‘скрытое место’ (см. [ЭСИЯ, IV: 366]), то ойконим в целом можно понимать как «крепость / укрепление, расположенное в укромном месте».

13. *K’abuš-ur-* — селение в стране верхних туалъцев. Несомненно, связано с современным ойконимом *K’abuztæ* в Урстуалта [Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 35–36; Дзиццойты 1995; Гаглойти 1996: 43, 45; Дзаттиаты 1996: 233], букв. означающим «ответвления». Осетинский показатель мн. ч. *-tæ* заменен грузинским суффиксом *-ur-*. Ср. в этом отношении осетинскую фамилию *Xetaġgatae* > груз. *Xetaguri* > русск. *Хетагуровы* [ТЮО, I: 167].

14. *K’ele-ur-* — селение в стране верхних туалъцев. Несомненно, связано с современным ойконимом *Ėliat(æ)* в Урстуалта [Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 39–40; Дзиццойты 1995; Гаглойти 1996: 43, 45; Дзаттиаты 1996: 233]. Ойконим происходит от осетинского фамильного имени *Челуатæ*, имевшего до XIX в. форму **Keleatae* [ТЮО, I: 167]. О передаче осетинского смычного *k* через грузинский абруптив *k’* см. ниже. Не исключено также, что осетинский топоним подвергся контаминации с грузинским мужским именем *K’ela*, откуда и грузинская фамилия *K’elašvili*.

15. *K'ošk'a* — селение в стране нижних туалъцев. Несомненно, тождественно современному ойкониму *K'usžutæ* [Ванеев 1989: 304; Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 43–44; Дзиццойты 1995; Гаглойти 1996: 43], букв. означающему «ниши; углубления» [ТЮО, I: 284].

16. *Muyis-veli* — селение в стране нижних туалъцев. Сопоставлено с современным ойконимом *Mugut* 'Мугуево' [Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 45–46; Дзиццойты 1995; Гаглойти 1996: 43, 48] от фамильного имени *Mugutæ* 'Мугуевы' [ТЮО, I: 286–287], иначе [Дзаттиаты 1996: 232–233].

17. *Qara* (или *Qora*) — селение в стране (нижних?) туалъцев. Ныне неизвестно [Цховребова 1979: 43; Гаглойти 1996: 44]. По мнению В. Н. Гамрекели, местность, где предположительно располагалось это селение, у Вахушти (нач. XVIII в.) упоминается под названием *msxlebis mtebi* 'грушевые горы'. Это дало ему основание сопоставить ойконим *Qor* с чечен. *q^hor* 'груша (плод и дерево)' [Гамрекели 1958: 58–59]. Не исключено, однако, что речь идет о родовом поселении *Qaratæ* 'Караево' в Чисанском ущелье Южной Осетии, названном по населявшей его фамилии *Qaratæ* 'Караевы'.

18. *Rok'a* — селение в стране нижних туалъцев. Несомненно, связано с современным ойконимом *Ruk'* [Ванеев 1989: 304; Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 46–47; Дзиццойты 1995; Гаглойти 1996: 43]. Восходит к др.-иран. **rauka-* (< и.-е. **loukos*) 'прогалина', откуда идут также др.-инд. *lōka-* 'открытое место, пространство, мир', лат. *lūcus* 'роща' и пр.

19. *Sosxo* — гора и селение в стране верхних туалъцев. Удачно сопоставлено с топонимами *Soxs*, *Soxsy kom* 'ущелье Сохс' и *Soxsy don* 'река Сохс' в Рукском с/с Дзауского района Южной Осетии [Цховребова 1979: 32–33]. Не зная об осетинском топониме, В. Н. Гамрекели отождествлял туалъское название с оронимами *Zazi-yoj* в Чечне и *Zesxo* в Лечхуми (Грузия) [Гамрекели 1958: 61, 67]. Между тем в Северной Осетии также известны топонимы *Donysæry Suxs* 'Сухс, расположенный над рекой', *Suxs*, *Soxs* и *Wællag Suxs* 'Верхний Сухс' [Цагаева 1975: 151, 163, 256, 167], а в Нартовском эпосе осетин — *Suxsy bydyr* 'равнина Сухс' [Дзиццойты 1992: 225]. Поскольку основная часть топонимов с основой *Soxs / Suxs* сосредоточена в Северной

Осетии, следует заключить, что именно оттуда он и проник на территорию Южной Осетии. Соотношение форм осет. *Soxs* / груз. *Sosxo* указывает на первичность осетинской формы и вторичность грузинской. На грузинской почве произошла метатеза *-xs- > -sx-*, а также наращение суф. *-o*. Аналогичные преобразования отмечены и в других грузинских заимствованиях из осетинского языка. Ср. осет. *ruxs* ‘свет; светлый’ > груз. *rusxa* ‘светлый’ [Андроникашвили 1966: 106], осет. *us* ‘женщина’ > груз. *uso* ‘почетная женщина среди простолюдинок’ [Ахвледиани 1960: 138]. Опыт иранской этимологии рассматриваемого топонима см. в [Дзицойты 1995]. Ошибочная этимология в [Гаглойти 1996: 46]. Ошибочное отождествление в [Дзаттиаты 1996: 233–234].

20. *Tle* — селение в стране нижних туалъцев. Несомненно, тождественно ойкониму *Tli* в Дзауском районе Южной Осетии [Ванеев 1989: 305; Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 47; Дзицойты 1995; Гаглойти 1996: 43; Дзаттиаты 1996: 235]. В ПЭ упоминается также *Tle Bibilurta* ‘Тли, принадлежащее Бибиловым’ [Гаглойти 1996: 48–49]. От осетинского родового названия *Vibyltae* ‘Бибиловы’. Сюда же, несомненно, относится упомянутое выше название *Tliag*. В. Н. Гамрекели сопоставил ойконим с созвучными дагестанскими топонимами: *Tlisci*, *Tlibuush*, *Tluta* и пр. [Гамрекели 1958: 61–62]. О других этимологических догадках см. [ТЮО, I: 158].

21. *Tlisis q^hevi* ‘Тлийское ущелье’ — ущелье *Tlijy kom / Tligom* в Дзауском районе Южной Осетии [Цховребова 1979: 47–48; ТЮО, I: 68]. Производное от предыдущего топонима.

22. *Хо́жа* — селение в стране верхних туалъцев. Несомненно, тождественно современному ойкониму *Хоз* в Урстуалта [Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 49–50; Дзицойты 1995; Гаглойти 1996: 43, 45–46; Дзаттиаты 1996: 233]. В основе ойконима лежит антропоним [ТЮО, I: 164]. В ПЭ топоним представлен и в составе оронима *k’ldeša Xožisasa* ‘у скалы (возле селения) Ходж’ [Цховребова 1979: 50].

23. *Zyuber-* — селение в стране верхних туалъцев. Без сомнения, связано с современным ойконимом *Zy^uybir* в Урстуалта [Ванеев 1989: 304, 305; Гаглойти 1969; Цховребова 1979: 33–34; Дзицойты 1995; Гаглойти 1996: 43]. О происхождении ойконима см. [ТЮО, I: 148].

4. Экстралингвистический комментарий к туальской топонимии

4.1. Общая характеристика

Двадцать три из проанализированных 27 топонимов, согласно автору ПЭ, являются туальскими. Но и из оставшихся четырех топонимов еще два тоже, несомненно, туальские, хотя один из них (*Urstwaltæ*) не зафиксирован в ПЭ, а второй (*Zaq^ha*) зафиксирован, но не назван туальским. Три топонима (*C'unar*, *Lewaxi*, *Qara / Qora*), причисленные В. Н. Гамрекели к туальским, таковыми не являются. 19 из 23 туальских топонимов являются названиями сёл, а еще три — производными от ойконимов: *Mtisa Zaq^hisasa* 'гора (у селения) Закка', *Tlisis q^hevi* 'ущелье (селения) Гли' и *k'ldesa Xožisasa* 'у скалы (возле селения) Ходж'. Таким образом, 22 из 23 туальских топонимов являются ойконимами.

Семнадцать из них и сегодня являются названиями тех же географических объектов, что и раньше, во времена автора ПЭ. Пять ойконимов больше не встречаются на территории Туалии: три из них полностью прекратили свое существование (*C'eryue*, *C'uxlet-*, *Iosebur-*), а два «сменили прописку», оказавшись в соседних ущельях (*C'aj*, *C'uben*). Еще один топоним, *Soxs*, бывший во времена автора ПЭ названием селения, сохранился в качестве названия горы, реки и ущелья.

Если не считать исчезнувших туальских сел, то из оставшихся 16 сел одно сегодня населено грузинами (*Ačabet*), а остальные — осетинами.

4.2. Этимология топонимов

Сопоставление топонимов, зафиксированных в ПЭ, с их соответствиями в современной топонимии Осетии показывает, что в основе

большинства из них лежит либо осетинский антропоним, либо патроним. Ср.: *Ačabi* > *Ačabet*, *Boba* / *Bobo* > *Bobot* > *Bobaletaj*, *B(y)ryt'a* > *B(y)ryt'atae* > *Brut'as švilni*, *Eræ* > *Erman* > *Erima*, *Ioseb* > **Iosebatae* > *Ioseburni*, *Kele* / *Čele* > *Čeliatæ* > *K'eleurni*, *Mugu* > *Mugutæ* > *Muyis velni*, *Hož* > *Hož* > *Hoža*.

В основе некоторых других топонимов лежат осетинские апеллятивы: *c'æj* 'земля, окрашенная в бурый цвет' > *C'æj* > *C'aelni*, *c'ux* 'выступ горы' > *C'ux-* > *C'uxlet-*, *k'abuz* 'ветвь, ответвление' > *K'abuztæ* > *K'abušurni*, *k'usk* 'ниша, углубление' > *K'usžytæ* > *K'ošk'a-*, *c'eri* 'скирд' + *γæw* 'селение' > **C'er(ijy) γæw* > *C'erγue*, *c'uj* 'рябина' + *byn* 'лес; кустарник' > *C'ujbyn* > *C'ubene*.

В основе некоторых топонимов скрываются иранские основы, вышедшие в осетинском языке из свободного употребления: *Bexuše*, *Knoyo*, *Rok'a*, *Sosxo*, *Tle*, *Zaqqa*. Неясным для нас остается только топоним *Zyuber*.

4.3. Морфологическая адаптация

Автор ПЭ дает туальскую топонимию в адаптированном к нормам грузинского языка виде. В одних случаях он добавляет к туальскому топониму грузинский суффикс: *Ačab-et-i*, *Bexuš-e*, *Knoy-o*, *Rok'-a*, *Sosx-o*, *Hož-a*, *C'erγu-e*. В других же случаях, зная о морфологической структуре туальского топонима, автор ПЭ перестраивает его по типу грузинских ойконимов, меняя, чаще всего, осетинский суффикс мн. числа *-tæ*: *Bobo-tæ* > *Bob-al-et-aj*, *B(y)ryt'a-tæ* > *Brut'-as švil-n-i*, *K'abuz-tæ* > *K'abuš-ur-n-i*, *Čelia-tæ* (**Kelea-tæ*) > *K'ele-ur-n-i*, *Mugu-tæ* > *Muy-is vel-n-i*. Это позволяет предположить, что и в основе ойконима *C'ux-l-et-i* лежала осетинская форма с *-tæ*, т. е. **C'ux-tæ*. Аналогичное происхождение можно предполагать и для ойконима *Ačab-et-i* < **Ačabi-tæ* 'Ачабовы / Ачабово'.

Семантически мотивированные осетинские топонимы в ПЭ переведены на грузинский язык: *Mtisa Zaq^hisasa* 'гору (у селения) Закка', *Tlisis q^hevi* 'ущелье (селения) Тли' и *k'ldesa Hožisasa* 'у скалы (возле селения) Ходж'.

4.4. Фонетическая адаптация

Осетинская топонимия в ПЭ подверглась фонетической адаптации к нормам грузинского языка. Все фонетические преобразования соответствуют осетино-грузинским фонетическим соответствиям, установленным для осетинских лексических заимствований в грузинском языке.

Осетинский геминированный *-qq-*, а в ряде случаев и негеминированный *q* передается через грузинскую фарингальную аспирату *q^h*: осет. *Zaqqa* > в ПЭ *Zaq^ha*, в более поздних грузинских источниках также *Zaxa*. Субституцию *q* > *x* находим и в апеллятивной лексике грузинского языка: осет. *qærx^wурр* ‘похлебка’ > груз. (диал.) *xarxubai*, осет. *q^wylyg* ‘маслобойка’ > груз. *xwileg* и пр.

Осетинское *æ* передано через грузинское *a*: *C'æj* > *C'aj*. Ср. осет. *fætæn* ‘широкий’ > груз. *pateni* id. [Андроникашвили 1966: 59].

Осетинские *æ* и *y* в позиции перед *r* выпали: осет. *Byryt'atae* > в ПЭ *Brut'*-. Ср. осет. *færank* ‘барс’ > груз. *brangvi* ‘медведь’ [Андроникашвили 1966: 80]. Аналогичное изменение находим при передаче осет. топонимов *Zyrug* и *Zærcætæg* у Вахушти (нач. XVIII в.): *Zrog-o* и *Zramag-a*.

Осетинский кластер *-xs-* > груз. *-sx-*: *Soxs* > *Sosxo* (см. выше).

Передача осетинского смычного *g* в виде спиранта *ɣ* в топониме *Mugut* > *Muɣ*- напоминает передачу этого же смычного через грузинский *x* в ряде заимствований из осетинского [Андроникашвили 1966: 68].

Передача осетинского смычного *k* через абруптив *k'* в **Keleatae* > *K'eleuri* соответствует аналогичной субституции в целом ряде грузинских заимствований из осетинского: осет. *karz* ‘суровый; резкий’ > груз. *m-k'acr-i* [Андроникашвили 1966: 69] и пр.

Осетинские свистящие аффрикаты *s* и *z* в грузинских заимствованиях часто передаются через шипящие корреляты *š* и *ž* [Андроникашвили 1966: 70]. Это указывает на туальский (средневековый кударский) источник их происхождения. Аналогичную передачу находим в рассмотренной туальской топонимии: *Хоž-a* вместо современной

формы *Хоз*, *Ačab-et-i* вместо североосетинской формы *Acabi*. Следовательно, туалыцы в XIV в. говорили на чокающем диалекте осетинского языка, который впоследствии на части территории их проживания сменился цокающими (иронскими) говорами (рукский и чисанский), а на другой части сохранился (современный кударский).

Осетинские сибиллянты *s* и *z* в грузинских заимствованиях обычно передаются через *s* и *z*, а иногда — через *š* и *z/c* [Андроникашвили 1966: 74–75]. Первая группа примеров заимствована из туалыцкого (протокударского) источника, а вторая — из иронского. Показательно, что в большинстве случаев туалыцкая топонимия следует этим же правилам: *Zaq^ha*, *Zyuber*, *Sosxo*, *Iosebur-*. Однако в одном случае находим *K'abuš-ur-*, несомненно, указывающее на современную форму *K'abužtæ*. Поскольку первая группа примеров отвечает нормам современного кударского, а вторая — современного иронского диалекта, был сделан вывод о преемственной связи современного кударского с средневековым туалыцким, а современного рукского говора — с иронским диалектом Северной Осетии [Ахвледиани 1960: 69; Дзиццойты 2017а: 87–89]. Отсюда следует также вывод о том, что уже в XIV в. среди туалыцев (в селении Кабузта) проживали носители цокающего диалекта, т. е. иронцы⁶.

4.5. Архаичная фонетическая форма

Осетинская топонимия зафиксирована в ПЭ в архаичной форме. Это значит, что фонетические процессы, происходившие в осетинском языке в последние 500 лет, не нашли отражения в представленных в нем названиях.

В ПЭ не отражено сужение *u > y*: *Brut'- > B(y)ryt'-*, *Zyuber > Zy^yybir*. Впрочем, это сужение и не могло быть отражено в ПЭ, т. к. в грузинском языке нет звука, соответствующего осетинскому *у* (*ə*), а в грузинском алфавите — соответствующей буквы.

⁶ Ойконим *K'ošk-a-* сюда не относится, т. к. имеющаяся в нем основа была сближена автором ПЭ с грузинским словом *k'ošk'i* 'башня'.

В ПЭ не отражено сужение *o > u*: *Knoy-* > *G^{(w)y}nuy*, *Rok'-* > *Ruk'*, *K'ošk'-* > *K'usž-*.

В ПЭ не отражено сужение *e > i*: *Tle* > *Tli*, *Zyuber* > *Zy^wybir*, *C'erγue* ср. *C'ir*.

В ПЭ не отражена аффрикатизация заднеязычных *k*, *k'*, *g* перед гласными переднего и среднего рядов, приведшая к современным *č*, *č'*, *ž*. Этот процесс произошел в XIX в. В ПЭ находим заднеязычные: *K'ele-* < древнеосет. **Kele*, совр. форма *Čeliat* при м.и.с. *Čele*; *K'ošk-* < древнеосет. **K'osgita* > совр. форма *K'usžyta*.

4.6. Критика гипотезы северокавказского субстрата

Как видно из рассмотренного материала, в своем анализе В. Н. Гамрекели допустил целый ряд методологических и фактических ошибок.

Так, В. Н. Гамрекели практически полностью обошел соответствия туальской топонимии в современной топонимии Осетии. Между тем эти соответствия подсказывают верное направление этимологического поиска, так как значительная часть ойконимов является производными от имен собственных или от патронимов.

В качестве этимологически релевантных форм В. Н. Гамрекели в подавляющем большинстве случаев выбирал грузинские формы, которые в основном оказываются вторичными. Ср., например, топоним *Sosxo*, восходящий к *Soxs*, а не наоборот. Ср. противоположный пример, в котором за основу анализа взята поздняя, осетинская, форма гидронима, а древняя, зафиксированная в грузинских источниках, игнорируется: древнегруз. *Liaxu(j)* > новогруз. *Liaxvi*, осет. *Lewaxi*.

В. Н. Гамрекели прошел мимо бинарной оппозиции «белые туалыцы» ~ «черные туалыцы», второй член которой представлен и в ПЭ, и в современном осетинском языке, а первый — в топонимии Южной Осетии. Между тем одного этого примера было бы достаточно для определения языка средневековых туалыцев.

Субстрат был «установлен» В. Н. Гамрекели прежде всего на основе анализа ойконимии. Между тем «более древние наименования

лучше сохраняются в гидронимии, а в ойконимии и микротопонимии субстрат маловероятен» [Матвеев 2006: 207]. Поскольку ойконимия составляет абсолютное большинство туальской топонимии, вывод В. Н. Гамрекели представляется сомнительным.

Субстрат был «установлен» в том числе и на основе анализа топонимов, попавших в Южную Осетию из Северной, причем с той ее территории, которая не входила в ареал расселения исторических туальцев. Это *C'ux-l-et-*, отражающий дигорскую форму *c'ux*, а не иронскую (*зух*) и не кударскую (*зух*). О дигорско-кударских изоглоссах в топонимии Туалии см. [Дзиццойты 2017в]. Топоним *Soxs* также встречается в Северной Осетии: несколько раз в Алагирском ущелье и всего один — в Туальском [Цагаева 1975: 256]. Думается, что в североосетинскую, как и в югоосетинскую Туалию он проник из Алагирского ущелья.

К числу туальских необоснованно отнесен ряд топонимов, не входивших в ареал расселения исторических туальцев (*C'unar*, *Lewaxi*, *Qara / Qora*).

5. Выводы исторического характера

Итак, анализ топонимии средневековой Туалии говорит о междиалектном смешении на этой территории средневекового туальского и иронского диалектов осетинского (аланского) языка. Естественно предположить, что это смешение произошло в эпоху татаро-монгольских нашествий, когда огромное количество беженцев из равнинной Алании оказалось на территории Туалии. В результате в восточной Туалии чокающий диалект был сменен цокающим, а этноним «туал» на большей части Туалии был заменен этнонимом «ирон».

Поддержав гипотезу о тождестве названия страны (и города) *Ихран / Ирхан* средневековой дагестанской хроники «Дербенд-наме» (XIV в.) этнониму *ir* 'осетины', высказанную в середине 1980-х гг. А. В. Гадло, В. А. Кузнецов обосновал переселение

алан-ирханцев в высокогорную зону Осетии в период татаро-монгольских нашествий [Кузнецов 2016: 87–94]. В Средние века страна Ирхан располагалась в предгорной зоне Алании, по берегам Терека.

Впервые Ирхан упоминается в связи с событиями VI–XI вв., описанию которых и посвящена основная часть «Дербенд-наме». Но в разных списках этого памятника нашли отражение также и события последующих лет, включая XVI–XVII вв. [ДН: 69 и сл.]. Поэтому можно высказать предположение, что и сведения об Ирхане относятся к разным периодам истории Осетии. В связи с этим наше внимание привлек один пассаж дагестанской хроники, встречающийся не во всех ее списках: «Все реки Грузии текут из Ирхана» [ДН: 28]. Эти сведения могли появиться уже после того, как в XIII–XIV вв. иронцы из Ирхана оказались в горах Южной Осетии, с которых и берет начало большинство притоков Куры: три реки Проне, обе Лиахвы, Медзыда, Лехура, Чисандон, Арагва и др.

Не исключено, что столица Ирхана находилась на месте нынешнего Нижнего Джулата (Татартупа), развалины которого известны у турецкого путешественника Эвлия Челеби (XVII в.) под названием «Ирак-и-Дадиан» [Челеби 1979: 99–103]. Имя мегрельской правящей фамилии Дадиани носит в этом названии случайный характер, так как о «короле Москвы» Э. Челеби также сообщает, что он «идет от потомков Дадиани из Грузии» [Там же: 140].

Таким образом, «иронизация» горной зоны Осетии связана с переселением сюда иронцев из Ирхана в период татаро-монгольских нашествий.

Список условных сокращений

авест. — авестийский, араб. — арабский, бацб. — бацбийский, груз. — грузинский, диг. — дигорский (диалект осетинского языка), древнегруз. — древнегрузинский, древнеосет. — древнеосетинский, др.-инд. — древнеиндийский, др.-иран. — древнеиранский, др.-перс. — древнеперсидский, и.-е. — индоевропейский, инг. — ингушский, лат. — латинский, новогруз. — новогрузинский, осет. — осетинский, праиран. — праиранский, чечен. — чеченский

Литература

- Абаев 1949 — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Абаев 1979 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979.
- Абаев 1989 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989.
- Абаев 1990 — В. И. Абаев. Избранные труды. Т. I. Владикавказ: Ир, 1990.
- Алемань 2003 — А. Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / Пер. с англ. М.: Менеджер, 2003.
- Андроникашвили 1966 — М. Андроникашвили. Наркъвевеби иранул-картули енобриви уртиертобидан [Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.)]. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1966.
- Ахвледзиани 1960 — Г. С. Ахвледзиани. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1960.
- Бекоев 1985 — Д. Г. Бекоев. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали: Ирыстон, 1985.
- Бязыров 1959 — А. Х. Бязыров. Исследования В. Н. Гамрекели о туаллах-осетинах // ОРФ СОИГСИ. Отд. истории. Фонд № 4, опись № 1, ед. хр. № 68.
- Вансеев 1989 — З. Н. Вансеев. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. I. Цхинвал: Ирыстон, 1989.
- Волкова 1973 — Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.
- Гаглойты 1962 — Ю. Гаглойты. Туалтæ æмæ аланты рагон историйы иуай-иу фарстытæ [Туалты и некоторые вопросы древней истории алан (на осет. яз.)] // Фидиуæг. 1962. № 3. С. 79–86.
- Гаглойти 1969 — Ю. С. Гаглойти. Ерти къонцещиис шесахæб [Об одной концепции (на груз. яз.)] // Газета «Сабчъота Осети» от 9 августа 1969 г.
- Гаглойти 1996 — Ю. С. Гаглойти. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал: б.и., 1996.
- Гадло 1979 — А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979.
- Гамрекели 1958 — В. Гамрекæли. Двалетис тъопъонимикъис анализисатвис [К анализу топонимики Двалетии (на груз. яз.)] // Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР. 1958. Т. IV. Вып. 1. С. 45–70.
- Гамрекели 1961 — В. Н. Гамрекели. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н. э. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961.

- Дешериев 1963 — Ю. А. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963.
- Дзаттиаты 1996 — Р. Г. Дзаттиаты. Осетинская топонимика в грузинских источниках // Дарьял. 1996. № 4. С. 230–236.
- Дзиццойты 1992 — Ю. А. Дзиццойты. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992.
- Дзиццойты 1995 — Ю. А. Дзиццойты. Топонимия и этническая история Южной Осетии // Газета «Южная Осетия», № 66 за 1995 г.
- Дзиццойты 2017a — Ю. А. Дзиццойты. Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал: Республика, 2017.
- Дзиццойты 2017b — Ю. А. Дзиццойты. Дигорско-кударские изоглоссы в топонимии Южной Осетии // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 25 (64). С. 134–145.
- Журавлев 2007 — А. Ф. Журавлев. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (Slavo-Ossetica) // Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев, Л. В. Куркина, И. П. Петлева, В. Н. Топоров (ред.). Этимология—2003–2005. М.: Наука, 2007. С. 86–108.
- Кузнецов 1990 — В. А. Кузнецов. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990.
- Кузнецов 1992 — В. А. Кузнецов. Очерки истории алан. 2-е издание, доп. Владикавказ: Ир, 1992.
- Кузнецов 2016 — В. А. Кузнецов. Древности Алагирского ущелья. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016.
- Лавров 1982 — Л. И. Лавров. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982.
- Матвеев 2006 — А. К. Матвеев. Ономатология. М.: Наука, 2006.
- Меликишвили 1959 — Г. А. Меликишвили. К истории Древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959.
- Напольских 2012 — В. В. Напольских. «Список народов Германариха» — готский путь от Ладоги до Кубани // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 21–31.
- Напольских 2018 — В. В. Напольских. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 7–29.
- Пахалина 2002 — Т. Н. Пахалина. Скифо-осетинские этимологии // Nartamon-gæ. 2002. Т. I. № 1. С. 101–106.
- Теуш 2019 — О. А. Теуш. Методы этимологических исследований: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2019.
- Тменов 1989 — В. Х. Тменов. Несколько страниц из этнической истории осетин // В. Х. Тменов (отв. ред.). Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 113–134.

- Туаллагов 2008 — А. А. Туаллагов. Нахоязычные скифы и аланы — реальность или миф? Владикавказ: Ир, 2008.
- Тыбылты 1988 — А. Тыбылты. Уацмысты æмбырдгонд [Собрание сочинений (на осет. яз.)]. Цхинвал: Ирыстон, 1988.
- Цховребова 1979 — З. Д. Цховребова. Топонимия Южной Осетии в письменных источниках. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- ЭСИЯ (I) — В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М.: Восточная литература, 2000.
- ЭСИЯ (IV) — Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. IV. М.: Восточная литература, 2011.
- ЭСИЯ (VI) — Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. VI. М.: Восточная литература, 2020.
- Bailey 1979 — H. W. Bailey. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Napol'skich 2016 — V. Napol'skich. Ermanarichs *arctoi gentes* (Jordanes Getica, 116) // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 2016. № 22. P. 26–54.
- Thordarson 1989 — F. Thordarson. Sibilanten und Affrikaten im Ossetischen // Georganica. 1989. Heft 12. S. 14–17.

Источники

- Барахъты 1975 — Г. Барахъты. Уæлладжыры кадаг [Алагирское предание (на осет. яз.)]. Дзæуджыхъæу: Ир, 1975.
- Гæдиаты 1991 — Секъа Гæдиаты. Уацмыстæ. [Сочинения (на осет. яз.)]. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991.
- ДН — М. С. Саидов, А. Р. Шихсаидов. «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении) // М.-Г. Садыки, М.-С. Саидов и А. Р. Шихсаидов (ред.). Восточные источники по истории Дагестана. Сборник статей. Махачкала: Изд. Даг. филиала АН СССР, 1980. С. 5–64.
- ИАА (I) — А. Бзыров (сост.). Ирон адамон аргъæуттæ [Осетинские народные сказки (на осет. яз.)]. Т. I. Цхинвал: Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1959.
- ИАА (III) — А. Бзыров (сост.). Ирон адамон аргъæуттæ [Осетинские народные сказки (на осет. яз.)]. Т. III. Цхинвал: Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1962.
- ДМ — История Осетии в документах и материалах. Т. I (С древнейших времен до конца XVIII века). Сост. Г. Д. Тогошвили, И. Н. Цховребов. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1962.

- КЦ — Картлис Цховреба [Жизнь Картли (на груз. яз.)]. Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Т. I. Тбилиси: Госиздат, 1955.
- НК (II) — Ш. Ф. Джикаев (науч. ред). Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос [Нартовские сказания. Эпос осетинского народа (на осет. яз.)]. Т. II. Дзауджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2004.
- НК (IV) — Ш. Ф. Джикаев (науч. ред). Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос [Нартовские сказания. Эпос осетинского народа (на осет. яз.)]. Т. IV. Дзауджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2007.
- НК (V) — Ш. Ф. Джикаев (науч. ред). Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос [Нартовские сказания. Эпос осетинского народа (на осет. яз.)]. Т. V. Дзауджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2010.
- ПЭ — «Памятник эриставов» [цитируется по следующим изданиям]: 1) ДМ. С. 85–100. 2) «Памятник эриставов» // Источники по истории Грузии / Перевод, исследование и комментарии С. С. Какабадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 3) Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ: Ир, 2007. С. 59–67.
- ТЮО (I) — З. Д. Цховребова, Ю. А. Дзиццойты. Топонимия Южной Осетии. Т. I. М.: Наука, 2013.
- ТЮО (II) — З. Д. Цховребова, Ю. А. Дзиццойты. Топонимия Южной Осетии. Т. II. М.: Наука, 2015.
- Хетагкаты — Къ. Хетагкаты. Уацмысты аххæст æмбырдгонд фондз томæй [Полное собрание сочинений в V томах (на осет. и русск. яз.)]. Т. IV. Дзауджыхъæу: Гасситы В. номыл республикон-полиграфирон куыстуат, 2000.
- Цагаева 1975 — А. Д. Цагаева. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир, 1975.
- Челеби 1979 — Э. Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. II. М.: Наука, 1979.

References

- Abaev 1949 — V. I. Abaev. *Osetinskiy yazyk i folklor* [Ossetian language and folklore]. Vol. I. Moscow; Leningrad: USSR Academy's of Sciences Publishing House, 1949.
- Abaev 1979 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka* [Historical etymological dictionary of the Ossetic language]. Vol. III. Leningrad: Nauka, 1979.
- Abaev 1989 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka* [Historical etymological dictionary of the Ossetic language]. Vol. IV. Leningrad: Nauka, 1989.

- Abaev 1990 — V. I. Abaev. *Izbrannye trudy* [Selected writings]. Vol. I. Vladikavkaz: Ir, 1990.
- Akhvlediani 1960 — G. S. Akhvlediani. *Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu yazyku* [Selected works on the Ossetian language]. Tbilisi: Tbilisi University Press, 1960
- Alemaný 2003 — Agustí Alemaný. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pismennykh istochnikakh* [Sources on the Alans]. Moscow: Menedzher, 2003.
- Andronikashvili 1966 — M. Andronikashvili. *Narkvevebi iranul-kartuli enobrivi urt-iertobidan* [Studies in Iranian-Georgian linguistic contacts]. Vol. I. Tbilisi: Tbilisi University Press, 1966.
- Bailey 1979 — H. W. Bailey. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Bekoev 1985 — D. G. Bekoev. *Ironskiy dialekt osetinskogo yazyka* [Iron dialect of the Ossetian language]. Tskhinvali: Iryston, 1985.
- Byazyrov 1959 — A. X. Byazyrov. *Issledovaniya V. N. Gamrekeli o tualakh-osetinakh* [V. N. Gamrekeli's researches on the Tual tribe of Ossetians]. Otdel rukopisnykh fondov Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i socialnykh issledovaniy. Otdeleniye istorii. [Manuscript department of North Ossetian institute of the humanitarian and social studies. Department of history]. Collection No. 4, Inventory No. 1, storage unit No. 68.
- Desheriev 1963 — Yu. A. Desheriev. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika nakhs-kikh yazykov i problemy proiskhozhdeniya i istoricheskogo razvitiya gorskikh kavkazskikh narodov* [Comparative-historical grammar of Nakh languages and the problem of the origin and development of High Land people of Caucasus]. Groznyj: Chechen-Ingush Publishing House, 1963.
- Dzattiaty 1996 — R. G. Dzattiaty. Osetinskaya toponimika v gruzinskikh istochnikakh [The toponymy of Ossetia in Georgian sources]. *Daryal*. 1996. No. 4. P. 230–236.
- Dzitssoity 1992 — Yu. A. Dzitssoity. *Narty i ikh sosedi: Geograficheskie i etnicheskie nazvaniya v nartovskom epose* [Narts and their neighbours: Geographical and ethnic names in the Narta epic]. Vladikavkaz: Alaniya, 1992.
- Dzitssoity 1995 — Yu. A. Dzitssoity. Toponimiya i etnicheskaya istoriya Yuzhnoy Osetii [Toponymy and the ethnic history of South Ossetia]. *Yuzhnaya Osetiya* (newspaper). 1995. No. 66.
- Dzitssoity 2017a — Yu. A. Dzitssoity. *Voprosy osetinskoy filologii* [Issues in Ossetian philology]. Vol. I. Tskhinval: Respublika, 2017.
- Dzitssoity 2017b — Yu. A. Dzitssoity. Digorsko-kudarskie izoglossy v toponimii Yuzhnoy Osetii [Digor-Kudarian isoglosses in the toponymy of South Ossetia]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i socialnykh issledovaniy*. 2017. Iss. 25 (64). P. 134–145.

- ESIY, I — V. S. Rastorgueva, D. I. Edel'man. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000.
- ESIY, IV — D. I. Edel'man. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. IV. Moscow: Vostochnaya literatura, 2011.
- ESIY, VI — D. I. Edel'man. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. VI. Moscow: Vostochnaya literatura, 2020.
- Gadlo 1979 — A. V. Gadlo. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [The ethnic history of North Caucasus in IV–X centuries]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1979.
- Gagloity 1962 — Yu. Gagloity. Tualtæ æmæ alanty ragon istoriyy iuæi-iu farstyætæ [Tualians and some questions of the ancient history of Alans]. *Fidiuæg*. 1962. No. 3. P. 79–86.
- Gagloity 1969 — Yu. S. Gagloiti. Erti k'ontseptsiiis shesakheb [On the one conception]. *Sabtchota Oseti* (newspaper), 09.08.1969.
- Gagloity 1996 — Yu. S. Gagloiti. *Problemy etnicheskoy istorii yuzhnykh osetin* [Some problems of the history of Southern Ossetians]. Tskhinval: s.e., 1996.
- Gamrekeli 1958 — V. Gamrekeli. Dvaletis toponimikis analizisatvis [On the analysis of the toponymy of Dvalethi]. *Trudy Instituta istorii im. I. A. DzHAVAKHISHVILI AN GSSR*. 1958. Vol. IV. No. 1. P. 45–70.
- Gamrekeli 1961 — V. N. Gamrekeli. *Dvaly i Dvaletiya v I–XV vv. n. e.* [Dvalians and Dvaleti in I–XV centuries]. Tbilisi: JSSR Academy's of Sciences Press, 1961.
- Kuznetsov 1990 — V. A. Kuznetsov. *Rekom, Nuzal i Tsarazonta* [The Rekom, Nuzal and Tsarazonta clan]. Vladikavkaz: Ir, 1990.
- Kuznetsov 1992 — V. A. Kuznetsov. *Ocherki istorii alan* [Essays on the history of the Alans]. 2nd revised edition, Vladikavkaz: Ir, 1992.
- Kuznetsov 2016 — V. A. Kuznetsov. *Drevnosti Alagirskogo ushchelya* [Antiquities of the Alagir Gorge]. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2016.
- Lavrov 1982 — L. I. Lavrov. *Etnografiya Kavkaza* [An ethnography of Caucasus]. Leningrad: Nauka, 1982.
- Matveev 2006 — A. K. Matveev. *Onomatologiya* [Onomathology]. Moscow: Nauka, 2006.
- Melikishvili 1959 — G. A. Melikishvili. *K istorii Drevney Gruzii* [On the history of Ancient Georgia]. Tbilisi: JSSR Academy's of Sciences Publishing House, 1959.
- Napo'skikh 2012 — V. V. Napolskikh. «Spisok narodov Germanarixa» — gotskiy put ot Ladogi do Kubani [Ermanarichs list of peoples — a Gothic path from Ladoga to Kuban river]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2012. No. 2 (35). P. 21–31.
- Napol'skich 2016 — V. Napolskich. Ermanarichs *arctoi gentes* (Jordanes Getica, 116). *Ancient civilizations from Scythia to Siberia*. 2016. Vol. 22. P. 26–54.

- Napol'skikh 2018 — V. V. Napol'skikh. Etnolingvističeskaya situatsiya v lesnoy zone Vostochnoy Evropy v pervye veka nashey ery i dannye «Getiki» Iordana [Ethno-linguistic situation in the forest zone of Eastern Europe in the first centuries AD and the data of Jordanes' *Getica*]. *Voprosy onomastiki*. 2018. Vol. 15. No. 1. P. 7–29.
- Pakhalina 2002 — T. N. Pakhalina. Skifo-osetinskie etimologii [Scytho-Ossetian etymologies]. *Nartamongæ*. 2002. Vol. I. No. 1. P. 101–106.
- Teush 2019 — O. A. Teush. *Metody etimologičeskikh issledovaniy: uchebnoye posobiye* [Methods of etymological studies: A tutorial]. Moscow: INFRA-M, 2019.
- Thordarson 1989 — F. Thordarson. Sibilanten und Affrikaten im Ossetischen. *Georgica*. 1989. Heft 12. S. 14–17.
- Tmenov 1989 — V. Kh. Tmenov. Neskolko stranits iz etničeskoj istorii osetin [Pages from the ethnic history of Ossetians]. V. Kh. Tmenov (ed.). *Problemy etnografii osetin* [The problems of Ossetian ethnography]. Ordzhonikidze: Ir, 1989. P. 113–134.
- Tskhovrebova 1979 — Z. D. Tskhovrebova. *Toponimiya Juzhnoj Osetii v pismennykh istočnikakh* [The toponymy of South Ossetia in written sources]. Tbilisi: Metsniereba, 1979.
- Tuallagov 2008 — A. A. Tuallagov. *Nakhoyazyčnyye skify i alany — realnost' ili mif?* [The Nakh speaking Scythes and Alans — is it a real history or a myth?]. Vladikavkaz: Ir, 2008.
- Tybylty 1988 — A. Tybylty. *Uatsmysty æmbyrdgond* [Selected works]. Tskhinval: Iryston, 1988.
- Vaneev 1989 — Z. N. Vaneev. *Izbrannye raboty po istorii osetinskogo naroda* [Selected works on the history of Ossetians]. Vol. I. Tskhinval: Iryston, 1989.
- Volkova 1973 — N. G. Volkova. *Etonimiy i plemennyye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnic and tribal names of the North Caucasus]. Moscow: Nauka, 1973.
- Zhuravlev 2007 — A. F. Zhuravlev. Iz nablyudeniy nad slavyano-iranskimi semantičeskimi paralelyami (Slavo-Osetica) [An observation of Slavo-Iranian semantic parallels]. Zh. Zh. Varbot, A. F. Zhuravlev, L. V. Kurkina, I. P. Petleva, V. N. Toporov (eds.). *Etimologiya—2003–2005*. Moscow: Nauka, 2007. P. 86–108.

Грамматикализация конструкций с вентивом и андативом в японском языке

А. А. Кузнецов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
artemiyk83@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются конструкции с вентивом и андативом в японском языке. Проверяется гипотеза о том, что функции, в которых конструкции обнаруживают наибольшую степень грамматикализации, развились в языке позже тех, в которых степень грамматикализации ниже. Сопоставление результатов эксперимента и диахронического анализа показывает, что гипотеза подтверждается только в рамках вентива и андатива как отдельно взятых показателей. Вместе с тем в ряде функций они могут рассматриваться как члены грамматической оппозиции в современном японском языке. Это свидетельствует о том, что грамматикализованность отдельно взятых единиц в синхронии, измеренная квантитативно, отражает закономерности их исторического развития, однако наличие парадигматических отношений между этими единицами в синхронии не означает параллелизма в их диахронической грамматикализации.

Ключевые слова: японский язык, древнеяпонский язык, классический японский язык, глаголы движения, вентив и андатив, грамматикализация, ориентив, инхоатив, таксис, инверсив, глагольная множественность, диахрония, корпусный анализ, анкетирование.

Благодарности. Настоящее исследование частично проводилось при поддержке Гранта для молодых исследователей в рамках программы Японо-Российского центра молодежных обменов (JREX Fellowship). Я хочу поблагодарить С. С. Сая, Т. А. Майсака, В. В. Модину, а также анонимного рецензента и выпускающего редактора А. Ю. Русакова за их неоценимую помощь в подготовке этой статьи. Я также признателен моим японским информантам за участие в составлении стимульного материала. Разумеется, все изъяны и неточности остаются полностью на моей совести.

Grammaticalization of constructions with andative and ventive verbs in Japanese

A. A. Kuznetsov

RAS Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, Russia; artemiyk83@gmail.com

Abstract. As a result of grammaticalization, two Japanese constructions with a ventive (*kuru*) or andative (*iku*) auxiliary have developed a wide range of types of usage. This paper aims to test a hypothesis that the more grammaticalized types of usage appeared in the language earlier than the less grammaticalized ones. The hypothesis is based on such well-known cases of grammaticalization as the contemporary English verb *will* which can function as both an auxiliary and a lexical verb, with the degree of its grammaticalization depending on its actual function. The study was split into two phases.

First, I conducted a synchronic analysis of the two constructions in Modern Japanese by 1) classifying the types of their usage, and 2) determining the degree of grammaticalization for each type. For the latter, I explored the acceptability of *-(r)are*-honorification for the two auxiliaries using a questionnaire survey. The experimental results, which were statistically analyzed (one- and two-way ANOVA with post-hoc Tukey HSD), indicate that the most grammaticalized type of usage for *kuru* is the inverse and for *iku*, the distributive type. Notably, the inverse type demonstrates a higher degree of grammaticalization compared to the distributive.

Second, I compared these constructions with diachronically related constructions in the Old (700–800 AD), Early Middle (800–1200 AD), Late Middle (LMJ, 1200–1600) and Modern (NJ, 1600–) Japanese. The data was collected from the Corpus of Historical Japanese [CHJ] and from earlier studies on the subject matter [Inoue 1962; Kojima 1998]. Chronologically, examples of the inverse type appear later in the corpus than any other type of usage for *kuru*, with the distributive usage of *iku* showing a similar picture. Importantly, though, the inverse type appears in the language earlier than the distributive type.

The results of the questionnaire survey and corpus analysis partially corroborate the diachronic hypothesis: as far as each verb is considered separately, the most grammaticalized usage types prove to be the most recent ones (the “inverse” usage for *kuru* and the distributive usage for *iku*). However, with the two verbs put into the same category, the diachronic hypothesis does not hold: the inverse, the most grammaticalized usage type seems to have developed at an earlier stage than the synchronically less grammaticalized distributive type. This indicates that the two constructions must have developed independently despite the fact that in some usages they can be

viewed as members of a single grammatical category in Modern Japanese. Following [Shimizu 2010], I also hypothesize that the inverse type might have developed from the inchoative type.

Keywords: Modern Japanese, Old Japanese, Early Middle Japanese, motion verbs, andative and ventive, grammaticalization theory, spatial deixis, inchoative, durative, inverse, verbal plurality, diachronic linguistics, corpus analysis, questionnaire survey.

1. Введение

1.1. Постановка задачи

В процессе грамматикализации японские конструкции, состоящие из конverbной формы смыслового глагола (*V-te/de-*) в сочетании с вентивом (*kuru* ‘приходить’) и андативом (*iku* ‘уходить’)¹, развили широкий спектр дейктических и аспектуальных функций [Конума 2014: 777]. Целью работы является проверка гипотезы о наличии корреляции между грамматикализованностью конструкции в той или иной функции и временем появления этой функции (ее «возрастом»): предполагается, что функции, в которых конструкция обнаруживает наибольшую степень грамматикализованности, развились в языке позже остальных. Эта гипотеза основана на примерах грамматикализации, описанных в других языках. Например, современный английский глагол *will* может использоваться и как служебный, и как полнозначный, однако в зависимости от выполняемой функции

¹ В широком смысле под терминами **вентив** и **андатив** понимаются показатели глагольной ориентации, выражающие центростремительное и центробежное перемещение соответственно [Плунгян 2011: 254–255] (более подробно об использовании этих терминов применительно к японскому материалу см. *Раздел 1.3*). В современном японском языке эти значения выражаются глагольными корнями *k-* и *ik-* соответственно, однако здесь и далее будут использоваться так называемые словарные формы (формы индикатива не прошедшего времени) — *kuru* и *iku*.

он будет демонстрировать разную степень грамматикализации. Так, в функции показателя будущего времени он обнаруживает утрату словоизменительных форм, а также редукцию фонетической и семантической субстанции, однако в значении 'желать' он сохраняет все признаки полнозначного глагола. При этом достоверно известно, что служебная функция развилась в языке позже. Таким образом, более грамматикализованное употребление оказывается более «молодым».

Для проверки этой гипотезы на материале японского языка принимаются следующие шаги. Сперва предлагается классификация тех функций, которые анализируемые конструкции выполняют в современном японском языке (2000-е гг., далее сНЯЯ) (*Раздел 2*). Затем при помощи диагностического теста выявляется степень грамматикализованности конструкций в зависимости от выполняемой ими функции (*Раздел 3*). Наконец, с целью зафиксировать первые употребления описанных функций анализируются данные корпуса Corpus of Historical Japanese [СНЈ] на четырех срезах японского языка: древнем (700–800 гг., ДЯЯ), классическом (800–1200 гг., КЯЯ), средневековом (1200–1600 гг., СЯЯ) и новояпонском (1600–2020 гг., НЯЯ) (*Раздел 4*). В завершение предлагается интерпретация полученных данных, а также выдвигается предположение относительно пути грамматикализации инверсива (*Раздел 5*).

1.2. Обзор литературы

Начиная со второй половины 1960-х гг. в японо- и англоязычной литературе неоднократно предпринимались попытки описать функции конструкций с *iku* и *kuru*. Всего насчитывается более 20 версий такой функциональной классификации. Интересны попытки описания служебных функций *iku* и *kuru* как семантических дериватов их лексического значения [Hasegawa 1993; Nakayama 2010]. Эти классификации выполнены в русле подхода известного как «семантика прототипов» и разработанного в трудах Чарльза Филлмора [Fillmore 1971]. Из наиболее влиятельных работ в функционально-когнитивном ключе следует отметить статью [Shibatani 2003], в которой впервые

выделяется инверсивная функция вентива. Подробно эта функция анализируется в работах [Koga 2008; Shimizu 2010; Sumida 2011]. В последние годы появляются также формальные описания, основное внимание в которых уделяется семантической деривации служебных функций [Hidaka 2018]. Что касается грамматикализации этих конструкций, то она исследовалась главным образом с точки зрения синхронии, то есть путем сравнения различных функций в рамках только одной эпохи [Inoue 1962; Kojima 1998; Shibatani 2007]. В настоящей же статье предлагается диахронический взгляд на данную проблему.

1.3. Уточнение понятий

Прежде чем перейти к описанию функций, необходимо сделать ряд терминологических уточнений. В настоящей работе под **конструкцией** понимается последовательность единиц, одни из которых являются фиксированными, а другие — значениями потенциально неограниченной или ограниченной переменной. В анализируемых конструкциях показатели основы смыслового глагола (*-te/de-*) и служебные глаголы (*-ik/yuk-* и *-k-*) являются фиксированными элементами; корень смыслового глагола (V) выступает в качестве значения неограниченной переменной; наконец, показатели на служебном глаголе являются значениями ограниченной переменной. Исследуются четыре конструкции: 1) V-*te-k-* (V-свв-соте-) и 2) V-*te-ik-* (V-свв-го-) в СЯЯ и НЯЯ; а также их эквиваленты в ДЯЯ и КЯЯ: 3) V.inf-*k-* (V.INF-соте-) и 4) V.inf-*yuk-* (V.INF-го-). Глагол в форме конверба на *-te/de-* или инфинитива мы будем называть **смысловым**, а *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*), употребленные в составе конструкции, — **служебными**. Глаголы *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*), употребленные вне конструкции в их первичном лексическом значении, будут именоваться **полнозначными**. Под терминами **андатив** и **вентив** подразумеваются, соответственно, *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*) во всех их употреблениях, включая полнозначные. Необходимо отметить, что в лингвистической типологии под этими терминами, как правило, понимаются только показатели дейктической ориентации

при центробежном и центростремительном перемещении соответственно [Плунгян 2011: 255]. В настоящей работе *iku* (*yuku*) и *kuru* (*ku*), употребленные в этой функции, будут обобщенно называться **ориентивами**, а сами функции **ориентивными**, или **пространственными**. Функции инхотатива, глагольной множественности, а также таксисная функция (см. далее) будут называться **аспектуальными**. Все функции, за исключением ориентивных, будут называться **непространственными**. Термины **функция** и **употребление** в этой работе используются как взаимозаменяемые.

Также в настоящей работе используется термин **дейктический центр**, под которым обычно понимается «место осуществления речевого акта (т. е. то место, где находится говорящий)» [Плунгян 2011: 229]. Это определение актуально для диалогической ситуации. Однако важно отметить, что дейктический центр может быть смещенным (или «вторичным»), то есть не связанным с речевой ситуацией: говорящий в этих случаях ассоциирует себя с третьим или даже вторым лицом (ср. англ. — *Will you come to my party? — Yes, I'll come*, где дейктическому центру соответствует первый говорящий). Для аспектуальных функций *iku* и *kuru* актуально также понятие **временного дейксиса**, центр которого может быть трех типов: момент речи, время события и точка отсчета во времени.

2. Классификация функций *iku* и *kuru*²

2.1. Ориентив

В этой функции показатели *iku* и *kuru* указывают соответственно на центробежное и центростремительное перемещение относительно дейктического центра.

² Ниже приводится тот фрагмент классификации, который является наиболее релевантным для целей настоящего исследования. Более подробное описание функций *iku* и *kuru* представлено в [Кузнецов 2020: 12–60].

- (1) *Tarō-wa gakkō-e arui-te-ki(i)ta*
Таро-ТОР школа-ALL идти.пешком-CVB-COME/GO-PST

‘Таро пришел / ушел в школу пешком’. [Shibatani 2007: 35]³

Вопреки распространенному мнению [Shibatani 2007: 35; Nakayama 2010: 110], употребление вентива и андатива в контекстах типа (1) не является обязательным [Кузнецов 2020: 25–31], однако оценивается носителями как предпочтительное. Этот факт свидетельствует о том, что категория пространственного дейксиса в японском языке еще не вполне сформировалась как грамматическая. Это, однако, не отменяет наличия парадигматических отношений между *iku* и *kuru*. В зависимости от семантики смыслового глагола возможно выделение некоторых частных функций (способ перемещения, цель перемещения и др.), однако здесь я не буду останавливаться на этой проблеме.

2.2. Таксисная функция

Отношения между событиями и временем зачастую описываются при помощи метафоры перемещения [Fillmore 1971: 247ff]. Чарльз Филлмор предлагает две разновидности такой метафоры: в одной из них мир представляется статичным, а время «приходит» из будущего и «уходит» в прошлое; в другой метафоре, напротив, динамичен мир: участники «приходят» к точке отсчета из прошлого и «уходят» в будущее. Эти метафоры также известны под названиями TIME IS A MOVING OBJECT и TIME IS SPACE [Майсак 2005: 360–362]. Последняя метафора может быть проиллюстрирована функцией, которая в большинстве японоязычных работ, посвященных конструкциям с *iku* и *kuru*, описывается как *кэйдзоку-сё* (букв. ‘продолженный аспект’) [Hidaka 2018; Sumida 2011]. В работе [Soga 1983: 112] эти

³ Здесь и далее примеры из других работ при необходимости цитируются с незначительными изменениями и сокращениями. Если источник под примером не указывается, пример является сконструированным.

употребления *ventiva* и *andativa* обобщенно описываются как *continuation of process*. Однако попытка объединить данные употребления *iku* и *kuru* на базе единого аспектуального значения представляется не вполне обоснованной: первый показатель выражает значение, близкое к проспективу, в то время как второй — к перфекту. Вместе с тем необходимо отметить, что в обоих случаях вспомогательный глагол привносит значение длительности, к которому и апеллирует [Soga 1983] (см. также сноску 6).

- (2) а. *Ken-wa naganen kono shinbun-o*
 КЭН-ТОР **долгие.годы** этот газета-ACC
yon-de-k-ita
 читать-CVB-COME-PST
 ‘Кэн долгие годы читает эту газету’.
- б. *kare-wa korekara-mo ganbat-te-ik-u da-rō*
 он-ТОР **отныне-FP** стараться-CVB-GO-PRS COP-PMТ
 ‘Вероятно, он и впредь будет стараться’.
- (3) *ijir-are-kyara de i-te-k-ita*
 играть-PAСС-персонаж COP.CVB быть-CVB-COME-PST
 ‘(Для окружающих я) всегда был клоуном’.
- (4) *kare-wa tenkō-o nandomo kasane-te-k-ita*
 он-ТОР смена.школ-ACC много.раз повторять-CVB-COME-PST
 ‘Он неоднократно менял школы’.

Более перспективным представляется объединение этих употреблений *iku* и *kuru* на том основании, что в обоих случаях реализуется упомянутая выше метафора Филлмора TIME IS SPACE. *Iku* и *kuru*, употребленные в этой функции, могут сочетаться с процессуальными⁴ (2а–б), стативными (3) или итеративно-хабитуальными (4) предикатами [Sumida 2011: 65–67]. Выбор между *ventivom*

⁴ Для определения акционального класса я использовал критерий, предложенный в работе [Kindaichi 1950] via [Конума 2011: 71]: Х. Киндайти выделяет четыре типа глаголов на основании их сочетаемости с показателем инкомплетива *-i-*.

и андативом здесь зависит от того, как ситуация, обозначенная смысловым глаголом, соотносится с точкой отсчета: в случае предшествования используется *kuru* (субъект «приходит» из прошлого), а в случае следования — *iku* (субъект «уходит» в будущее). Поскольку точка отсчета, как правило, совпадает с моментом речи, *kuru* часто используется в форме прошедшего времени (2а), (3), (4)⁵, а *iku* — непрошедшего с показателями ирреальной модальности (например, показатель презумптива в (2б)). Однако встречаются и примеры, когда вентив выступает в форме инкомплетива непрошедшего времени (5а), а андатив — в форме комплетива прошедшего времени (5б).

(5) а. *musume-to dōtōni ai-sh-ite-k-ite-i-ru*
 дочь-СОМ так.же любовь-VRB-CVB-COME-CVB-INCM-PRS
 ‘(Я всегда) любил и продолжаю любить (ее), как собственную дочь’.

б. *sore-kara tantanto sagyō-o tsuzuke-te-it-ta*
 это-AVL спокойно работа-ACC продолжать-CVB-GO-PST
 ‘После этого (он) спокойно продолжил работу’. [BCCWJ]

Таким образом, здесь вентив и андатив выполняют **аспектуально-таксисную функцию**: с одной стороны, они указывают на длительность ситуации, обозначенной смысловым глаголом, а с другой — маркируют отношения предшествования и следования между этой ситуацией и точкой отсчета. Для краткости в дальнейшем изложении эта функция будет обозначаться как **таксис(ная)**⁶. Подобное

⁵ Эта привязка к моменту речи привносит перфектно-результативный оттенок значения: последствия ситуации, имевшей место в прошлом, существуют в момент речи [Плунгян 2011: 289–290]. Этот семантический компонент сближает конструкцию *V-te/de-k-ita* с английскими конструкциями *have / had been doing*, известными как Present / Past Perfect Continuous. Что касается референции к моменту в будущем, опрос носителей показал, что грамматическое значение, соответствующее английскому Future Perfect Continuous, не может выражаться при помощи вспомогательного глагола *kuru* в форме настоящего-будущего времени.

⁶ Следует признать, что такое понимание таксиса не вполне конвенционально: как правило, таксисными называются полипропозитивные конструкции,

«симметричное» использование имперфективных конструкций с вентивом и андативом «в целом характерно для алтайских языков» [Майсак 2005: 166, 200], с которыми японский обнаруживает по крайней мере типологическую общность.

По всей видимости, в данной функции (так же, как и в ориентивной) употребление вентива и андатива не является строго обязательным, однако наличие явных парадигматических отношений между ними говорит о становлении категории временного дейксиса в японском языке (ср. термин *deictic temporal relationship* в [Nakayama 2010]).

2.3. Глагольная множественность

В литературе выделяется по меньшей мере два типа глагольной множественности: множественность (повторяемость) самой ситуации и множественность участников ситуации [Плунгян 2011: 157–160; Mattioli 2009: 22–30]. Важно отметить, что второе всегда имплицитно подразумевает первое [Шлуинский 2005: 204], однако обратное неверно, поскольку ситуация может воспроизводиться одним и тем же участником (мультипликатив, итератив). В рассматриваемой функции *iku* маркирует второй тип множественности. Так, в примерах (6) и (7) повторяемость ситуации непосредственно обусловлена множественностью участников. При этом из основных значений глагольной множественности реализуется только дистрибутивное, но не итеративно-хабитуальное и не мультипликативное значения. Дистрибутивность, как правило, не заложена в семантику смыслового глагола, но может поддерживаться обстоятельствами кратности (*tsugitsugito* ‘один за другим’, *nandomo* ‘много раз’ и т. п.). Кроме того, вспомогательный глагол привносит

в которых различными грамматическими средствами маркируется временная локализация одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 [Храковский 2009: 20]. В данном же случае одна из ситуаций (точка отсчета) не получает синтаксического выражения.

значение постепенного накопления количества (ср. термин **градатив** в [Майсак 2005: 364]).

- (6) *yūjin-ga (tsugitsugito) shin-de-it-ta*
 друг-ном один.за.другим умирать-CVB-**GO**-PST

‘Друзья (один за другим) поумирали’.

- (7) *terorisuto-wa (tsugitsugito) zen'in-no*
 террорист-ТОР один.за.другим все-GEN

kubi-o kit-te-it-ta
 голова-ACC резать-CVB-**GO**-PST

‘Террорист(ы) (поочередно) поотрубал(и) всем головы’.

В качестве смысловых в этой функции могут выступать как непереходные, так и переходные предикаты, а значение постепенного накопления количества может распространяться как на субъект, так и на субъект и/или объект соответственно. Иными словами, семантика накопления количества требует множественности субъекта (6), (7), (9а) и/или объекта (7), (9а–б), при этом в первом случае действие должно выполняться несколькими субъектами не одновременно, а последовательно (8) [Nakayama 2010: 231].

- (8) **ōzei-no⁷ hito-ga dōjini suwat-te-ik-u*
 многие-GEN человек-NOM одновременно сесть-CVB-**GO**-PRS

Ожидаемое значение: ‘Множество людей одновременно садятся’. [Nakayama 2010: 231]

- (9) а. **hitori-no hito-ga onaji tsukue-o*
 один-GEN человек-NOM тот.же стол-ACC

nandomo tatai-te-ik-u
 много.раз стучать-CVB-**GO**-PRS

Ожидаемое значение: ‘Человек снова и снова стучит по столу’. [ibid.]

⁷ Поскольку японские существительные не обладают словоизменительной категорией числа, здесь значения единичности и множественности передаются перифрастически.

б. *kare-wa takusan-no tsukue-o tsugitusito*
 он-ТОП много-GEN стол-ACC поочередно

tatai-te-ik-u
 стучать-CVB-GO-PRS

‘Он поочередно стучит по столам’.

Таким образом, в этой функции дистрибутивность сочетается со значением мультисубъектности (6, 7) и/или мультиобъектности (7), (9б). Множественность же ситуации как таковая (*pluractionality stricto sensu* [Mattiola 2019: 22–25]), то есть не обусловленная множественностью участников, рассматриваемой конструкцией выражаться не может. С точки зрения типологии грамматикализация андативного глагола в показатель глагольной множественности не является редкостью: подобные пути развития зафиксированы в языках рапануи (австронезийские), юте (юто-ацтекские), брауи (дравидийские) и др. [Mattiola 2009: 156–157].

2.4. Инверсив

По всей видимости, первой работой, где обсуждалась функция *kuru*, о которой пойдет речь в этом разделе, является диссертация [Tokunaga 1986]. Автор рассматривает *kuru* наряду с другими глаголами как показатель «аффективного дейксиса» — “a new deictic category which indicates the speaker’s relationship with a particular participant NP in a sentence” [Tokunaga 1986: 7]. Как «инверсивная» эта функция впервые была описана в статье [Shibatani 2003], вслед за которой появилась обширная литература по этой теме: [Koga 2008; Sawada 2009; Shimizu 2010; Sumida 2011] и др. Среди прочих в [Shibatani 2003] обсуждаются следующие примеры.

(10) а. **Ken-ga boku-ni denwa-o sh-ita*
 КЭН-NOM я-DAT телефон-ACC VRB-PST

Ожидаемое значение: ‘Мне позвонил Кэн’. [Shibatani 2003: 274]

б. *Ken-ga boku-ni denwa-o sh-ite-k-ita*
 КЭН-НОМ я-ДАТ телефон-АСС VRB-CVB-COME-PST

‘Мне позвонил Кэн’. [ibid.]

в. **boku-wa Hanako-ni denwa-o sh-ite-it-ta*
 я-ТОР Ханako-ДАТ телефон-АСС VRB-CVB-GO-PST

Ожидаемое значение: ‘Я позвонил Ханako’. [Shibatani 2003: 275]

г. *boku-wa Hanako-ni denwa-o sh-ita*
 я-ТОР Ханako-ДАТ телефон-АСС VRB-PST

‘Я позвонил Ханako’. [Shibatani 2003: 274]

Согласно М. Сибатани, в (10б) представлена инверсивная конструкция, которая в обязательном⁸ порядке употребляется при нарушении следующей иерархии лиц: 1 > 2 > 3 (дейктический центр) > 3 (не дейктический центр). Данная иерархия обозначает степень легкости, с которой говорящий может ассоциировать себя с тем или иным участником: так, у второго лица больше шансов стать дейктическим центром, чем у третьего. Под нарушением имеется в виду такое распределение синтаксических ролей в клаузе, при котором лицо субъекта оказывается ниже в иерархии, чем лицо прямого или косвенного объекта (не всегда выраженного синтаксически). По мнению Сибатани, об обязательности этой категории свидетельствует неграмматичность предложений типа (10а)⁹. При этом *kuru* в данной функции

⁸ В [Koga 2008: 244] использование инверсива признается «почти обязательным», а среди контекстов, где оно факультативно, упоминаются подчиненная клауза и тетическое (коммуникативно-нерасчлененное) предложение [Алпатов и др. 2008: 44]. Вопрос об обязательности инверсива остается открытым и требует дальнейшего изучения.

⁹ Впрочем, сам автор отмечает, что эта обязательность характерна скорее для разговорного дискурса, участники которого являются заинтересованными сторонами, в то время как в письменной речи и стилизованных под нее устных нарративах повествователь может занимать беспристрастную позицию, в результате чего использование инверсива становится факультативным.

противопоставляется не *iku* (10в)¹⁰, а нулю: *sh-ø-ita* (VRB-DIR-PST) (10г). Таким образом, М. Сибатани усматривает в японском языке особую залоговую категорию, в которую входят две граммемы: маркированный инверсив (10б) и немаркированный прямой залог (10г). Уточним, однако, что это противопоставление не связано с меной дитезы и, следовательно, не входит в категорию залога в привычном смысле этого термина, о чем также свидетельствует сочетаемость показателей инверсива и пассива [Shimizu 2010: 61ff].

Кроме того, анализируемая здесь функция по ряду параметров существенно отличается от инверсивных систем, наблюдаемых в других языках (например, в равнинном кри > алгонкинская семья [Zúñiga 2006: 70–87]): так, многие авторы отмечают, что японская система, в отличие от чисто инверсивных, построена не столько на иерархии лиц, сколько на иерархии эмпатии [Nakayama 2010: 235], [Sawada 2009: 5].

- (10) д. *kimi-ga Tarō-ni bōru-o nage-te-k-ita*
 ты-NOM Таро-DAT мяч-ACC бросать-CVB-COME-PST
 ‘Ты бросил мяч Таро’. [Sawada 2009: 5]

В примере (10д) описывается ситуация, в которой второе лицо воздействует на третье, однако из-за того, что центр эмпатии (дейктический центр) совпадает с последним, здесь возможно употребление *kuru* в инверсивной функции.

Другим важным отличием японского инверсива от прототипического является возможность его употребления как в переходных, так и непереходных конструкциях, где дативная группа в позиции косвенного объекта не может быть выражена синтаксически.

- (10) е. *hen-na otoko-ga (*watashi-ni) tonari-ni*
 странный-ATR мужчина-NOM я-DAT рядом-DAT

¹⁰ Вместе с тем предложение (10в) может рассматриваться как пример ориентивной функции андатива (ср. пример (1)). На то, что в (10б) не реализуется функция инхотатива, которая также не имеет эквивалента с *iku*, указывает агентивность субъекта, которая присуща именно инверсивной функции (см. следующий раздел).

suwat-te-k-ita

сесть-CVB-COME-PST

‘Странный мужчина уселся рядом (со мной)’. [ibid.]

Д. Савада отказывается от термина **инверсив** применительно к данной функции вентива и предлагает взамен понятие **направленности действия** как разновидности «психологического дейксиса». Содержание этого понятия автор определяет следующим образом: «в этом значении *kuru* указывает, что действие направлено в сторону сферы говорящего, при этом сам он не может выступать в качестве субъекта» [Sawada 2009: 5]. По тем же причинам К. Накаяма отказывается называть эту функцию *kuru* инверсивной, взамен предлагая термин **human interaction** [Nakayama 2010: 235]. Соглашаясь с замечаниями перечисленных авторов, я тем не менее буду и далее придерживаться термина **инверсив** как типологически более адекватного.

2.5. Инверсив vs инхоатив

У глагола *kuru* есть функция, которая тесно связана с инверсивной и которая в литературе чаще всего описывается как инхоативная [Shibatani 2003; Shimizu 2010]. Здесь и далее под этим термином понимается начало любой ситуации, выраженной глагольным корнем¹¹. К. Симидзу предполагает, что функции инхоатива и инверсива относятся к одному и тому же пути грамматикализации *kuru*, то есть связаны диахронически [Shimizu 2000: 58–61]¹². Рассмотрим следующие примеры.

¹¹ В типологической литературе иногда различаются значения инхоатива (начало процесса) и инцептива (начало состояния) [Плунгян 2011: 312]. Несмотря на то, что в рассматриваемой функции вентив, употребленный в форме прошедшего времени, маркирует наступление нового состояния, здесь и далее эта функция будет именоваться инхоативной.

¹² Впрочем, этот же автор предлагает и альтернативные пути грамматикализации инверсива (см. пример (18)).

- (11) а. **watashi-wa dandan Tarō-o*
 я-ТОР постепенно Таро-АСС
mihanash-ite-k-ita
 пренебрегать-CVB-COME-PST
 Ожидаемое значение: ‘Постепенно я стал(а) пренебрегать Таро’. [Shimizu 2010: 59]
- б. *Tarō-wa dandan watashi-ni*
 Таро-ТОР постепенно я-DAT
aki-te-k-ita
 терять интерес-CVB-COME-PST
 ‘Постепенно Таро начал терять ко мне интерес’. [Shimizu 2010: 60]
- в. *Taro-wa dandan watashi-o*
 Таро-ТОР постепенно я-АСС
mihanash-ite-k-ita
 пренебрегать-CVB-COME-PST
 ‘Постепенно Таро стал мной пренебрегать’. [Shimizu 2010: 59]

И в функции инверсива (10б), и в функции инхоатива (11б) действие метафорически осмысливается как движение в направлении участника, соответствующего дейктическому центру (в данном случае — говорящего), при этом последний не контролирует ситуацию. Именно поэтому в (11а) не может быть использован вентив: говорящий здесь является агенсом, воздействующим на третье лицо, то есть действие «отдаляется» от него. Различаются же эти функции тем, что в случае инхоатива говорящий только фиксирует новое событие в своем когнитивном поле, а в случае инверсива — воспринимает его как **намеренно** обращенное в свою сторону, что в свою очередь связано с агентивностью субъекта и (в прототипическом случае) переходностью предиката. В [Koga 2008: 252] это свойство инверсива описывается как *affectedness*, то есть «затронутость» дейктического центра агентивным субъектом. Так, пример (11б) может трактоваться только как инхоативный, поскольку предикат *akiru* ‘терять

интерес' является непереходным, а субъект — неагентивным: говорящий не воспринимает 'утрату интереса' как действие, намеренно обращенное в его сторону. Однако если в той же самой конструкции употребить контролируемый предикат *mihanasu* 'пренебрегать', станет возможной инверсивная интерпретация (11в).

Таким образом, инхоатив и инверсив различаются агентивностью субъекта: чем она больше, тем вероятнее инверсивное прочтение (при условии, что также нарушается иерархия эмпатии); чем меньше — тем больше вероятность инхоативной трактовки. Вопрос о гипотетической связи этих функций в диахронии будет подробнее обсуждаться в *Разделах 4 и 5*.

3. Экспериментальное исследование¹³

3.1. Диагностический тест

Как известно, с точки зрения морфологии грамматикализация единицы нередко проявляется в редукции ее парадигмы, то есть полной или частичной утрате словоизменительных форм. В японском языке глаголы образуют формы гоноратива и депрециатива так же регулярно, как формы времени или наклонения. Это позволяет рассматривать их как часть парадигмы, а соответствующую категорию — как грамматическую [Алпатов 1973: 6–14]. Обе формы образуются как при помощи супплетивных основ, так и при помощи ряда аффиксов.

Гонорифические формы вентива и андатива образуются при помощи суффикса *-(r)are-*. В [Оно 2000: 69] предполагается, что

¹³ В этом разделе описанные выше конструкции сравниваются по степени грамматикализованности в зависимости от выполняемых ими функций. Подобное сравнение проводилось в работах [Hidaka 2018; Sumida 2011] и отчасти [Shibatani 2007], при этом во всех случаях использовался метод интроспекции. Экспериментальное исследование такого рода проводится впервые.

они, наряду с другими словоизменительными формами, возможны при любых служебных употреблениях *iku* и *kuru*. Однако согласно [Hidaka 2018: 30], гонорификация служебных глаголов *iku* и *kuru* характерна лишь для менее грамматикализованных употреблений (*hashit-te-ik-are-ta* (побежать-СВВ-ГО-НОН-РСТ) ‘изволил(а/и) победить’), в то время как в более грамматикализованных гонорификации подвергается смысловой глагол (*fuyas-are-te-it-ta* (увеличить-НОН-СВВ-ГО-РСТ) ‘изволил(а/и) увеличить’) ¹⁴. Исходя из этого, можно предположить, что гонорификация *iku* или *kuru* будет оцениваться как более приемлемая в неграмматикализованных употреблениях, и как менее приемлемая — в грамматикализованных.

3.2. Дизайн эксперимента

В рамках настоящего эксперимента я стремился получить ответы на два вопроса:

- 1) Есть ли статистически значимые различия между функциями вентива и андатива с точки зрения приемлемости гонорификации; если да, то какие?
- 2) Есть ли такое различие между вентивом и андативом в рамках одной функции; если да, то какое?

Для ответа на второй вопрос вентив и андатив (там, где это было возможно) рассматривались отдельно в рамках каждой

¹⁴ В [Hidaka 2018] это явление объясняется реинтерпретацией конструкции *-te-iku / kuru* в непространственных употреблениях. Реинтерпретация же, по мнению Т. Хидака, свидетельствует о высоком уровне грамматикализации (ср., однако, сноску 22). В качестве диагностического теста в [Hidaka 2018] используется гонорифическая конструкция *o-V.inf-ni-nar: hashit-te-o-iki-ni-nat-ta* (run-СВВ-НОН-ГО.INF-DAT-become-PST) ‘изволил(а/и) победить’ vs *o-fuyashi-ni-nat-te-it-ta* (NON-increase.INF-DAT-become-СВВ-ГО-РСТ) ‘изволил(а/и) увеличить’.

функции. Таким образом, в каждом опросном листе содержалось 6 экспериментальных условий: ориентив (*iku* и *kuru*), таксис (*iku* и *kuru*), глагольная множественность (ГМ) (только *iku*), инверсив (только *kuru*).

Опрос проводился на платформе Google Forms среди носителей японского языка. Для того чтобы минимизировать влияние лексических факторов, каждая функция была представлена четырьмя предложениями для каждого показателя. Таким образом, в анкете содержалось 24 стимульных предложения. Всего было создано 6 опросных листов (по количеству условий) с различными вариантами лексического наполнения, расположенными методом латинского квадрата [Федорова 2008: 13–15].

Кроме того, в каждой анкете тестируемым было предложено по 24 отвлекающих предложения (филлера), которые делятся на 3 типа: однозначно неграмматичные (8), грамматичные (8) и неоднозначные (8). Помимо своих основных задач (отвлечение тестируемых от стимульного материала и контроль за правильным использованием ранговой шкалы), филлеры первого и второго типа (одинаковые во всех опросных листах) выполняли также дополнительную функцию: при их помощи проверялся уровень владения вежливым регистром. Следуя общепринятой практике [Федорова 2008: 12], я не учитывал ответы тестируемых, допустивших ошибки более чем в 15 % однозначных отвлекающих предложений, то есть в данном случае более чем в двух.

Таким образом, всего в опросном листе содержалось 48 предложений, при этом всем тестируемым они демонстрировались в разных последовательностях (рандомизация производилась автоматически). Тестируемые оценивали приемлемость стимулов по шкале Ликерта от 1 до 5, при этом, чтобы избежать ее деления респондентами на неравномерные интервалы, описания предлагались только для этих крайних значений (соответственно «неграмматично» и «грамматично») [Coward 1997: 70–71]. Перед заполнением анкеты респондентам предлагалось выполнить тренировочные задания.

Ниже приводится пример набора экспериментальных условий¹⁵.

- (12) *sensei-wa arui-te-ko-rare-mash-ita*
 учитель-ТОР идти.пешком-CVB-COME-HON-ADR-PST
 ‘Учитель пришел пешком’. (ориентив)
- (13) *Yamada-san-wa zutto hitoride iki-te-ik-are-ru*
 Ямада-Г-Н-ТОР все.время один жить-CVB-GO-HON-PRS
deshō
 РМТ
 ‘Г-н Ямада, наверное, так и будет все время жить один’.
 (таксис)
- (14) *kōchō-sensei-wa sotsugyō.shōsho-o tsugitsugito*
 директор.школы-учитель-ТОР диплом-ACC один.за.другим
watash-ite-ik-are-mash-ita
 вручать-CVB-GO-HON-ADR-PST
 ‘Директор школы вручал дипломы один за другим’. (глаголь-
 ная множественность)
- (15) *kesa sensei-ga watashi-ni denwa-o*
 сегодня.утром учитель-NOM я-DAT телефон-ACC
kake-te-ko-rare-mash-ita
 звонить-CVB-COME-HON-ADR-PST
 ‘Сегодня утром мне позвонил учитель’. (инверсив)

В эксперименте приняло участие 64 человека (26 мужчин и 38 женщин). Самому младшему участнику было 20 лет, самому старшему — 63 года. Стандартное отклонение от среднего возраста (29 лет) составило 11 лет. Из 64 участников не учитывались результаты четырех, совершивших более 15 % ошибок в однозначных филлерах¹⁶, одного, чья средняя оценка составляла 5, и одного, для ко-

¹⁵ С полным описанием анкет (на японском языке) можно ознакомиться по следующей ссылке: https://github.com/artemiyk83/iku-kuru/blob/master/Experiment_stimuli.xlsx.

¹⁶ Для однозначно грамматичных филлеров ошибочными считались оценки 1, 2 и 3, а для однозначно неграмматичных — 3, 4 и 5.

того японский язык не является родным. Таким образом, всего учитывалось 58 анкет.

3.3. Анализ результатов

В Таблице 1 представлены средние арифметические значения оценок для каждой анкеты, а также общие значения по всем анкетам.

Таблица 1. Гонорификация *iku* и *kuru* при помощи суффикса *-(r)are-* в разных функциях: средние значения оценок приемлемости в 6 анкетах

Table 1. *-(r)are-* honorification of *iku* and *kuru* in various functions: mean values of acceptability judgements in 6 questionnaires

Номер анкеты	ориентив			таксис			ГМ	инв.
	<i>kuru</i>	<i>iku</i>	общ.	<i>kuru</i>	<i>iku</i>	общ.	<i>Iku</i>	<i>kuru</i>
1	3,9	4,2	4,0	4,2	3,9	4,0	4,1	3,2
2	3,8	3,7	3,7	4,3	3,5	3,9	3,6	2,9
3	4,2	3,7	3,9	4,7	3,9	4,3	3,8	3,4
4	3,8	3,8	3,8	3,8	3,7	3,7	3,6	2,9
5	3,6	3,9	3,8	4,3	4,0	4,1	3,7	3,1
6	4,6	3,6	4,1	3,8	3,5	3,6	3,1	2,6
Общее	4	3,8	3,9	4,1	3,8	3,9	3,6	3

Для ответа на вопросы, сформулированные в начале предыдущего раздела, использовались различные статистические методы. Рассмотрим каждый из них по порядку.

Для ответа на вопрос о том, есть ли статистически значимые различия между функциями в приемлемости гонорификации служебного глагола, использовался однофакторный тест ANOVA¹⁷.

¹⁷ Перед применением тестов ANOVA данные основного эксперимента были подвергнуты z-преобразованию для устранения эффекта, известного как scale

Тест показал наличие статистически значимых различий между функциями ($F(5,1386) = 29,44, p = 0,001$). Для выяснения того, какие именно функции различаются, был выполнен апостериорный анализ при помощи HSD-критерия Тьюки. Для расчетов использовалась компьютерная программа JASP [JASP Team 2020]. Результаты апостериорного анализа представлены в *Таблице 2*.

Таблица 2. Апостериорный анализ различий между функциями: средние оценки и размер эффекта d-Козна

Table 2. Post-hoc analysis of differences between functions: mean values and d-Cohen effect

функции		таксис	ориент.	таксис	орент.	ГМ	инв.
		(<i>kuru</i>)	(<i>kuru</i>)	(<i>iku</i>)	(<i>iku</i>)	(<i>iku</i>)	(<i>kuru</i>)
ср. оценки		4,1	4	3,8	3,8	3,6	3
таксис (<i>kuru</i>)	4,1	—					
ориент. (<i>kuru</i>)	4	-0,126	—				
таксис (<i>iku</i>)	3,8	-0,354	0,225	—			
орент. (<i>iku</i>)	3,8	-0,256	-0,136	0,076	—		
ГМ (<i>iku</i>)	3,6	-0,459	-0,322	-0,087	-0,161	—	
инв. (<i>kuru</i>)	3	1,007	0,870	0,645	0,690	0,584	—

Значимые различия ($p_{\text{tukey}} < 0,05$) выделены полужирным шрифтом
Significant differences ($p_{\text{tukey}} < 0,05$) are boldfaced

bias, то есть неравномерного использования шкалы Ликерта разными респондентами [Schütze, Sprouse 2013: 43]. С полными результатами эксперимента можно ознакомиться по ссылке: <https://github.com/artemiyk83/iku-kuru/blob/master/Experiment%20results%20FV.xlsx>.

Апостериорный анализ показал статистическую значимость различий между следующими парами функций (в порядке увеличения размера эффекта по d-Коэна): ГМ vs ориентив (*kuru*), таксис (*iku*) vs таксис (*kuru*), ГМ vs таксис (*kuru*), ГМ vs инверсив, таксис (*iku*) vs инверсив, ориентив (*iku*) vs инверсив, ориентив (*kuru*) vs инверсив, таксис (*kuru*) vs инверсив. Таким образом, инверсив в сочетании с гонорификатором демонстрирует наиболее низкие оценки приемлемости и значимо отличается от всех прочих функций. Гонорификация *iku* в функции глагольной множественности оценивается значимо хуже, чем в других употреблениях андатива. Наконец, гонорификация оценивалась значимо лучше в вентивном, нежели андативном варианте таксисной функции.

Для проверки гипотезы о влиянии типа служебного глагола в рамках ориентивной и таксисной функций¹⁸ был применен многофакторный тест ANOVA, который показал статистическую значимость различий между вентивом и андативом ($F(1,924) = 13,432, p < 0,001$) и отсутствие таковой между функциями ($F(1,924) = 0,083, p = 0,073$). Как в ориентивной, так и в таксисной функциях гонорификация *kuru* получила более высокие оценки, чем гонорификация *iku*, однако апостериорный анализ выявил, что значимым это различие было только в рамках таксисной функции ($p_{\text{tukey}} = 0,002$).

3.4. Обсуждение

Способность служебных *iku* и *kuru* маркировать грамматические значения, относящиеся к смысловому глаголу, описывается в [Оно 2000: 69–72] как «заместительное спряжение» (surrogate conjugation) и объясняется их «синтаксической декатегоризацией», то есть утратой собственно глагольных свойств¹⁹. Наряду с гонорифичностью

¹⁸ Здесь не учитывались функции глагольной множественности и инверсива, представленные только андативом и вентивом соответственно.

¹⁹ Так, словоформу *tazune-te-ko-na-katta* (посетить-CVB-COME-NEG-PST) можно интерпретировать только как ‘не посетил’, но не как ‘посетил и не пришел’.

рассматривается «заместительное спряжение» по таким категориям, как модальность, время, наклонение, адрессивность, залог и отрицание. Однако в большинстве случаев объяснение этого явления в терминах декатегоризации представляется ошибочным.

Во-первых, в сНЯЯ категории модальности, времени, наклонения и адрессивности являются финитными и в принципе не могут выражаться на глаголе в конвербной форме (вне зависимости от степени его декатегоризации). Более того, по оценкам информантов, в определенных случаях возможно «групповое оформление» пассива и инкомплетива. Во-вторых, как показывают результаты эксперимента, «заместительная» гонорификация неприемлема в грамматикализованных употреблениях *iku* и *kuru*, что в настоящем исследовании объясняется редукцией их парадигмы²⁰. Единственный случай «заместительного» спряжения, который, по всей видимости, связан с декатегоризацией, — это отрицание. Как было показано в [Hidaka 2018: 37], «заместительное» отрицание действительно более характерно для непространственных употреблений *iku* и *kuru*²¹. Тот факт, что из всех морфологических операций, названных в [Оно 2000] «заместительными», с грамматикализацией связаны только гонорификация и отрицание (при этом последнее уже было исследовано в [Hidaka 2018]), во многом обусловил выбор гонорификации суффиксом *-(r)are-* в качестве диагностического теста для настоящего эксперимента.

Результаты эксперимента показали высокую приемлемость гонорификации *iku* и *kuru* в ориентивной и таксисной функциях, что, как

²⁰ В частности, это говорит о том, что некоторые параметры грамматикализации (в данном случае декатегоризация и редукция парадигмы) могут вступать в противоречие друг с другом.

²¹ Заметим, однако, что Т. Хидака объясняет это реинтерпретацией конструкций *V-te/de-ik-* и *V-te/de-k-*, что, по его мнению, свидетельствует об их грамматикализации. Тем не менее объяснение грамматикализации через декатегоризацию показателя представляется более аргументированным: как было показано в [Haspelmath 1998], реинтерпретация не является ни обязательным, ни достаточным условием грамматикализации.

представляется, свидетельствует о низкой степени их грамматикализации. Несмотря на то, что гонорификация *kuru* была оценена как более приемлемая в таксисной, нежели ориентивной функции, апостериорный анализ показал, что это различие статистически незначимо. Согласно результатам более ранних исследований, наименьшую степень грамматикализованности *iku* и *kuru* проявляют в ориентивной функции [Hidaka 2018: 37; Sumida 2011: 112–113] (см. ниже). Далее я буду рассматривать только непространственные функции.

Наиболее грамматикализованными типами употребления *iku* и *kuru* следует считать функции глагольной множественности и инверсива соответственно. При этом инверсивное употребление является наиболее грамматикализованным из всех рассмотренных. Результаты эксперимента представлены в виде континуума на Рис. 1.

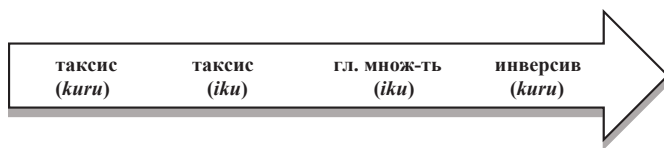

Рис. 1. Степень грамматикализованности конструкций в разных функциях в сНЯЯ
Fig. 1. Degree of grammaticalization of the two cNJ constructions in various functions

Эти результаты во многом совпадают с теми, которые были интроспективно получены в [Hidaka 2018: 37] на основе другого морфосинтаксического теста. Т. Хидака оценивал приемлемость показателей отрицания, которые, следуя за служебными *iku* и *kuru*, семантически относились к смысловому глаголу. Предполагалось, что подобная декатегоризация служебного глагола свидетельствует о его грамматикализации. Практически идентичный грамматикализационный континуум для вентива представлен в диссертации [Sumida 2011: 112–113], автор которой сравнивает различные функции по тому, насколько в них сохраняются три семантических компонента, входящие в состав полнозначного глагола *kuru*: перемещение, процессуальность, центростремительный дейксис. Так, если в таксисном употреблении вентива отсутствует только значение перемещения, то в инверсиве

десемантизации подвергается также процессуальность. Центростремительный же компонент значения сохраняется во всех функциях.

Таким образом, результаты всех исследований, включая настоящее, сходятся в том, что вентив проявляет наибольшую степень грамматикализации в функции инверсива и наименьшую — в таксисной функции.

4. Диахронический анализ корпусных данных

4.1. Диахроническая гипотеза

Возвращаясь к диахронической гипотезе, изложенной в *Разделе I* («функции, в которых конструкции обнаруживают наибольшую степень грамматикализации, развились в языке позже тех, в которых степень грамматикализации ниже»), можно предположить, что наиболее «молодой» из всех функций вообще и вентивных в частности является инверсивная, в то время как наиболее «старой» из непространственных — таксис (*kuru*). Наиболее же «молодой» из функций андатива, но вместе с тем более «старой», чем инверсивная, должна оказаться функция глагольной множественности. Эта гипотеза была проверена путем диахронического анализа на материале данных корпуса [СН].

4.2. Древнеяпонский язык (700–800 гг.)

Прежде чем перейти к анализу конструкций с вентивом и андативом в ДЯЯ, необходимо сделать ряд замечаний, касающихся морфологии этих глаголов. На древнем этапе развития японского языка они представлены корнями *-k-* (*-ko-* — основа ирреалиса или, в японской терминологии, мидзэнкэй) и *-yuk-*, соответственно. Их словарные формы соответствуют формам индикатива непрошедшего времени и выглядят как *ku* и *yuki*. Эти глаголы могут выступать как полнозначные или служебные, при этом в последнем случае они

сопоставимы по степени грамматикализованности с показателями реципрока *-ap-* (< ‘встречаться’) и потенциалиса *-e-* (< ‘получать’) [Frellesvig 2010: 52].

По всей видимости, высокая степень грамматикализованности проявляется и в их способности присоединять два вида перфективаторов — *-te-* и *-(i)n-*: обычно первый используется с переходными и непереходными контролируемыми предикатами, в то время как второй — только с непереходными неконтролируемыми. Поскольку и вентив, и андатив являются непереходными контролируемыми глаголами, по вышеописанному правилу они должны сочетаться только с перфективатором *-(i)n-*, однако в действительности они могут присоединять и *-te-*. Такое распределение объясняется тем, что выбор перфективатора зависит от переходности и контролируемости не служебного, а смыслового глагола, к которому служебный примыкает [Frellesvig 2010: 67]. Вероятно, это явление в ДЯЯ может описываться в терминах «заместительного спряжения» и декатегоризации (см. выше).

В отличие от сНЯЯ, в ДЯЯ служебные вентив и андатив в основном примыкают к инфинитиву смыслового глагола (INF), называемому в японской грамматике **соединительной формой** (рэньёкэй). Как и конвербная форма на *-te* в сНЯЯ, инфинитив выполняет две функции: с одной стороны, он используется в качестве средства межклаузуальной связи, с другой — присоединяет служебные глаголы. Кроме того, он используется для образования именных и глагольных композитов.

Однако уже на этом этапе развития японского языка вентив и андатив могут в ряде случаев примыкать и к конвербной форме на *-te*, которая в ДЯЯ является средством неспециализированной подчинительной связи [Frellesvig 2010: 57]. Этот показатель восходит к вышеупомянутому перфективатору *-te-* и в ДЯЯ, по всей видимости, еще сохраняет свою аспектуальную семантику [Сиранэ 2017: 210–211]. В качестве формы, присоединяющей служебные глаголы, конвербная форма на *-te* стала активно использоваться только в СЯЯ.

Единственное известное мне исследование функций вентива и андатива в ДЯЯ — [Inoue 1962]. Оно проводилось на материале крупнейшего памятника японской литературы этого периода — поэтической

антологии «Манъёсю», включающей свыше 2500 песен, бóльшая часть которых датируется периодом с 600 по 759 гг.; составителем антологии большинство исследователей признают Отомо-но Якамоти (ок. 718–785). В этой работе упоминается 201 вхождение, содержащее *ventiv* и/или *andativ* в сочетании с инфинитивной формой, при этом аспектуальные и пространственные употребления поделены примерно поровну²². Однако поисковый запрос, произведенный мной в историческом корпусе [СНЈ] для того же памятника, дал 422 результата (135 с андатовом и 287 с вентивом)²³: такая разница объясняется тем, что не все употребления *ku* и *yuku* с инфинитивной формой глаголов рассматривались Х. Иноуэ как служебные, однако метод поиска и критерии отбора автором не эксплицируются. В классификации Иноуэ есть градатив («постепенное накопление признака»), инхоатив («возникновение ситуации»), таксис («продолжительное развитие ситуации»), результатив («сохранение результата»), ориентив («поступательное или сопутствующее перемещение»), но нет инверсива и глагольной множественности [Иноуэ 1962: 32].

Дополнительный поиск²⁴ в корпусе [СНЈ] дал только такие вхождения, которые не могут считаться прототипическими примерами инверсива (ср. пример (10б)), поскольку в них инверсивная семантика неотделима от семантики перемещения.

- (16) *tukwikusa-no/ uturopi-yasu-ku/ omope kamo/*
 коммелина-GEN меняться.INF-простой-INF думать.EXCL Q
wa-ga otop-u pito-no/ koto-mo
 я-GEN думать-ATR любимый-GEN слова-FOC

²² В [Иноуэ 1962] все функции рассматриваются как общие для вентива и андатива.

²³ Поисковый запрос был сформулирован следующим образом: *V. inf + yuku* OR *ku* (служебные глаголы задавались как лексемы).

²⁴ Дополнительный поисковый запрос был сформулирован следующим образом: *V. inf* (в пределах 2 единиц до ключевого слова) + *ku* OR *kuru* (лексема; ключевое слово). В качестве смысловых глаголов (*V*) были заданы те, которые в [Накаюма 2010: 236] перечисляются как наиболее частотные в инверсивной конструкции.

tuge-ko-nu

говорить.INF-COME-NEG

‘Ужель любовь так быстро увядает,/ Как лунная трава-цукигуса?!
От друга моего, О ком тоски полна,/ **И слова до меня не доле-
тают!**’ (досл. ‘⟨...⟩ мой возлюбленный, о ком тоскую, **не при-
ходит сказать мне слово**’.) («Манъёсю», кн. 4, песня 583)²⁵

- (17) *wa-ga sekwo-pa/ saki-ku imasu to/*
я-GEN любимый-ТОР здоровый-INF быть COMP

karu-ri-ku to/
вернуться.INF-COME COMP

ware-ni tuge-ko-m-u/
я-DAT говорить.INF-COME-EMD-ATR

pito-mo ko-nu kamo
человек-FOC **приходить**-NEG Q

‘О, пусть бы человек **пришел**/ И, возвратясь из странствия, **Ска-
зал мне**:/ «Твой милый жив и счастлив он...»’ (досл. ‘Неужто
не **придет** ко мне человек, который **скажет (мне)**, что мой воз-
любленный жив и вернется’.) («Манъёсю», кн. 11, песня 2384)

В обоих примерах в качестве смыслового выступает глагол *tugu* ‘сообщать, говорить’ (ср. сНЯЯ *tsugeru*). В случае (16), несомненно, предполагается перемещение субъекта, поскольку оборот *koto-wo tugu* ‘говорить слова’ может быть истолкован только как ситуация устной коммуникации, а не переписки (в художественном переводе эта семантика не эксплицирована). Возможно, этот пример является промежуточным этапом пути грамматикализации инверсива, который в [Shimizu 2010: 55–58] был определен как «перемещение О-участника²⁶ > направленность коммуникативного акта» и может

²⁵ Здесь и далее приводятся художественные переводы, выполненные А. Е. Глускиной [Манъёсю 1971]. Для записи оригинального текста я использую транскрипцию, принятую в [Frellesvig 2010]. Для удобства в нерелевантных случаях морфемное членение частично упрощено.

²⁶ Под О-участником здесь понимается прямое дополнение *koto* ‘слова’, то есть сообщение, которое «перемещается» (пусть и не вполне прототипически) в направлении дейктического центра.

быть проиллюстрирован примером (18) из сНЯЯ. Здесь имеет место метафорическое расширение «передача объекта > передача сообщения», также известное из работы [Reddy 1979] как *conduit metaphor*.

- (18) *Tarō-ga (watashi-ni) tegami-o okut-te-k-ita*
 Таро-НОМ я-ДАТ письмо-АСС посылать-CVB-COME-PST
 ‘Таро прислал (мне) письмо’. [Shimizu 2010: 55]

В примере (17) глагол *ku* встречается один раз как полнозначный (*rito-mo ko-nu* ‘человек не придет’) и дважды — как служебный (*karuyeri-ku* ‘вернется’ и *tuge-ko-m-u* ‘скажет мне’). Здесь, как и в примере (16), статус *ku* в цепочке *tuge-ko-* (сказать-COME-) носит промежуточный характер с точки зрения грамматикализации, однако принципиальное отличие этого примера заключается в том, что семантика перемещения того же самого субъекта здесь выражена полнозначным глаголом (*rito-mo ko-nu*). Таким образом, в цепочке *tsuge-ko-m-u* вентив, не утрачивая пространственного значения, в первую очередь указывает на направленность коммуникативного акта, выраженного смысловым глаголом. Это может служить косвенным свидетельством того, что инверсив начал развиваться уже в ДЯЯ, однако прототипических реализаций этой функции в «Манъёсю» не зафиксировано.

4.3. Классический японский язык (800–1200 гг.)

Существенных различий между парадигмами *uuki* и *ku* в ДЯЯ и КЯЯ не наблюдается. Единственное грамматическое изменение, косвенно затронувшее вентив и андатив, заключается в дальнейшей грамматикализации перфективатора *-te-*, которая проявляется в его расширенной дистрибуции: теперь в качестве средства биклаузуальной связи он может сочетаться с любыми глаголами вне зависимости от их переходности и контролируемости (см. выше о перфективаторах в ДЯЯ) [Frellesvig 2010: 240]. По всей видимости, это изменение обострило конкуренцию с инфинитивной формой смыслового глагола и, как уже упоминалось, привело к тому, что в качестве формы,

присоединяющей служебные глаголы, в СЯЯ стала использоваться преимущественно форма на *-te*.

Ранее исследование функций *yuku* и *ku* в КЯЯ уже проводилось в работе [Kojima 1998] на материале романа «Гэндзи-моногатари», который был написан в начале XI в. придворной дамой Мурасаки Сикибу. В этом памятнике встречаются стихотворные фрагменты, но несравненно бóльшая часть текста написана прозой. Классификация функций у С. Кодзима во многом похожа на ту, которая была предложена Х. Иноуэ для «Манъёсю», однако этот автор рассматривает вентив и андатив по отдельности. В классификации Кодзима также не упоминаются функции инверсива и глагольной множественности. Однако более детальный анализ показывает, что инверсивные употребления в «Гэндзи-моногатари» все же встречаются.

- (19) *onodukara kakar-u madusi-ki atari to*
 естественно быть.таким-ATR бедный-ATR дом COMP
otopi anadur-ite ipi-k-uru
 думать.INF презирать-CVВ говорить.INF-COME-ATR

‘(...) и, конечно же, полагая, что это бедный дом, (они) **разговаривали (с фрейлинами) пренебрежительно** (...)’ («Гэндзи-моногатари», гл. 15 «В зарослях полыни», дан 2)

Во фрагменте, непосредственно предшествующем этому предложению, описывается, как в полузаброшенный дом дочери принца Хитати **приходят** люди, чтобы узнать, не продается ли хранящаяся в нем утварь. Таким образом, интерпретация *ku* как ориентива (‘говоря, приходили’) маловероятна, поскольку в левом контексте уже содержится информация о том, что субъект достиг того места, где происходит диалог. Также в пользу инверсивной (а не, например, инхоативной) трактовки говорит и непосредственная «затронутость» (affectedness, см. *Раздел 2.4.2*) дейктического центра (в данном случае — фрейлин принцессы): люди разговаривают с ними «пренебрежительно», что способствует восприятию действия как намеренно обращенного в сторону дейктического центра. Тем не менее, как и в примерах (16) и (17) из «Манъёсю», здесь невозможно исключить вероятность ориентивной интерпретации.

Более убедительный случай инверсивного употребления, обнаруженный нами в корпусе [СНЈ], встречается в поэтической антологии «Кокинвакасю», которая была составлена в 914 г.²⁷

- (20) *makura-yori/ ato-yori kopi-no/*
 изголовье-ABL изножье-ABL любовь-NOM
seme-k-ureba/ se-m-u kata
 напасть-COME-COND делать-EMD-ATR способ
na-mi zo/ toko-naka-ni or-u
 отсутствующий-NML FOC кровать-внутри-LOC быть-ATR

‘Подступает ко мне,/ в головах и в ногах угнездившись,/ душу травит любовь —/ и нигде на просторном ложе/ не найти от нее спасенья...’²⁸ («Кокинвакасю», песня 1023)

Поскольку субъектом предиката *seme-k-ureba* ‘когда нападает’ является абстрактное существительное *kopi* ‘любовь’, физическое перемещение здесь маловероятно. Как обсуждалось в Разделе 2.4.2, характерной чертой инверсива является семантическая близость с функцией инхоатива. Согласно К. Симидзу, инверсивная функция реализуется в том случае, если а) нарушается иерархия эмпатии, и б) субъект смыслового глагола агентивен. Инхоативная же интерпретация возникает в том случае, если смысловой глагол неконтролируем, а его субъект пациентивен. На первый взгляд, абстрактность субъекта в примере (20) говорит о его слабой агентивности и таким образом поддерживает инхоативную трактовку. Однако сам предикат *se-m-u* ‘атаковать’ указывает на персонификацию этого субъекта и, как следствие, его агентивность.

Можно предположить, что мы имеем дело с пограничным случаем грамматикализационного развития, в котором инхоативный

²⁷ Стоит, однако, заметить, что наиболее ранняя из дошедших до нас рукописей датируется началом XII в., что соответствует позднему этапу развития КЯЯ.

²⁸ Перевод А. А. Долина приводится по изданию [Кокинвакасю 2001]. Показательно, что это стихотворение неоднократно цитировалось в более поздних памятниках, среди которых пьеса кёгэн из собрания «Тораакிரабон-кегэнсю» (1642), а также пьеса дзёрури «Югири-ава-наруто» (1712) Тикамацу Мондзаэмона.

показатель приобретает инверсивное значение путем метафорического расширения: неодушевленный и, следовательно, неагентивный субъект становится агентивным посредством персонификации. И хотя такой сценарий противоречит общепринятому мнению о том, что при грамматикализации «сочетаемость дейктических ориентивов расширяется на **неагентивные** глаголы» [Конуна 2014: 778]²⁹, диахронически именно он представляется более реалистичным: как было показано в [Inoue 1962: 32], примеры инхоативного употребления (в отличие от инверсивного) встречаются уже в ДЯЯ.

- (21) *Sagamune-no/ wo-mine mi-kakusi/*
 Сагамунэ-GEN DIM-пик видеть.INF-прятать
wasure-k-uru/ imo-ga na uwobi-te/
 забывать.INF-COME-ATR любимая-GEN имя звать-CVB
a-wo ne si naku-na
 я-ACC звук RP заставлять.плакать-PRON

‘У горы Сагамунэ/ Не видать теперь уже вершин./ Имя милой, что я **начал забывать**,/ Называя,/ Не заставь меня рыдать!’
 («Манъёсю», кн. 14, песня 3362)

В примере (21) вентив маркирует вхождение в состояние, что весьма точно отображено в художественном переводе — ‘начал забывать’. Таким образом, гипотеза К. Симидзу о том, что инверсивная функция развилась из инхоативной, подтверждается корпусными данными.

4.4. Новояпонский язык (1600–2020 гг.)

В историческом корпусе [СНЈ], включающем памятники с 759 («Манъёсю») по 1947 гг., встречается 6 вхождений, которые можно однозначно трактовать как примеры функции глагольной

²⁹ Ср. также грамматикализацию конструкции *be going to*, которая сопровождается именно таким расширением дистрибуции: *I am going to die* ‘Я скоро умру’.

множественности³⁰. Самое раннее из них — фрагмент из женского просветительского журнала «Дзёгаку Дзасси» за 1895 г.

- (22) *ko-no bunshō na-ki shinbunshi-wa*
 этот-ATR текст нет-ATR газета-TOP
kakki na-shi zokuzoku-toshite horobi-yuk-u
 живость нет-FIN один.за.одним-ADV гибнуть-INF-GO-PRS

‘В газетах, где не печатаются такие тексты, нет жизни. Они вымирают одна за одной’. [СН]

Несмотря на то, что язык этого весьма прогрессивного журнала во многом еще сохраняет архаичные черты, присущие КЯЯ (в частности, этим обусловлено употребление инфинитивной, а не конвербной формы смыслового глагола), употребление андатива в функции глагольной множественности безусловно отражает влияние современной устной речи. Примечательно, что как раз в середине 1880-х гг. в Японии возникло движение за унификацию письменного и устного языка, известное как *гэмбун-итти*. Его сторонники добились того, что начиная с 1920-х гг. большинство текстов, за исключением официальных документов и научной литературы, стали писаться на языке, отражающем грамматику и словарь современной устной речи [Frellesvig 2010: 380]. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что оставшиеся 5 примеров встречаются в просветительских журналах за 1925 г. (2 примера) и школьных учебниках за 1945 г. (3 примера).

4.5. Результаты диахронического анализа

Таким образом, наиболее «старыми» функциями *iku* и *kuru* являются ориентивная и таксисная: они фиксируются уже в ДЯЯ. Первые

³⁰ Поисковый запрос был сформулирован следующим образом: *ichi_ichi_* OR *tsugitsugi* OR *junban* OR *zokuzoku* (на расстоянии до 7 единиц от ключевого слова) + *V. inf* (на расстоянии до 2 единиц до ключевого слова) + *iku* OR *yuku* (лексема, ключевое слово). Все перечисленные наречия имеют значения ‘один за одним; поочередно’ и приводятся в [Nakayama 2010: 229–231] как наиболее частотные для конструкции со значением глагольной множественности.

примеры инверсива встречаются в КЯЯ, что делает эту функцию наиболее «молодой» из вентивных. Наиболее же «молодой» из всех рассмотренных является функция глагольной множественности, которая впервые фиксируется в тексте 1895 г., то есть в раннем ново-японском языке (рНЯЯ). Результаты диахронического анализа представлены на *Рис. 2*.

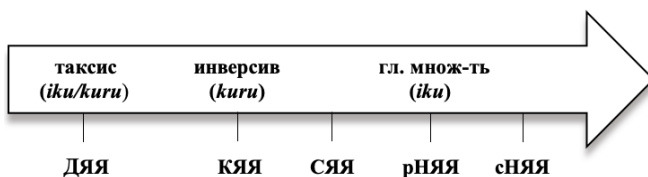

Рис. 2. Диахронический порядок появления функций в корпусе

Fig. 2. The diachronic order in which usage types appear in the corpus

5. Выводы и обобщения

Диахроническая гипотеза подтверждается эмпирически в рамках вентива и андатива как отдельно взятых показателей. Инверсив, являясь наиболее грамматикализованной функцией вентива, фиксируется в языке позже, чем таксис (*kuru*). С другой стороны, функция глагольной множественности, которая по результатам эксперимента показала относительно высокую степень грамматикализованности, фиксируется позже, чем таксис (*iku*).

Однако диахроническая гипотеза не подтверждается при объединении андатива и вентива в общую категорию. Инверсив, по результатам эксперимента оказавшийся наиболее грамматикализованным типом употребления среди всех рассмотренных, тем не менее фиксируется раньше, чем функция глагольной множественности. Относительно вентивного и андативного вариантов таксисной функции невозможно сделать вывод об истинности диахронической гипотезы, поскольку и тот и другой встречаются уже в антологии

«Манъёсю» — одним из старейших памятников японского языка, дошедших до наших дней.

Ложность гипотезы при объединении вентива и андатива в одну категорию свидетельствует о том, что изучаемые глаголы грамматикализовались независимо друг от друга, несмотря на то что в сНЯЯ они традиционно представляются как члены грамматической оппозиции (например, в ориентивной и таксисной функциях). Сопоставление результатов эксперимента и диахронического анализа представлено на Рис. 3³¹.

Рис. 3. Степень грамматикализованности конструкций в разных употреблениях на современном этапе (1) и хронологический порядок, в котором эти употребления фиксируются в корпусе (2)

Fig. 3. Degree of grammaticalization of the two cNJ constructions in various usage types (1) compared to the diachronic order in which these usages appear in the corpus (2)

Еще одно наблюдение касается функций инхоатива и инверсива. Диахронический анализ показал, что в текстах на ДЯЯ только первая из них встречается в прототипической реализации, однако уже в памятниках на КЯЯ фиксируются обе. Тесная семантическая связь между ними дает основания полагать, что инверсив является

³¹ Инхоатив, который фиксируется уже в ДЯЯ (см. пример (21)), не представлен на рисунке по той причине, что эта функция не рассматривалась в рамках эксперимента из-за технических ограничений.

производным от инхоатива. Грамматикализация конструкций с вентивом в показатели инхоатива типологически распространена: так, подобные сценарии развития зафиксированы в иберо-романских, тюркских, океанийских, германских, финском языках, а также в нигерийском пиджине, языке гусии и др. [Майсак 2005: 205–209; Heine, Kuteva 2004: 74–75]. Однако ни в одном из этих случаев не зафиксирован такой путь грамматикализации, при котором вентив сначала использовался бы в качестве инверсивного показателя и только затем, с утратой агентивности субъектом, развился в инхоативный. Таким образом, типологические данные не содержат указаний в пользу того, что путь от вентива к инхоативу может пролегать через инверсив. Это служит дополнительным аргументом в пользу сценария, согласно которому в японском инверсивная функция *kuru* развилась из инхоативной, а не наоборот. Тем не менее невозможно исключить и альтернативные пути грамматикализации, при которых инверсив развился из ориентива (см. пример (18)) или метафорических употреблений полнозначного *kuru* [Кузнецов 2020: 20–21, 49–53]. В таком случае пересечение с функцией инхоатива может объясняться не более чем общностью лексического источника, давшего два разных пути грамматикализации.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что грамматикализованность отдельно взятых единиц в синхронии, измеренная количественно, отражает закономерности их исторического развития, однако наличие парадигматических отношений между этими единицами в синхронии не означает параллелизма в их диахронической грамматикализации.

Список условных сокращений

Поморфемная нотация. ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADR — адресив; ADV — адвербиальная форма; ALL — аллатив; ATR — атрибутивная форма; COM — комитатив; COME — вентив; COMP — комплементаризер; COND — условно-временной показатель; COP — копула; CVB — конвербная форма; DAT — датив; DIM — диминутив; DIR — прямой залог; EMD — показатель эпистемической модальности; EXCL — восклицательная форма (идзэнкэй); FIN — заключительная

форма; FOC — фокусная частица; GEN — генитив; GO — андатив; HON — гоноратив; INCM — инкомплетив; INF — инфинитивная форма; LOC — локатив; NEG — отрицание; NML — субстантиватор; NOM — номинатив; PASS — пассив; PL — множественное число; PMT — презумптив; PRON — прохибитив; PRS — непрошедшее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; RP — ограничительная частица; TOP — топик; VRB — вербализатор.

Языки. ДЯЯ — древнеяпонский язык; КЯЯ — классический японский язык; (р/с)НЯЯ — (ранний / современный) новояпонский язык; СЯЯ — средневековый японский язык.

Корпуса. BCCWJ — Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese; CHJ — Corpus of Historical Japanese.

Литература

- Алпатов 1973 — В. М. Алпатов. Категории вежливости в современном японском языке. М.: Наука, 1973.
- Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 2. М.: Наталис, 2008.
- Конума 2011 — Ю. Конума. Понятие суперлексемы и аспектуальная характеристика японского глагола // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 67–89.
- Конума 2014 — Ю. Конума. Дейктические ориентиры как ограничители в системе японского глагольного аспекта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 775–780.
- Кузнецов 2020 — А. А. Кузнецов. Грамматикализация глаголов движения в японском языке. Выпускная квалификационная работа. СПб.: СПбГУ, 2020.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Сиранэ 2017 — Х. Сиранэ. Классический японский язык: грамматика // А. Г. Фесюн (пер. с англ. под науч. ред.). М.: Издательский дом ВШЭ, 2017.
- Федорова 2008 — О. В. Федорова. Основы экспериментальной психолингвистики. Принципы организации эксперимента. М.: Спутник, 2008.
- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.

- Cowart 1997 — W. Cowart. *Experimental Syntax. Applying Objective Methods to Sentence Judgments*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage Publications, 1997.
- Fillmore 1971 — C. J. Fillmore. *Santa Cruz lectures on deixis*. Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1971.
- Frellesvig 2010 — B. A. Frellesvig. *History of the Japanese language*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Hasegawa 1993 — Y. Hasegawa. *Prototype Semantics: A case study of te K-/IK- constructions in Japanese // Language & Communication*. 1993. Vol. 13 (1). P. 45–65.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. *Does grammaticalization need reanalysis? // Studies in language*. 1998. Vol. 22 (2). P. 315–352.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hidaka 2018 — T. Hidaka. *V-te-iku/V-te-kuru-no tagisei to tōgo* [Polysemy and Syntax of *V-teik* and *V-tek*] // *Theoretical and applied linguistics at Kobe Shoin: Talks*. 2000. № 21. P. 23–40.
- Inoue 1962 — H. Inoue. *Dōshi-no setsujika: manyōshū-no “yuku” to “ku”* [Grammaticalization of verbs into affixes: the case of *yuku* and *ku* in *Manyōshū*] // *Manyō*. 1962. № 43. P. 27–37.
- Koga 2008 — H. Koga. *“Te-kuru”-no voisu-ni kanren-suru kinō* [Voice-related functions of *te-kuru*] // Y. Mori, M. Komeyama, Y. Nishimura (eds.). *Kotoba-no dain-amizumu*. Tokyo: Kuroshio Shuppan, 2008. P. 241–257.
- Kojima 1998 — S. Kojima. *“Yuku” to “ku”*: *Genji-monogatari-ni okeru yōhō* [Functions of *yuku* and *ku* in the Tale of Genji] // [Anon.] (eds.). *Tōkyō daigaku kokugo kenkyūshitsu sōsetsu hyakushūnen kinen kokugo kenkyūron-shū*. Tokyo: Kyūko Shoin, 1998. P. 325–344.
- Mattiola 2019 — S. Mattiola. *Typology of Pluractional Constructions in the Languages of the World*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2019.
- Nakayama 2010 — K. Nakayama. *Nihongo-no dōshi “iku/kuru”-no tagisei-no kijutsu: hondōshi-kara hojodōshi-e* [A Descriptive Study on the Polysemous Words ‘*iku* (to go)’ and ‘*kuru* (to come)’ in Modern Japanese]. PhD Thesis. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Ono 2000 — K. Ono. *Grammaticalization of Japanese Verbals // Australian Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 20 (1). P. 39–79.
- Reddy 1979 — M. Reddy. *The Conduit Metaphor // A. Ortony (ed.). Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284–324.
- Schütze, Sprouse 2013 — C. T. Schütze, J. Sprouse. *Judgement data // R. J. Podesva, D. Sharma (eds.). Research Methods in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 27–51.

- Shibatani 2003 — M. Shibatani. Directional Verbs in Japanese // E. Shay, U. Seibert (eds.). Motion, Direction and Location in Languages: In Honor of Zygmunt Frajzyngier. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 259–286.
- Shibatani 2007 — M. Shibatani. Grammaticalization of converb constructions: The case of Japanese *-te* conjunctive constructions // J. Rehbein, C. Hohenstein, L. Pietsch (eds.). Connectivity in Grammar and Discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 21–49.
- Soga 1983 — M. Soga. Tense and aspect in Modern Colloquial Japanese. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983.
- Sumida 2011 — T. Sumida. *Idōdōshi “kuru”-no bunpōka-to voisu-kinō* [Grammaticalization and voice-related functions of the motion verb *kuru*]. PhD Thesis. Kobe: Kobe University, 2011.
- Tokunaga 1986 — M. Tokunaga. Affective deixis in Japanese: A case study of directional verbs. Doctor dissertation. Ann Arbor: University of Michigan, 1986.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. Deixis and alignment. Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Источники

- Кокинвакасю 2001 — Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии / А. А. Долин (пер. со старояп.). СПб.: Гипернон, 2001.
- Манъёсю 1971 — Манъёсю. («Собрание мириад листьев») / А. Е. Глушкина (пер. с яп.); Н. И. Конрад (ред.). М.: Наука, 1971.
- BCCWJ — Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (дата обращения: 8.04.2021).
- CHJ — Corpus of Historical Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/chj/search> (дата обращения: 2.06.2020).
- JASP Team 2020 — JASP (Version 0.12.2) (компьютерная программа).

References

- Alpatov 1973 — V. M. Alpatov. *Kategorii veshlivosti v sovremennom yaponskom yazyke* [Categories of politeness in the modern Japanese language]. Moscow: Nauka, 1973.
- Alpatov et al. 2008 — V. M. Alpatov, P. M. Arkadyev, V. I. Podlesskaya. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Japanese language]. V. 2. Moscow: Natalis, 2008.

- Fedorova 2008 — O. V. Fedorova. *Osnovy eksperimentalnoy psikholingvistiki. Printsipy organizatsii eksperimenta* [Fundamentals of experimental psycholinguistics. Principles of experimental design]. Moscow: Sputnik, 2008.
- Fillmore 1971 — C. J. Fillmore. *Santa Cruz lectures on deixis*. Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1971.
- Frellesvig 2010 — B. A. Frellesvig. *History of the Japanese language*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Hasegawa 1993 — Y. Hasegawa. Prototype Semantics: A case study of te K-/IK- constructions in Japanese. *Language & Communication*. 1993. Vol. 13 (1). P. 45–65.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. Does grammaticalization need reanalysis? *Studies in language*. 1998. Vol. 22 (2). P. 315–352.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hidaka 2018 — T. Hidaka. “*V-te-iku/V-te-kuru*”-no tagisei to tōgo. [Polysemy and Syntax of *V-teik* and *V-tek*]. *Theoretical and applied Linguistics at Kobe Shoin: Talks*. 2000. No. 21. P. 23–40.
- Inoue 1962 — H. Inoue. *Dōshi-no setsujika: manyōshū-no “yuku” to “ku”* [Grammaticalization of verbs into affixes: the case of *yuku* and *ku* in Manyōshū]. *Manyō*. 1962. No. 43. P. 27–37.
- Koga 2008 — H. Koga. “*Te-kuru*”-no voisu-ni kanren-suru kinō [Voice-related functions of *te-kuru*]. Yu. Mori, M. Komeyama, Yo. Nishimura (eds.). *Kotoba-no dainamizumu*. Tokyo: Kuroshio Shuppan, 2008. P. 241–257.
- Kojima 1998 — S. Kojima. “*Yuku*” to “*ku*”: *Genji-monogatari-ni okeru yōhō* [Functions of *yuku* and *ku* in the Tale of Genji]. [Anon.] (eds.). *Tōkyō daigaku kokugo kenkyūshitsu sōsetsu hyakushūnen kinen kokugo kenkyūron-shū*. Tokyo: Kyuko Shoin, 1998. P. 325–344.
- Konuma 2011 — Yu. Konuma. Ponyatiye superleksemy i aspektualnaya harakteristika yaponskogo glagola [The notion of superlexeme and the aspectual profile of Japanese verb]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2011. No. 6. P. 67–79.
- Konuma 2014 — Yu. Konuma. Deykticheskiye oriyentivy kak ogranchiteli v sisteme yaponskogo glagolnogo aspekta [Deictic orientives as the bounders in the Japanese system of verb aspect]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniy*. 2014. Vol. X. Pt. 1. P. 775–780.
- Kuznetsov 2020 — A. A. Kuznetsov. *Grammatikalizatsiya glagolov dvizheniya v yaponskom yazyke* [Grammaticalization of motion verbs in Japanese]. Graduation Paper. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2020.
- Maysak 2005 — T. A. Maysak. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammaticalization paths of motion and posture verbs: a typology]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005.

- Mattiola 2019 — S. Mattiola. *Typology of Pluractional Constructions in the Languages of the World*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2019.
- Nakayama 2010 — K. Nakayama. *Nihongo-no dōshi “iku/kuru”-no tagisei-no kijut-su: hondōshi-kara hojodōshi-e* [A Descriptive Study on the Polysemous Words *iku* ‘to go’ and *kuru* ‘to come’ in Modern Japanese]. PhD Thesis. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Ono 2000 — K. Ono. Grammaticalization of Japanese Verbals. *Australian Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 20 (1). P. 39–79.
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Reddy 1979 — M. Reddy. The Conduit Metaphor. A. Ortony (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284–324.
- Schütze, Sprouse 2013 — C. T. Schütze, J. Sprouse. Judgement data. R. J. Podesva, D. Sharma (eds.). *Research Methods in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 27–51.
- Shibatani 2003 — M. Shibatani. Directional Verbs in Japanese. E. Shay, U. Seibert (eds.). *Motion, Direction and Location in Languages: In Honor of Zygmunt Frajzyngier*. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 259–286.
- Shibatani 2007 — M. Shibatani. Grammaticalization of converb constructions: The case of Japanese *-te* conjunctive constructions. J. Rehbein, C. Hohenstein, L. Pietsch (eds.). *Connectivity in Grammar and Discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 21–49.
- Shirane 2017 — H. Shirane. *Klassicheskiy yaponskiy yazyk: grammatika* [Classical Japanese: a grammar]. A. G. Fesyun (ed.). Moscow: HSE University Press, 2017.
- Shluinsky 2005 — A. B. Shluinsky. *Tipologiya predikatnoy mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual’nye znacheniya* [A typology of pluractionality: quantitative aspectual meanings]. Candidate thesis. Moscow: Moscow State University, 2005.
- Soga 1983 — M. Soga. *Tense and aspect in Modern Colloquial Japanese*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983.
- Sumida 2011 — T. Sumida. *Idōdōshi “kuru”-no bunpōka-to voisu-kinō* [Grammaticalization and voice-related functions of the motion verb *kuru*]. PhD Thesis. Kobe: Kobe University, 2011.
- Tokunaga 1986 — M. Tokunaga. *Affective deixis in Japanese: A case study of directional verbs*. Doctor Dissertation. University of Michigan, 1986.
- Xrakovskij 2009 — V. S. Xrakovskij. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya. V. S. Xrakovskij (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruksiy*. Moscow: Znak, 2009. P. 11–113.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. Deixis and alignment. Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Фонетическая словакизация чешского языка евангелическими авторами

К. В. Лифанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); lifanov@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному изучению языка текстов, созданных в разное время словацкими авторами протестантского исповедания и отражающих явления словакизации чешского языка на фонетическом уровне. Выясняется, что в этих текстах представлен иной тип словакизации по сравнению со словакизацией традиционного типа, характерной для католических текстов и низших жанров письменности, общих для католиков и протестантов. Особенностью этого типа является использование авторами-протестантами при словакизации элементов среднесловацкого диалекта. В связи с этим становится понятным обращение именно к среднесловацкому диалекту протестанта Л. Штура при кодификации им словацкого литературного языка.

Ключевые слова: чешский язык, словакизация, евангелическая конфессия, графема, нисходящий дифтонг, восходящий дифтонг, субституция, тенденция, периферия.

Phonetic slovakization of the Czech language by evangelical authors

K. V. Lifanov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); lifanov@hotmail.com

Abstract. As is known, Slovak Protestants generally considered Czech to be a model written language, the norms of which they sought to follow. At the same time, certain Evangelical texts reveal a trend for their slovakization, the object of this study. These texts, written in the XVII–XIX centuries by Evangelical

authors, relate to high genres of writing: catechisms by Martin Luther, translations of J. A. Komenský's works, and literary texts from the almanac "Zora". A comparison of the language of these texts shows that they differ in the degree of their slovakization, significantly less pronounced in the catechisms. At the same time, the fiction texts of the almanac "Zora" (XIX century) are most closely resonate with the language of "Rosarium Animae" by D. Pribiš (XVII century).

The paper also shows that Evangelical texts reveal a different type of slovakization compared to Catholic religious literature and lower writing genres, common to both the Catholics and the Protestants. The language of Protestant authors was influenced by the Middle Slovak dialect, while the idiom used in Catholic writings originating from South-Western Slovakia shows predominantly Western Slovak traces. This explains the choice by Protestant L. Štúr of the Middle Slovak dialect for the base of the literary language codified by him. Notably, however, the emerging Protestant tendency to slovakize Czech texts being rather weak and peripheral, the Protestants continued to focus on the Czech literary language until the codification by L. Štúr.

Keywords: Czech language, slovakization, Evangelical denomination, grapheme, descending diphthong, ascending diphthong, substitution, tendency, periphery.

1. Введение

Словацкий литературный язык формировался сложно в течение нескольких столетий. Начальную фазу его формирования можно отнести к XV в., когда старочешский язык, веком ранее проникший на территорию Словакии, начал взаимодействовать с западнословацким диалектом, видоизменяясь и таким образом отдаляясь от своего облика в Чехии и Моравии. Если на самом раннем этапе этого процесса отклонения от собственно чешского варианта в письменных текстах были случайными, так как появлялись лишь вследствие недостаточного владения чешским языком их переписчиками или создателями, то затем ряд появляющихся особенностей приобретает закономерный характер. Этому процессу способствовала Реформация, достигшая в Словакии значительных масштабов. Протестантские

церкви поощряли использование народного языка в религиозных текстах, поэтому насыщенность этих текстов элементами словацких диалектов нарастала. Заметим, что названные особенности первоначально имели преимущественно фонетический характер. В связи с этим данная статья посвящена именно фонетическим изменениям, характеризовавшим язык словацкой письменности более позднего периода.

В первые десятилетия XVII в. ситуация осложняется. В это время Словакия переживает агрессивную рекактолизацию населения. При этом католические священники заимствуют языковую практику протестантов, поэтому процесс словакизации не только не прекращается, а даже еще более усиливается. Словацкие же протестанты-лютеране — приверженцы М. Лютера и евангелической церкви Аугсбургского исповедания — оказываются в критической ситуации, стремительно теряя своих сторонников. Для сохранения евангелической церкви в Словакии ей необходима была внешняя поддержка, которую она нашла в лице чешских протестантов, массово мигрировавших в Словакию после битвы на Белой горе 1620 г. Последствием этого становится изменение языковой ситуации в их среде, так как вновь образцовой формой письменного языка становится чешский язык, представленный прежде всего в Кралицкой Библии, а традиционная форма гибридного языка оказывается оттесненной в низшие жанры письменности, в частности, в деловую письменность. В. Важный считал рубежом использования словакизированного языка 1634 г., когда был опубликован «Катехизис Мартина Лютера» — последняя, по мнению В. Важного, евангелическая книга религиозного содержания со словакизмами [Vážný 1936: 152]. В результате, в соответствии с традиционной концепцией развития языка словацкой письменности, с начала XVII в. словацкое общество делилось на две части в зависимости от языковых предпочтений. Если для католиков была характерна словакизация чешских текстов, которая с течением времени только усиливалась, то словацкие евангелики (лютеране) вплоть до середины XIX в. в качестве своего литературного языка использовали чешский язык. Это представление выражено, например, в следующем

утверждении Л. Н. Смирнова: «...в развитии языковой ситуации в Словакии в XVIII в. явно обнаруживаются две противоположные тенденции. Одна была связана со стремлением сохранить в чистоте нормы чешского литературного языка в словацкой письменности, укрепить его позиции в литературно-письменной сфере, в культурной жизни словаков. Подобные стремления были наиболее типичны для словацкой интеллигенции протестантского вероисповедания. В их среде получило распространение представление о национально-этническом, языковом и культурном единстве словаков с чехами. В силу этого они воспринимали чешский литературный язык как свой “национальный” и, естественно, выступали за его культивирование» [Смирнов 1978: 93].

В связи с приведенной цитатой заслуживает внимания замечание Э. Паулини о том, что в языке словацкой евангелической письменности XVII в. прослеживаются две противоположные тенденции: стремление следовать образцам, создаваемым в Чехии, и словакизация чешского языка [Pauliny 1971: 50]. При этом, однако, названный автор не развивает данную мысль в последующих работах и не ставит вопрос о типах словакизации чешских текстов. В целом факт словакизации евангелических текстов также остался без должного внимания. Исключением являются, пожалуй, лишь работы Л. Дюровича [Durovič 2008, 2015 и др.], который сосредоточил свои усилия в большей степени на изучении грамматических описаний чешского языка, принадлежавших перу авторов словацкого происхождения (Д. Крман, Т. Маснициус, П. Долежал), а не на реальном функционировании языка.

Заметим, что генетически словацкие элементы представлены во многих памятниках письменности, записанных на территории Словакии. Довольно часто в текстах обнаруживаются элементы соответствующих территориальных диалектов. В этой связи чрезвычайно важен статус этих элементов в текстах. Насыщенность же этими элементами зачастую зависит от характера текстов, то есть жанра письменности и специфики функционирования идиома, в котором они употребляются. В Средневековье существовала иерархия жанров письменности, которая зависела от сферы жизни, которую

эти тексты обслуживали. Иными словами, именно сфера употребления, а не насыщенность текста словакизмами, определяет степень его «культивированности». В этой связи на вершине пирамиды жанров оказываются, безусловно, религиозные тексты, к которым прилегают научные (вернее, научно-популярные, так как в собственно научной литературе использовались иные языки, причем не обязательно чешский), а также высокая поэзия.

Изучение текстов религиозного содержания и поэзии барокко, которые были созданы авторами католического вероисповедания, а также текстов деловой письменности и лубочной и окказиональной поэзии, не различавшихся по конфессиональной принадлежности их создателей, позволило выявить традиционный тип словакизации и его характерные особенности [Лифанов 2001]. Целью же данной статьи является выяснение того, представляют ли протестантские тексты, относящиеся к более высоким жанрам письменности и содержащие словакизмы, единое целое и в каком отношении они находятся к текстам, созданным в рамках общей словацкой письменной традиции, формировавшейся практически с момента проникновения древнечешского языка на территорию Словакии. Объектом исследования являются катехизис Мартина Лютера, опубликованный в восточнословацком городе Левоча в 1634 г. [Katechizmus 1634], и присоединенная к нему в виде дополнения книга «Розарий души» («Rosarium Animae»), написанная приходским священником села Спишский Гргов Даниэлом Прибишем¹ [Pribiš 1634], малый катехизис Мартина Лютера, опубликованный в 1732 г. [Katechizmus 1732], катехизис Мартина Лютера, опубликованный в Пресбурге (нынешняя Братислава) в 1744 г.² [Katechizmus 1744], а также два самостоятельных рукописных перевода сочинения Я. А. Коменского «Открытые золотые врата латинского языка» («*Ianva lingvae latinae reserata aurea*»). Первый был осуществлен

¹ Данные части Катехизиса 1634 г. мы будем рассматривать отдельно, поскольку их язык подвергся разной степени словакизации [Лифанов 2015].

² Как видим, евангелические тексты подвергались словакизации не только в XVII в., как об этом писал Э. Паулини, но и позже.

в 1666 г. турчанским адвокатом Ф. Булёвским [Komenský 2002], а второй — приблизительно в то же время неизвестным автором [Komenský 2009].

Словакизация евангелической письменности имела место и в более позднее время. В частности, это явление наблюдается в чешских текстах первых двух выпусков альманаха «Зора» соответственно 1835 и 1836 гг. [Zora 1835, 1836]. В отношении языка этих текстов также чрезвычайно интересно выяснить, было ли это новое изолированное явление или оно имело определенную связь со словакизацией чешских текстов в памятниках евангелической письменности XVII–XVIII вв.

Объем статьи позволяет, однако, рассмотреть только фонетическую систему указанных памятников письменности.

2. Орфографические особенности евангелических текстов

Сходство всех рассматриваемых евангелических текстов и одновременно противопоставление части из них языку складывающейся традиционной словацкой письменности выявляется уже в графике и орфографии, которые, полагаем, отражают процессы, реализуемые на фонетическом уровне. Это касается прежде всего графемы *ř*, обозначающей специфические чешские звуки — альвеолярный дрожащий [r̥ʒ] и его глухой вариант [r̥ʂ]. Поскольку указанные звуки отсутствуют в словацком языке, они в целом достаточно быстро утрачиваются в традиционном языке словацкой письменности [Лифанов 2000: 26–32]. В рассматриваемых же евангелических текстах ситуация неоднозначная. В одних текстах (катехизис 1634 г., включая сочинение Д. Прибиша, а также катехизис 1732 г.) графема *ř* представлена, хотя и с пропусками и ошибочным обозначением (особенно в тексте Д. Прибиша), а в других (переводы сочинения Я. А. Коменского, катехизис 1744 г.) она отсутствует. Ср. примеры верного использования этой графемы:

- (1) *Po druhe že gměno dobře wasseg W. předkůw nagwjz od wás ma braněno bytj aby nezhinulo: ale y na Potomky wasse přenesseno bylo.*
 ‘Во-вторых, доброе имя предков Вашего Высочества должно вами в наибольшей степени оберегаться, чтобы оно не исчезло, а было перенесено и на ваших потомков’.
 [Katechizmus 1634: A5³]
- (2) *Tobe samemu gsme z hřessilj a zle před tebuw včynilij.*
 ‘Тебя самого мы отругали и дурно к тебе отнеслись’.
 [Pribiš 1634: D4]
- (3) *Třetí Deň wstal z mrtwých, wstúpil na Nebesa.*
 ‘На третий день он восстал из мертвых и вознесся на небеса’.
 [Katechizmus 1732: A8⁴]

Примеры замены этой графемы графемой г, а также ее неверное употребление также достаточно частотны:

- (4) *⟨...⟩ try Super Attendenti totiž Elias Lany / Isaacus Abrahamides a Samuel Melikins / poradně na ten vrad <...> postavěnj o to se nagwjz snažyly / aby rozdylne včenj mladeže z Cyrkwj sobe poručěnych wizdwihly...*
 ‘⟨...⟩ ‘три суперинтенданта, т. е. Элиаш Лани, Исаак Абрахамидес и Самуэль Меликинс, назначенные на этот пост надлежащим образом, более всего стремились поднять на высокий уровень раздельное обучение молодежи, подопечной церкви...’
 [Katechizmus 1634: A4]
- (5) *Stydjme se kdy vkáleny a neumjtu máme twar.*
 ‘Мы испытываем стыд, когда у нас закаленное и неумытое лицо’.
 [Pribiš 1634: D5]

³ В рассматриваемых памятниках представлена сложная и непоследовательная система нумерации страниц, т. к. некоторые из них обозначаются только цифрами или буквами, другие — и цифрами, и буквами, а номера некоторых страниц не обозначены вовсе.

⁴ В действительности страница не обозначена.

- (6) *Zdijlegž se ten kterýž Navčenj přjgimá w slowu, s tým, odkohož navčenj **beře**, wssim statkem.*

‘Поделись всем своим имуществом, принимающий слова учения, с тем, от кого это учение исходит’.

[Katechizmus 1732: D7]

- (7) <...> *aby gsme **pred** Krále lehko **prigiti** mohli.*
<...> ‘чтобы мы легко могли попасть к Царю’.

[Katechizmus 1744: A3]

- (8) *Wlchkosti wodnye ustawične se **hore** znassegj.*

[Komenský 2002: 181]

*Wlchkosti wodne ustawične se **hore** znassegu.*

[Komenský 2009: 8]

‘Водяная влага постоянно поднимается вверх’.

Аналогичная ситуация выявляется и при фиксировании графемы *ě* в позиции после губных согласных, обозначающей в праславянском языке /ě/ либо /ɛ/, а в чешском — йотированное /e/ [je]⁵. В словацком языке рефлексом указанных праславянских звуков чаще всего выступает гласный /e/ без йотации. Названная графема также фиксируется дифференцированно, так как обнаруживается во всех катехизисах, включая сочинение Д. Прибиша, но отсутствует в переводах сочинения Я. А. Коменского. Ср. примеры верного отражения этой графемы:

- (9) *Trpěl pod Pontským Pilátem: Vkrížován / Vmřel / y pohřben gest.*

‘Страдал он от Понтия Пилата: был распят, умер и погребен’.

[Katechizmus 1634: B3]

- (10) <...> *lžeš Kayně wetssi gest Božj Milost / nežli wsseckého **Swěta** zlost’.*

<...> ‘лжешь, Каин, Божья милость больше зла всего мира’.

[Pribiš 1634: E3]

⁵ В позиции после согласного *m* йотированное *e* произносится на территории Моравии, тогда как в собственно Чехии *j* заменяется на мягкое *n* [ň].

- (11) *Ale ge w poctiwosti měli, milowali, gjm slaužili, poslussnj byli, a gich welice **sobě** wážil.*
 ‘Но они их уважали, любили, служили им, слушались, а он их очень уважал’. [Katechizmus 1732: A3]
- (12) <...> *gako Clericy Kněžowi a modlitbami / a **spěwem** pri Oltárj služá.*
 <...> ‘как клерики служат священнику при алтаре молитвами и пением’. [Katechizmus 1744: A5]

Однако и при написании данной графемы нередко ошибки, например:

- (13) *Doktora Martina Luthera. **Spowednij*** [чешск. zpovědní] *Otázky.*
 ‘Доктора Мартина Лютера. Исповедные вопросы’. [Katechizmus 1634: C3]
- (14) *Nebot' my **nemámě*** [чешск. nemáme] *žádného giného / krom **tobe***⁶
 [чешск. tebe] *Boha samého gediného.*
 ‘Потому что у нас нет никакого другого Бога, кроме тебя’. [Pribiš 1634: F3]
- (15) *Ale my prosýme w této **Prosbe*** [чешск. prosbě], *aby u od nás swatě a sláwně bylo ctěno.*
 ‘Но мы просим в этой просьбе, чтобы и нами это могло быть свято и торжественно почитаемо’. [Katechizmus 1732: B3]

Разная представленность этих графем в текстах показывает, что их использование, а таким образом и произнесение или произнесение соответствующих звуков⁷, зависело от характера текста. Так, в более строгих жанрах названные звуки были достаточно обычными.

⁶ В предложении вместо чешской формы род. падежа употреблена форма дат., что, впрочем, было типично для текстов XVII в.

⁷ В пользу предположения о том, что соответствующие звуки все же произносились, а соответствующие графемы не были лишь элементами орфографии, свидетельствует то, что изредка названные звуки обозначаются иначе. Иными словами, фиксируется именно звук, а не употребляется буква в соответствии с правилами чешской орфографии. Ср. пример: *Wjeřjm* [чешск. věřím] *u w Gezu*

Особенно это подчеркивает язык наиболее авторитетного евангелического текста — Катехизиса 1634 г.⁸, — в котором написание рассматриваемых графем почти точно отражает чешскую норму. Снижение статуса текста приводит к тому, что возрастает количество необозначения или неверного обозначения этих звуков (Катехизис 1732 г., сочинение Д. Прибиша) до полной утраты одного из них (Катехизис 1744 г.) или обоих (переводы сочинения Коменского).

Интересно, что тексты альманаха «Зора», вышедшие значительно позже рассматриваемых памятников, в плане отражения данных звуков тяготеют не к переводам сочинения Я. А. Коменского, что было бы логично с учетом временного фактора и усиления словакизации, а к религиозным текстам, причем в наибольшей степени к «Розарию души» Д. Прибиша; см. примеры верного употребления рассматриваемых графем:

- (16) *Brzo sem zpozoroval na něm v dalekosti **světlý** blesk, jehož kolo, na kraji **nepřehledného** tohoto **mořička**, vždy více a více rozšiřovalo.*
 ‘Быстро я заметил на нем вдалеке светлую вспышку, очертание которой на краю этого необъятного моря постоянно расширялось’.
 [Šnell 1836: 235]
- (17) <...> *až se **kropěje** slz po její líliové tváři ronily.*
 <...> ‘даже капли слез текли по ее лиловому лицу’.
 [Palucký 1835: 255]
- (18) <...> *tam, kde gako na konci **swěta**, od východu k pólnoci a západu **nepřetrhnutými, přewysokými**⁹ wrchy obmezená.*
 <...> ‘там, где, как на краю света, с востока к югу и западу она ограничена непроходимыми высоченными горами’.
 [Szuhaný 1835: 159]

Krysta, Syna geho gedíného nasseho ‘Верим мы и в Иисуса Христа, нашего сына его единственного’ [1732: A8, страница в тексте не обозначена].

⁸ Катехизис 1634 г. представляет собой новое издание катехизиса 1612 г., официально принятого Жилинским синодом 1610 г. [Žibritová 2011].

⁹ Данное слово было представлено в старочешском языке [Vokabulář 2020].

Тем не менее фиксируется и значительное количество неверного употребления этих графем; ср. примеры:

- (19) <...> *blízký polostrov Tyhaň, na jehož slávném kláštěre věže* [чешск. klášteře věže] *slunečnými pahřeskomi osvícené se blýskaly...*
 <...> ‘рядом расположенный полуостров Тихань, где на башне известного монастыря они блестели, освещенные солнечными лучами’. [Šnell 1836: 236]
- (20) *Po polední vezmúc své pletoihly, Jerzyho dařek* [чешск. darek], *šla do záhrady.*
 ‘После полудня, взяв свои спицы, подарок Ежи, она пошла в сад’. [Palucký 1835: 254]
- (21) <...> *když pře*¹⁰ *dogné krawy trávu aneb dozrelé žito žne.*
 <...> ‘когда для дойных коров она жнет траву или созревшую рожь’. [Szuhány 1835: 159]

3. Дифтонги в евангелических текстах

Язык традиционной словацкой письменности в его классическом (юго-западнословацком) варианте характеризуется отсутствием дифтонгов, причем в нем, как правило, не представлен как генетически чешский дифтонг *ou*, замененный западнословацким долгим монофтонгом /ú/, так и восходящие словацкие дифтонги. Последние, однако, могут появляться в сниженных жанрах письменности регионального характера, начиная с проповедей, хотя это явление не имеет облигаторного характера. Даже в поэтических произведениях словацкого барокко они фиксируются крайне редко [Лифанов 2001: 103–115]. В изученных же евангелических текстах вырисовывается довольно

¹⁰ В данном предложении употреблен словацкий предлог *pre* [чешск. pro], однако он подвергся фонетической богемизации: перед гласным /e/ согласный /r/ был заменен на /ř/, отсутствующий в словацком языке.

оригинальная картина. В текстах катехизисов 1634 и 1744 гг., как правило, верно отражается чешский дифтонг *ou* (графически *au*), причем дифтонгизация отражена даже в начале слова. В катехизисе же 1732 г. представлены обе огласовки, тогда как в остальных текстах почти последовательно чешский дифтонг субституируется словацким долгим монофтонгом. Ср. примеры:

- (22) *⟨...⟩ a dal mi Tělo y Dussy / Oči / Vssy / a wssecky **Audy** / Rozum y wssecky smysly...*

⟨...⟩ ‘и дал мне тело и душу, очи, уши и все члены, разум и все чувства’. [Katechizmus 1634: B3]

- (23) *Pán Bůh hrozý **welikau pokutau** wssechněm těm, kterjž takowá Příkladanj geho přestupugj.*

‘Господь Бог грозит суровым наказанием всем тем, кто нарушает его заповеди’. [Katechizmus 1732: A6 не обозначена]

- (24) 69. *Potoky z prjwaluw **gsau** wody deždowe, prudko dolu tekuce, od kterjch rozwodnenj a powodne biwagj.*

[Komenský 2002: 182]

69. *Potoky z/prywaluw **sau** wody deždowne, prudko dolu tekuce, od kterych rozwodneni a powodne biwagj.*

[Komenský 2009: 11]

‘Паводковые потоки — это стремительно текущая вниз дождевая вода, от которой бывают разливы и наводнения’.

- (25) *Neb gide Pán / a bljsko gest deň Mrakoty / a těmnoštj / deň Oblaku a **bure**.*

‘Ибо идет Господь, а рядом день мрака и темноты, день тучи и грозы’. [Pribiš 1634: D5]

- (26) *Nebo každého dñe mnoho hřessjme, ano **púheho** trestani zaslugheme.*

‘Поскольку мы ежедневно грешим, да, мы все время заслуживаем наказания’. [Katechizmus 1732: B6 не обозначена]

- (27) 57. *Krutjcy wyetor a wjchor do koleša **se** diwne **krutya**.*

[Komenský 2002: 181]

57. *Kruticy se wjtr a wjchor do koleša se diwne krutja.*

[Komenský 2009: 10]

‘Крутящийся ветер и кружащий вихрь имеют удивительное вращение’.

Тексты в альманахе «Зора» уже практически точно отражают словацкую ситуацию и фактически продолжают линию Прибиш — переводы Я. А. Коменского. Ср. примеры:

- (28) <...> *již nastávajícího 1836 roku, k večšej hostů pohodelnosti otevřene budú.*

<...> ‘уже в наступающем 1836 г. они будут открыты для большего удобства гостей’.

[Šnell 1836: 250]

- (29) *Tys byl ve věku tvého Jerzyho, udatný a květící, co on.*

‘Тис был в возрасте твоего Ежи, такой же бравый и цветущий, как и он’.

[Palucký 1835: 257–258]

- (30) *Pozůstalú částku ukrutné noci mezy strachem a náděgou¹¹ o lose swých milých a swého gměnja nešťasnjci stráwili.*

‘Оставшуюся часть ужасной ночи бедняги провели в страхе за судьбу своих дорогих и своего имущества и надеясь на лучшее’.

[Szuhány 1835: 165]

Определенное сходство наблюдается и при отражении восходящих среднесловацких дифтонгов /ie/, /ia/, /uo/, которые обнаруживаются в языке сочинения Д. Прибиша «Розарий души» и переводах сочинения Я. А. Коменского, но отсутствуют в языке всех трех катехизисов. Ср. примеры с дифтонгами:

- (31) <...> *který gj liecj wonnymi / kwietkami.*

<...> ‘который лечит ее благоуханными цветами’.

[Pribiš 1634: D]

¹¹ В формах творительного падежа имен существительных, прилагательных и некоторых местоимений в среднесловацком диалекте представлено окончание -ou, которое, однако, дифтонгом не является [Krajčovič 1988: 24].

- (32) *Tŕy pak hŕjadkj nachazegj se w tego Zahradce.*
 ‘Три грядки, кроме того, находятся в этом саду’. [Ibid.: D]
- (33) *⟨...⟩ kdo sebe samého nezna / ten swoge hŕjchij nikdy oplakáwati a želeti / mnohem meneg wiznawáti bude muocy.*
 ⟨...⟩ ‘кто сам себя не знает, тот никогда не будет способен оплакивать грехи свои и сожалеть о их совершении, в значительно меньшей степени будет признавать их’. [Ibid.: D2]
- (34) *66. Z tch se zberagj rieky a potom welike tekuce wody, ustawične mezy brehy swimy odtekgjce.* [Komenský 2002: 182]
66. Z/tych se zbyeragj ryeky a potom welike tekuce wody, ustawične mezy brehy swymi odtekgjce. [Komenský 2009: 11]
 ‘Из них возникают реки, а затем великие текущие воды, постоянно перемещающиеся от одного своего берега к другому’.
- (35) *54. Snehi siata prikrjwagj, aby od mrazu neb od ledu, kde mrzne, nezamrzlo.* [Komenský 2002: 181]
54. Snehj syatia prykrjwagj, aby od mrazu neb od ledu, kde zmrzne, nezamrzlo. [Komenský 2009: 9]
 ‘Снега прикрывают посевы, чтобы они от мороза или льда не замерзли, там где есть мороз’.
- (36) *73. More kdy se rozihra (:wlny zmjtagjce:), slane gest gako ruosol.* [Komenský 2002: 182]
73. More kdi se rozyhra [wlny zmita] slane gest gako rúsol. [Komenský 2009: 12]
 ‘Море, когда оно разыграется, разбрасывая волны, соленое, как рассол’.

Среднесловацкие восходящие дифтонги выявляются и в текстах альманаха «Зора», что, возможно, свидетельствует о связи их языка с языком более ранних произведений протестантских авторов. Ср. примеры:

- (37) <...> *kde, obzvláště v Kemnicerovském, dle pěkného vkusu vystaveném **kašjeli** vážnější **hostja** vždy svlidnostíou a krajinskou hostinnostíou vítáni bývají.*
 <...> ‘где, особенно в Кемницеровском, в замке, построенном в изысканном вкусе, гостей всегда принимают радушно, с местным гостеприимством’. [Šnell 1836: 251]
- (38) *Pod ňou malý stolik: okolo něho z **bjélé** březy lavice.*
 ‘Под ней столик, около него скамья из белой березы’. [Palucký 1835: 253]
- (39) <...> *její **večernjá** tvóňna padá na vlny této velké polské řeky.*
 <...> ‘ее вечерняя тень падает на волны этой великой польской реки’. [Palucký 1835: 253]
- (40) <...> *swé **národnjé** pjsně utěšeným hlasem, až se dolina ozývá, prozpěwuge.*
 <...> ‘она поет свои народные песни умиротворенным голосом так, что даже отзывается долина’. [Szuhány 1835: 159]
- (41) *Přjpadnost táto gest swědkem času a **okolja** swého.*
 ‘Обстоятельство это есть свидетельство времени и своего окружения’. [Szuhány 1835: 166]

4. Отражение в евангелических текстах чешских перегласовок

Все рассмотренные евангелические тексты отличает хорошая сохранность характерной особенности чешского языка — замены гласных непереднего ряда гласными переднего (перегласовка) в целом ряде позиций, главным образом после функционально мягких согласных. Данное явление в словацком языке отсутствует. При этом в текстах собственно катехизиса 1634 г. и катехизиса 1732 г. перегласованные гласные сохраняются в полном объеме. В других же текстах нарушения представлены, хотя стремление

авторов сохранить формы с перегласовками очевидны. При этом существуют основания утверждать, что, как и в текстах традиционной словацкой письменности, можно говорить о грамматикализации перегласовок хотя бы потому, что суффиксы причастий и деепричастий последовательно сохраняют перегласованные гласные. Возможно, это объясняется тем, что названные формы практически не употребляются в народной речи, поэтому замена чешских форм генетически родственными им словацкими не могла произойти. Ср. примеры:

- (42) *Niekdy magjce* (совр. слов. *majúc*) *y swe y swého Lidu hřijchi Oplakáwatj přorok Hjeremiaš wolal ku Pánu Bohu*.
 ‘Когда-то, будучи должным оплакивать собственные грехи и грехи народа, пророк Иеремия обращался к Господу Богу’.
 [Pribiš 1634: D5]

- (43) 72. *Bublinka bjwa od kwapkagjceg* (совр. слов. *kvapkajúcej kroupege*.
 [Komenský 2002: 182]

72. *Bublinka bywa od kwapkagjceg kroupege*.
 [Komenský 2009: 12]

‘Пузырек появляется из-за капающей капли’.

Примечательно, что в формах причастий и деепричастий перегласованные гласные последовательно сохраняются даже в текстах альманаха «Зора»:

- (44) <...> *tak i plný měsíc, jakoby z lúna Blatoňovho vycházející* (совр. слов. *vychádzajúci*), *jen tu v najskvostnejšej kráse své se zjevuje*.
 <...> ‘так и полная луна, выходящая как бы из лона Балатона, появляется здесь во всем своем великолепии’.
 [Šnell 1836: 251]

- (45) <...> *mladost svú v loně milující* (совр. слов. *milující*) *matky přežijete*.
 <...> ‘молодость свою вы проживете в лоне любящей матери’.
 [Palucký 1835: 256]

- (46) <...> *w potu twáři swóg chléb **hledagjcj*** (совр. слов. hľadajúci) *pilný kragan oře a sege.*
 <...> ‘в поте лица своего трудолюбивый земляк пашет и сеет хлеб свой’. [Szuhány 1835: 159]

В других формах замена перегласованных гласных соответствующими неперегласованными также представлена, однако анализируемый материал является недостаточным для определения этапов грамматикализации и ее специфики в евангелической письменности, поэтому приведем лишь некоторые зафиксированные примеры, отражающие данное изменение:

- (47) <...> *yako list **zanússa*** (чешск. zanáší) *witr od Stromu.*
 <...> ‘как ветер относит лист от дерева’.
 [Pribiš 1634: 1 страница не обозначена]

- (48) 67. *Ale gestly nekde odtoku a odbehu nemagj, **dugu se*** (чешск. dují se) *a do zatok **se rozlyewagu*** (чешск. rozlévají se).
 [Komenský 2002: 182]

67. *Ale gestli niekde od toku a/od behu nemagj, **dugu se** a do zatok **se rozliewagu.*** [Komenský 2009: 11]

‘Но если где-то у них нет стока и слива, они вздуваются и заливают пойму’.

- (49) *Swatu Rjmsku **Stolicu*** (чешск. stolicí) *má člowěk nasledowat we wsselikých wěcech.*
 ‘Святому Римскому престолу человек должен следовать во всех делах’.
 [Katechizmus 1744: A5]

Неперегласованные формы в значительном количестве обнаруживаются и в текстах альманаха «Зора»:

- (50) <...> *že jezero toto na způsob **mořa*** (чешск. moře) *svój odtok a přítok má.*
 <...> ‘что озеро это, подобно морю, имеет отливы и приливы’.
 [Šnell 1836: 243]

- (51) ⟨...⟩ *pro zkušenosť nás do cuziny posílajú* (чешск. *ciziny posílají*).
 ⟨...⟩ ‘нас посылают за границу для приобретения опыта’.
 [Palucký 1835: 256]
- (52) ⟨...⟩ *starca* (чешск. *starce*) *z newědomosti a pŕwěrčiwosti káral*.
 ⟨...⟩ ‘старца он ругал от незнания и суеверия’.
 [Szuhány 1835: 163]

5. Фонема $\widehat{d\check{z}}$ в католических и евангелических текстах

Одними из наиболее существенных различий между словацким и чешским языками в составе консонантной системы является наличие в первом фонем $\widehat{d\check{z}}$ и $\widehat{d\check{z}}$, отсутствующих в чешском языке. При этом фонема $\widehat{d\check{z}}$ имеет разное происхождение: в словацком языке в целом она восходит к праславянскому сочетанию $*dj$, а кроме того, в ряде говоров западнословацкого диалекта — к звуку $[dʲ]$. В чешском же языке рефлексом $*dj$ является фонема $/z/$, тогда как фонема $\widehat{dʲ}$ осталась без изменения. Словацкие католические и протестантские тексты по признаку неотражения фонемы $\widehat{d\check{z}}$ ¹² сохраняют единство вплоть до середины XVIII в., так как в них не передается $\widehat{d\check{z}}$, восходящая к праславянскому сочетанию $*dj$. Этот факт в католических текстах объясняется тем, что авторы идентифицировали ее со звуком $[d\check{z}]$, возникшим из мягкого $\widehat{dʲ}$ и характеризовавшим прежде всего югозападнословацкие говоры — основной компонент письменной традиции (наряду с древнечешским языком), формировавшейся в г. Трнава и затем распространившейся по всей территории Словакии. Звук $[d\check{z}]$ из мягкого $\widehat{dʲ}$, однако, фиксируется

¹² Фонема $\widehat{d\check{z}}$ в словацком языке имеет низкую частотность, вследствие чего мы располагаем небольшим количеством примеров, в которых она могла бы быть потенциально представленной, поэтому ее наличие или отсутствие в письменных текстах мы не рассматриваем.

лишь в наиболее древних памятниках западнословацкого происхождения¹³, а затем подвергается субституции мягким /d'/. Автоматически субституируется и фонема /d̄z/, восходящая к *dj, и даже /c/, восходящая к *tj. Только во второй половине XVIII в. фонема /d̄z/, восходящая к *dj, начинает закрепляться в языке католической письменности, о чем свидетельствует язык проповедей Д. Мокоша (1752–1774), стихотворное произведение Г. Гавловича «Пастушья школа» (1755), роман Й. И. Байзы «Похождения и опыт юноши Рене» (1783–1785) и др., кодифицируется употребление этой фонемы А. Бернолаком (1787).

В рассмотренных протестантских текстах данная фонема также отсутствует. Полагаем, что причина тому была иная, по сравнению со случаями, описанными выше, то есть не специфика восприятия этой фонемы авторами как элемента просторечия, а ее отсутствие в чешском языке, в котором рефлексом праславянского сочетания *dj является фонема /z/. Оба рефлекса, чешский /z/ и словацкий /d̄z/, фиксируются только в одном из переводов сочинения Коменского [Komenský 2002], что на общем фоне рассмотренных текстов позволяет интерпретировать это явление как очевидное отклонение, поскольку словацкий рефлекс отсутствует даже в евангелических текстах альманаха «Зора». Ср. примеры:

(53) *Nebo sám Pán Krystus to potvrzugě řka...*

‘Ибо сам Господь Бог подтверждает это, говоря...’

[Pribiš 1634: F2]

(54) <...> *musy člowěk mezi wssemi hrjchy smrtedlnými / záwist' / hněw a wsseliku kyselost proti Blžnjmu swému odhoditi.*

<...> ‘человек вместе со всеми смертными грехами должен отбросить зависть, гнев и всякое уныние по отношению к своему ближнему’.

[Katechismus 1744: B4]

¹³ Иной предстает картина в восточнословацких памятниках письменности, в которых [d̄z] и [c] независимо от их происхождения являются полноправными членами системы консонантизма.

- (55) 28. *A teto su tela sprosteho prirodenj, z kterych tela zložene (:neb zmjsslane:) bjwagj.* [Komenský 2002: 180]
 28. *Altyeto gsau tela sprosteho[ho] prirozenj, z kterych bywagj tela složene.* [Komenský 2009: 4]
 ‘А это — причинное место, являющееся частью тела’.
- (56) 33. *Mezy kterimj negwižssj g[es]t Mesjc...* [Komenský 2002: 180]
 33. *Mezi kterimi neywissy gest Mesic...* [Komenský 2009: 5]
 ‘Среди которых выше всех находится Луна...’
- (57) <...> *kde co k nějakému svátku z vícehodinné dalekosti k vřídlu to-
 muto hromadně přicházejí.*
 <...> ‘они в праздник из многочасового далека массово приез-
 жают к этому источнику’. [Šnell 1836: 249]
- (58) *Skrovny prameň šeptavě se pomezy¹⁴ roztrúšená bndoviska (!) točí
 a vesnicu mezy dva šlachtice dělí.*
 ‘Незаметный источник тихонько течет между разбросанными
 постройками и делит деревню между двумя дворянами’.
 [Palucký 1835: 253]
- (59) <...> *tam, kde gako na konci světa, od východu k pólnoci a západu
 nepřetrhnutými, přewysokými wrchy obmezená.*
 <...> ‘там, где, как на краю света, с востока к югу и западу она
 ограничена непроходимыми высоченными горами’.
 [Szuhány 1835: 159]

Из других фонетических особенностей языка евангелических текстов отметим полное отсутствие в них сочетания *šč*, возникшего из праславянских сочетаний *stj, *skj и *sk перед гласным переднего ряда, широко представленных в традиционной словацкой письменности и в кодификации А. Бернолака.

¹⁴ Примечательно, что фонема /dz/ не представлена даже в словацком двойном предлоге, отсутствующем в чешском языке.

6. Заключение

Сопоставив все рассмотренные языковые данные, можно констатировать, что внутри евангелической письменности зарождается тенденция к словакизации чешского языка, во многом отличная от традиционной общесловацкой, в итоге приведшей к кодификации литературного языка католиком А. Бернолаком. Если мы сопоставим произведения высших жанров евангелической и католической литературы по характеру языка, заметим, что для них характерна разная диалектная ориентация. Несмотря на то, что основой обоих идиомов является чешский язык, католическая литература очевидно тяготеет к югозападнословацкому региону, тогда как евангелическая — к северному среднесловацкому. В связи с этим становится понятным факт кодификации литературных языков католиком А. Бернолаком на основе идиома с инвариантом в югозападнословацком регионе и уже — в городе Трнава, а протестантом Л. Штуром — на основе идиома липтовского типа¹⁵. Тенденция словакизации чешского языка в евангелических текстах, однако, не являлась устойчивой, ее представлял весьма ограниченный корпус текстов, который, тем не менее, был в языковом отношении жанрово дифференцированным, поскольку язык катехизисов подвергался словакизации в значительно меньшей степени, чем язык сочинения Д. Прибиша и переводов труда Я. А. Коменского. Вследствие этого можно констатировать, что словакизация языка евангелических текстов представляла собой периферийное явление, не достигшее такого размаха, как словакизация языка традиционной словацкой письменности, приведшая к формированию особого письменного языка, отличавшегося достаточно строгой нормированностью.

Литература

Лифанов 1998 — К. В. Лифанов. Грамматикализация перегласовок как характерная особенность языка памятников словацкой письменности //

¹⁵ Липтов — историческая область северо-восточной части среднесловацкого региона, в которой находился одноименный комитат.

- Г. К. Венедиктов (отв. ред.). Славянские литературные языки эпохи Национального Возрождения. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 261–275.
- Лифанов 2000 — К. В. Лифанов. Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М.: Издательство Московского университета, 2000.
- Лифанов 2001 — К. В. Лифанов. Генезис словацкого литературного языка (LINCOS Studies in Slavic Linguistics 21). Muenchen: Lincom Europa, 2001.
- Лифанов 2013 — К. В. Лифанов. Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком // Славяноведение. 2013. № 1. С. 83–90.
- Лифанов 2015 — К. В. Лифанов. Язык словацкого издания Катехизиса М. Лютера 1634 г. как отражение формирующейся языковой ситуации в среде словацких евангеликов // Slavia. 2015. Roč. 84. Č. 2. S. 203–212.
- Смирнов 1978 — Л. Н. Смирнов. Формирование словацкого литературного языка в эпоху Национального Возрождения // С. Б. Бернштейн (отв. ред.). Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 86–157.
- Ďurovič 2008 — E. Ďurovič. Zpráva pjsma slowenského Tobiáša Masnicia a problém slovenskej identity // Slovenská reč. 2008. Roč. 73. Č. 3. S. 129–138.
- Ďurovič 2015 — E. Ďurovič. Pôvod a podoby češtiny ako spisovného jazyka Slovákov (Niektoré závery z filologickej analýzy Bardejovského katechizmu) // Slovenská reč. 2015. Roč. 80. Č. 3–4. S. 133–156.
- Krajčovič 1988 — R. Krajčovič. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988.
- Vážný 1936 — V. Vážný. Spisovný jazyk slovenský // Československá vlastivěda. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha: Sfinx, 1936. S. 145–215.
- Žibritová 2011 — G. Žibritová. Žilinská synoda a Katechizmus z roku 1612: Vydavateľsko-tlačiarenské aspekty // M. Kovačka (ed.). Pramene k duchovným dejinám Slovenska (elektronický zdroj). Martin: Slovenská národná knižnica, 2011. URL: <http://www.snk.sk/?CF2> (дата обращения 13.06.2013).

Источники

- Katechizmus 1634 — Katechyzmus D. M. Luthera z Nemeckého Yazika na Slowenský preložený. Od trech Super Attendantůw roku 1612 Njny Znowu od Wysoce Vrozeneg a Welikomožnég Páňeg / Pánij Kateriny Turzo = Groff Wëlikomožného

- a na Kessmarku Slobodného Pana / Pana To(e)fo(e)lj¹⁶ Ysstwana Manželky werneg / vlastnym nakladkem obnoweny... 1634.¹⁷
- Katechizmus 1732 — Catechesis minor D. Martini Lutheri, Bohemicè & Latinè Edita. Anno MDCCXXXII.
- Katechizmus 1744 — Krestianský Katechizmus Doktora Martina Luthera, z geho vlastnjch Knih wypsaný, predtym w městě Würzburgu od Ludwjka Uszleber Pánům Lutheránům na Nowý Rok obětowaný. Nynj pak S nákladem Bybliotheky, Polemico Catechetica, Towaryšstwa Gežjssowého w Pressporku v swatého Salwátora, opět wydatý. Wytisštěný w Pressporku w Impressy Royerský, 1744.
- Komenský 2002 — Dvere jazyku latinského odemknute zlate (1666) // Pramene k dejinám slovenčiny 2. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2002. S. 179–233.
- Komenský 2009 — J. A. Comenii. Ianva lingvae latinae reserata aurea. Leutschovia, 1643. A tanulmányt írta Käfer István. Budapest: Országos Széchényi Könyvtár, 2009.
- Palucký 1835 — A. Palucký. Jelka // Zora. Almanach. W Bud'íne: literami Král. Univ. ers. Tiskárne, 1835. S. 251–268.
- Pibiš 1634 — Rosarium Animae // Katechyzmus D. M. Luthera z Nemeckého Yazika na Slowenský preložený. Od trech Super Attendantůw roku 1612 Njny Znowu od Wysoce Vrozeneg a Welikomožnég Páňeg / Pánij Kateriny Turzo = Groff Wělikomožného a na Kessmarku Slobodného Pana / Pana To(e)fo(e)lj Ysstwana Manželky werneg / vlastnym nakladkem obnoweny... 1634.
- Szuhány 1835 — M. Szuhány. Odplata za prorocťw // Zora. Almanach. W Bud'íne: literami Král. Univ. ers. Tiskárne, 1835. S. 159–166.
- Šnell 1836 — K. Šnell. Pamatnosti Blatoňa // Zora. Almanach. W Bud'íne: literami Král. Univ. ers. Tiskárne, 1836. S. 235–254.
- Vokabulár 2020 — Vokabulár webový: webové hnízdo pramenů k poznání historické češtiny [online]. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., oddělení vývoje jazyka. © 2006–2020. Verze dat 1.1.15. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx?hw=p%C5%99%C4%9Bvysok%C3%BD> (дата обращения 20. 6. 2020).

References

- Đurovič 2008 — E. Đurovič. Zpráva pjsma slowenského Tobiáša Masnicia a problém slovenskej identity. *Slovenská reč*. 2008. Vol. 73. Iss. 3. P. 129–138.

¹⁶ В оригинале буквы е в данной фамилии напечатаны над буквами о.

¹⁷ Собственно катехизис напечатан на страницах с буквами А—С, а также необозначенных, а текст Rosarium Animae — с буквами D—F и также необозначенных.

- Đurovič 2015 — L. Ďurovič. Pôvod a podoby češtiny ako spisovného jazyka Slovákov (Niektoré závery z filologickej analýzy Bardejovského katechizmu). *Slovenská reč*. 2015. Vol. 80. Iss. 3–4. P. 133–156.
- Krajčovič 1988 — R. Krajčovič. *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988.
- Lifanov 1998 — K. V. Lifanov. Grammatikalizatsiya pereglasovok kak kharakternaya osobennost' yazyka slovatskoy pis'mennosti [Grammaticalization of umlauts as a characteristic feature of the language of Slovak writing]. G. K. Venediktov (ed.). *Slavzanskiye literaturnye yazyki epokhi Natsional'nogo Vozrozhdeniya* [The Slavic literary languages of the era of National Renaissance]. Moscow: Institute of Slavic Studies Press, 1998. P. 261–275.
- Lifanov 2000 — K. V. Lifanov. *Yazyk dukhovnoy literatury slovatskikh katolikov XVI–XVIII vv. i kodifikatsiya A. Bernolaka* [Language of spiritual literature of Slovak Catholics of the XVI–XVIII centuries and codification of A. Bernolak]. Moscow: Moscow University Publishing House, 2000.
- Lifanov 2001 — K. V. Lifanov. *Genesis slovatskogo literaturnogo yazyka* [Genesis of the Slovak literary language]. (LINCOM Studies in Slavic Linguistics 21). Muenchen: Lincom Europa, 2001.
- Lifanov 2013 — K. V. Lifanov. Problema dialektnoy osnovy slovatskogo literaturnogo yazyka, kodifitsirovannogo A. Bernolakom [The problem of the dialect basis of the Slovak literary language codified by A. Bernolak]. *Slavyanovedeniye*. 2013. Iss. 1. P. 83–90.
- Lifanov 2015 — K. V. Lifanov. Yazyk slovatskogo izdanya Katekhizisa M. Ľutera 1634 g. kak otrazheniye formiruyushcheyasya yazykovoy situatsii v srede slovatskikh yevangelikov [The language of the Slovak edition of M. Luther's Catechism 1634 as a reflection of the emerging language situation among Slovak evangelicals]. *Slavia*. 2015. Vol. 84. Iss. 2. P. 203–212.
- Smirnov 1978 — L. N. Smirnov. Formirovaniye slovatskogo literaturnogo yazyka v epokhu Natsional'nogo Vozrozhdeniya [Formation of the Slovak literary language during the National Revival]. S. B. Bernshtejn (ed.). *Natsional'noye Vozrozhdeniye i formirovaniye slavyanskikh literaturnykh yazykov* [National Revival and formation of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka, 1978. P. 86–157.
- Vážný 1936 — V. Vážný. Spisovný jazyk slovenský. *Československá vlastivěda*. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha: Sfinx, 1936. S. 145–215.
- Žibritová 2011 — G. Žibritová. Žilinská synoda a Katechizmus z roku 1612: Vydavateľsko-tlačiarenské aspekty. M. Kovačka (ed.). *Pramene k duchovným dejinám Slovenska* (elektronický zdroj). Martin: Slovenská národná knižnica, 2011. Available at: <http://www.snk.sk/?CF2> (accessed on 13.06.2013).

Арденнский региолект: особенности функционирования и оценка витальности

Т. И. Ретинская

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (Орел, Россия);
tatret@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования арденнского региолекта и оценке способности обозначенного идиома к самосохранению. Эмпирической базой исследования послужили как данные многочисленных региолектографических изданий, так и результаты полевых экспериментов. Изучение социолингвистического статуса регионального варианта национального языка сопровождалось шкалированием степени витальности регионализмов и систематизацией экстра- и интралингвистических факторов, способствующих поддержанию жизнеспособности исследуемого языкового субстрата.

Ключевые слова: арденнский региолект, региолектофон, полевой эксперимент, шкалирование витальности регионализмов, веб-картографирование региональных лексем.

Ardennes regiolect: Functioning and vitality evaluation

T. I. Retinskaya

I. S. Turgenev Orel State University (Orel, Russia); tatret@mail.ru

Abstract. The article addresses the peculiarities of the functioning of the Ardennes regiolect and its potential for self-preservation. The study builds on data from numerous lexicographic publications and linguistic atlases, as well as on field findings. Apart from assessing the sociolinguistic status of this regional variant of French, the article scales the vitality of regionalisms based on four criteria: 1) the use of a lexical unit by successive generations; 2) the use of a regionalism on the area of two or more communities; 3) appurtenance of a given lexeme exclusively to the regional stock; 4) availability

of regiolect-receptive realia. The time-tested method of our field work, carried out in 2016–2020 in twelve communes of the Ardennes Department of the Grand Est Region (France), allows systematizing extra- and intralinguistic factors that contribute to the viability of the language substrate under study. Field records including an indication of high, medium or low vitality of ardennisms are reflected in the regiolectographic card index.

Interactive web maps for the areas canvassed, accessible to mobile gadgets, will be developed based on our findings including inventories of the universal and specific features of the Ardennes regiolect, systematized for data on our consultants by age, profession, social status, and place of residence to be used for a representative selection of locally restricted lexical units. This format of interaction with the regiolect speakers will allow the publication of comments and valuable information on the use of regionalisms recorded in the web atlas, uploading audio files, developing a system of labels that broadcast data not only about the vital power of the inventoried regionalisms, but also about the revitalization of elements of a specific lexical continuum.

Special attention is paid to the description of various forms of interaction with regiolectophones, focused on the preservation of the regional idiom as “intangible cultural heritage”.

Keywords: Ardennes regiolect, regiolectophone, field experiment, scaling the vitality of regionalisms, web mapping of regional lexemes.

1. Введение

В фокусе анализа настоящей статьи находится арденнский региолект как одна из пространственных форм французского языка. Следует отметить, что лексические единицы этой гетерогенной лингвистической макросистемы достаточно основательно инвентаризированы¹: опубликован уникальный четырехтомный «Лингвистический и этнографический атлас провинций Шампань и Бри»² Анри Бурсело [1966, 1969, 1978, 2012], в национальных и региональных

¹ О значимости обработки лексикографических данных при проведении полиаспектного исследования специфических вокабуляров см. работу Э. М. Береговской [Береговская 2007: 218].

² Диалектологические карты обозначенного издания отражают в том числе состояние идиома на территории департамента Арденны.

издательствах регулярно издаются словари [Bésème-Pia 2011; Huart 1988; Tamine 2006] и словарные списки арденнских регионализмов [Colin 1957; Dauvin 2005a; Tamine, Cecconello 1994].

В ходе разнообразных полевых экспериментов³ осуществлена классификация языкового материала, зафиксированного французскими региолектографами, исходя из определенной степени витальности. Цель статьи — охарактеризовать особенности функционирования арденнского идиома, оценить способность региолекта к самосохранению, классифицировать факторы, способствующие ревитализации регионального варианта национального языка, и обозначить перспективы исследования.

2. Методы

Для систематизации элементов арденнского узуса применяются описательно-аналитический, таксономический и сравнительно-сопоставительный методы лингвистических исследований.

³ Полевые записи, сделанные в ходе двенадцати командировок (январь — февраль, июль — август, октябрь 2016 г., февраль — март, июль — август, октябрь — ноябрь 2017 г., апрель — май, июль — август, ноябрь — декабрь 2018 г., апрель — май, июль — август 2019 г., январь — февраль 2020 г.), отражены в региолектографической картотеке, включая указание на высокую, среднюю или низкую витальность единиц языкового субстрата. Проведение системной полевой работы стало возможным благодаря поддержанному РФФИ научному проекту № 16-04-50078 «Региональные варианты французского языка: социолингвистическое и лингвостилистическое описание (на материале шампанского и арденнского региолектов)» (2016–2018 гг.) и научным командировкам, организованным по инициативе Национального комитета Франции по ономастике (Национальные архивы Франции). Подробнее об особенностях организации полевых экспериментов см. в [Ретинская 2017; Retinskaya 2020]. Результаты проведенных исследований систематически обсуждаются на заседаниях Международной научно-исследовательской лаборатории «Проблемы социального и территориального разноречия», функционирующей в Орловском государственном университете им. И. С. Тургенева.

Такие основополагающие методы сбора социолингвистических данных, как включенное наблюдение⁴, анкетирование, интервьюирование и метод «свой от своего»⁵, позволяют уточнить степень живучести регионального слова.

В полевых экспериментах приняли участие 59 информантов. Анкетирование и интервьюирование проведены в населенных пунктах Вузье (*Vouziers*), Дрез (*Draize*), Лалоб (*Lalobbe*), Ла-Невиль-ле-Вазиньи (*La Neuville-lès-Wasigny*), Либреси (*Librecy*), Марлемон (*Marlemont*), Монмейян (*Montmeillant*), Новьон-Порсьен (*Novion-Porcien*), Перт (*Perthes*), Сери (*Sery*), Синьи л'Аббеи (*Signy l'Abbaye*), Сюри (*Sury*).

Важными элементами алгоритма исследования жизнеспособности регионального идиома являются изучение результатов его лексикографической фиксации, анализ семантической дифференциации региональных лексем и шкалирование витальности регионализмов с последующим выделением единиц, относящихся к общему региолекту.

Приведем пример оформления региолектографической карточки (см. *Рис. 1*), в которой в том числе маркируется высокая (*grande vitalité / GV*), средняя (*vitalité moyenne / VM*) и низкая (*faible vitalité / FV*) витальность лексического фонда. В карточку включается также фрагмент обработанного интервью.

3. Результаты

Изучение социолингвистического статуса регионального языкового субстрата и жизненной силы элементов обозначенного лингвистического ареала сопровождалось шкалированием степени

⁴ Метод «включенное наблюдение» использован главным образом при участии в рекреативных занятиях и традиционных фольклорных и семейных праздниках.

⁵ Термин А. С. Герда [Герд 2006: 203]. Эффективность метода «свой от своего» неоднократно подтверждалась при проведении работы в поле, направленной на фиксацию живой речи пользователей тех или иных территориальных или социальных диалектов (см., например, [Retinskaya 2015: 35–36]).

<p><i>cous raides n. m.pl.</i> habitants de Librecy (commune de Signy l'Abbaye, Ard.)</p> <p>— Connaissez-vous le surnom des habitants de votre village et celui des villages voisins ?</p> <p>— À ma connaissance, les habitants de mon village n'ont pas de surnoms. [...]. Par contre, les habitants de Librecy, nous les appelons les <i>cous raides</i>.</p> <p>— Quelle est la signification de cette appellation ?</p> <p>— Il existe deux versions. La première, <i>cou raide</i> parce qu'ils tiennent le cou raide ; cela veut dire <i>Ils sont prétentieux, orgueilleux</i>. La deuxième : à l'époque, les habitants portaient des chemises avec des cols amidonnés ; ça les obligeait à tenir le cou bien droit.</p> <p>[Lalobbe, 14/11/2017]</p>	<p>Ardennes (<i>Draize, Lalobbe, La Neuville-lès-Wasigny, Librecy, Marlemont Montmeillant, Novion-Porcien, Perthes, Sery, Signy l'Abbaye, Sury, Vouziers</i>)</p> <hr/> <p style="text-align: center;"><i>GV</i></p>
---	--

Рис. 1. Региолекттографическая карточка, снабженная информацией о степени витальности региональной лексемы

Fig. 1. Regiolectographic card with information about the degree of vitality of the regional lexeme

витальности региональных лексем с выделением нескольких маркеров: 1) использование лексической единицы из поколения в поколение; 2) фиксация регионализмов на территории двух и более населенных пунктов; 3) принадлежность лексемы исключительно к региолектному фонду; 4) наличие региолекторецептивных реалий.

Инвентаризации универсальных и специфических черт арденнского региолекта, сопоставление экстра- и интралингвистических факторов, оказывающих влияние на поддержание анализируемого языкового субстрата, систематизация данных об информантах разных возрастов, профессий, социального положения и о населенных пунктах, в которых проводятся полевые эксперименты, будут учтены в ходе репрезентативного отбора регионализмов с целью их последующего веб-картографирования в интерактивной форме, доступной мобильным гаджетам. Этот формат взаимодействия прежде всего

с носителями региолекта позволит осуществлять публикацию комментариев и ценной информации об использовании зафиксированных в веб-атласе регионализмов, загружать аудиофайлы, записанные в ходе работы в поле, разрабатывать систему меток, транслирующих данные как о витальной силе инвентаризированных регионализмов, так и о ревитализации элементов специфического лексического континуума.

4. Обсуждение

Сопоставление разных по объему патуа, или говоров отдельных сельских населенных пунктов, департамента Арденны французского региона Гранд-Эст в частности и арденнского региолекта в целом в конце второго десятилетия XXI века дает основание утверждать, что специфический лексический континуум включает в себя не только лексемы, обозначающие региональные реалии, не отраженные в общенациональном фонде и перешедшие в разряд историзмов или архаизмов, но и арденнзмы, сосуществующие с единицами общенационального фонда.

В ходе проведения полевых исследований значительное внимание уделено тематической инвентаризации регионального языкового субстрата. Все зарегистрированные единицы анализируемого idioma ранжированы исходя из принадлежности к тому или иному семантическому макрополю. Большинство регионализмов относятся к таким семантическим доминантам, как «Человек», «Трудовая деятельность», «Ведение домашнего хозяйства», «Традиционные праздники», «Ландшафт», «Погодные условия». В ходе сопоставления регионализмов сделан вывод о том, что процесс номинации занятий и ремесел исходит прежде всего из потребности региолектофонов обозначить уникальность трудового процесса и зависимость от местности, позволяющей реализовывать конкретный вид деятельности, приносящей доход и отражающей особые профессиональные знания и умения. Так, для арденнского региолекта значимыми являются такие семантические микрополя, как «Лесоводство» и «Скотоводство».

Упомянем о том, что отдельные региолектографические издания содержат индикаторы, указывающие на степень живучести регионального идиома. Приведем в качестве примера региональные личные имена, употребляемые в функции обращения (см. *Таблица 1*). Так, в качестве маркеров витальности применяются нижеследующие характеристики⁶:

- 1) *rare* ‘редко встречаемый оним’;
- 2) *très rare* ‘крайне редко встречаемый оним’;
- 3) *se perd* ‘[оним] выходит из употребления’;
- 4) *devient rare* ‘[оним] переходит в категорию редко фиксируемых’;
- 5) *courant* ‘частотный оним’;
- 6) *revient* ‘[оним] вновь фиксируется в речи’;
- 7) *revenu* ‘[оним] вновь закрепился в речи’.

Таблица 1. Региональные личные имена, употребляемые в функции обращения, снабженные информацией о степени витальности

Table 1. Regional personal names used in the appellative function, supplied with information about the degree of vitality

Личные имена	Гипокористический вокатив	Коэффициент использования
Мужские имена	<i>Adophe < Adolphe</i>	<i>rare</i>
	<i>Bâstien < Sébastien</i>	<i>rare</i>
	<i>Bèbert < Robert</i>	<i>se perd</i>
	<i>Boise < Ambroise</i>	<i>revient</i>
	<i>Dédé < André</i>	<i>courant</i>
	<i>Didi < Didier</i>	<i>revient</i>
	<i>Fèfède < Alfred</i>	<i>rare</i>
	<i>Nésime < Onésime</i>	<i>rare</i>
	<i>Pamile < papa Émile</i>	<i>rare</i>
	<i>Phlippe < Philippe</i>	<i>courant</i>
	<i>Riri (Riton) < Henri</i>	<i>se perd</i>
	<i>Sisi < Sylvain</i>	<i>revenu</i>
	<i>Totôme < Chrysostôme</i>	<i>très rare</i>

Продолжение Таблицы 1 на с. 176

⁶ Цитируемые ниже маркеры витальности предложены А. Бурсело [Bourcelot 2012: 152–153].

Продолжение Таблицы 1 со с. 175

Личные имена	Гипокористический вокатив	Коэффициент использования
Женские имена	<i>Babette (Betty, Bette) < Élisabeth</i> <i>Binbin < Bénigne</i> <i>Biyelle < Gabrielle</i> <i>Dédette < Bernadette</i> <i>Délaïde < Adélaïde</i> <i>Égate < Agate</i> <i>Fillette < Joséphine</i> <i>Guiguite (Guite) < Marguerite</i> <i>Lonie < Léonie</i> <i>Nanette (Nanine) < Anne (Annie)</i> <i>Nothalie (Thalie) < Nathalie</i> <i>Seuseu (Zazanne, Zaza) < Suzanne</i> <i>Zabelle (Zaza) < Isabelle</i>	<i>revenu</i> <i>devient rare</i> <i>se perd</i> <i>courant</i> <i>très rare</i> <i>très rare</i> <i>rare</i> <i>devient rare</i> <i>rare</i> <i>courant</i> <i>revient</i> <i>devient rare</i> <i>revient</i>

Считаем важным представить общие закономерности инкорпорации территориально ограниченных в употреблении единиц в ткань регионального текста. Анализ пятнадцати источников [Bourdon 2001; Braibant 1933; Champenois 2015; Cressot 1987; Dauvin 2005b; Dhôtel 1979; Féquant 1992; Gibeau 1988; Hureauux 1998; Lemaitre 1957; Leroux 1985; Malicet 1962; Petitfaux 1993; Rogissart 1994; Séry 1979] показывает, что бо́льшая часть региональных слов вводится в ткань художественного и медиатекста посредством прямого (контекстуального) метода употребления лексических единиц без дополнительных средств семантизации: авторы полагаются на знание этих единиц носителями региолекта. Эти так называемые контекстуальные регионализмы обладают высокой степенью витальности.

В отдельных случаях авторы указывают на специфический вокабуляр, прибегая к таким средствам актуализации семантического содержания единиц регионального языкового субстрата, как расшифровка через более или менее прозрачный перифраз, подробное толкование, параллельное использование регионализма и нормативной лексики. Обращает на себя внимание тот факт, что регионализмы, введенные в вышеупомянутые публицистические и художественные

тексты посредством перевода с региолекта на литературный французский и перевода с литературного языка на региолект, в большинстве случаев обладают низкой витальностью.

Стоит подчеркнуть, что именно комплексный подход⁷ к анализу обозначенного языкового субстрата и репрезентативный отбор компонентов регионального вокабуляра позволяют не только описать современное состояние территориальных модификаций французского языка и осуществить «сегментирование территорий» (*fragmentation du terrain* / термин Гилен Брен-Триго [Brun-Trigaud 1992: 51]), на которых функционирует региональный идиом, но и выделить экстра- и интралингвистические факторы, способствующие сохранению региолекта и обеспечению преемственности в региональной культуре.

Так, к экстралингвистическим факторам отнесем нижеследующие параметры:

- 1) признание статуса регионального варианта языка как «нематериального культурного наследия»;
- 2) придание значимости территории, на которой функционирует региональная форма существования языка;
- 3) потребность позиционирования региолекта как формы языка, позволяющей локализовать ее носителей;
- 4) потребность использования регионализмов в эстетической функции (в частности, для создания регионального художественного и публицистического текстов; работа по региолектографированию (см. [Ретинская 2019]) показывает, что писатели-областники постоянно обращаются к лексическому фонду арденнского идиома).

В свою очередь, интралингвистические факторы представлены такими показателями, как:

⁷ Комплексное исследование регионального варианта национального языка проводится по семи критериям: 1) объем лексического фонда; 2) источники и механизмы формирования вокабуляра; 3) семантические доминанты; 4) синонимика; 5) тропологическое пространство; 6) первичные и вторичные функции; 7) портрет типичного пользователя региолекта.

- 1) обращение исключительно к лексическому фонду региолекта (отсутствии денотата в общестандартном лексическом репертуаре);
- 2) потребность использовать регионализмы для обозначения и экспликации региолекторецептивных реалий;
- 3) введение в речь регионализмов, в лексических значениях которых актуализируется дополнительная сема, в большинстве случаев передающая пейоративную или мелиоративную оценку объекта номинации.

Небезынтересно отметить, что носители региолекта проявляют интерес к апробации различных форм ревитализации регионального языкового субстрата. В качестве примера приведем коллективную работу по постановке пьес, в текст которых инкорпорированы регионализмы, и организацию квестов на знание элементов региональной лингвокультуры. По мнению региолектофонов, поддержанию регионального идиома способствуют организация цикла теле- и радиопередач о носителях региолектов на национальном и региональных каналах, проведение конкурса на лучшее художественное произведение писателей-областников, организация Дня региолекта. Зачастую именно местные медиатеки являются центрами по сохранению региональных идиомов. В качестве примера активного взаимодействия с пользователями региолекта упомянем Медиатеку им. Ива Коппенса, расположенную в коммуне Синьи л'Аббеи. Театральная студия Медиатеки довольно часто реализует проекты для жителей коммуны Синьи л'Аббеи и близлежащих коммун, одной из задач которых является сохранение локальных форм речи и поддержание условий, необходимых для функционального применения регионального варианта национального языка. При этом подчеркнем значимость исследований лингвистов: разного рода работы вносят определенный вклад в ревитализацию региолектов. Созданный в ходе полевых исследований «Глоссарий регионализмов из произведений шампанских и арденнских авторов» [Ретинская 2019] неоднократно использовался для написания текстов пьес: их авторы обращаются к этой словарной работе с целью поиска региональных лексем для введения в реплики персонажей. Такого рода языковой материал неизменно

вызывает интерес у актеров и зрителей и, вне всякого сомнения, будет востребован, поскольку возрастают коммуникативные потребности представителей обозначенной референтной группы и трансформируются их ценностные ориентации.

5. Заключение

Итак, в нашей работе на примере арденнского региолекта уточнены статус и функции территориального варианта национального языка и проанализированы индикаторы, указывающие на степень живучести регионального идиома.

Эмпирической базой исследования послужили как данные многочисленных региолектографических изданий, так и результаты полевых экспериментов, посвященных исследованию жизнеспособности обозначенного идиома. Апробированная модель полевой работы позволяет оценить динамику функционирования языкового субстрата, способы его ревитализации и систематизировать экстра- и интралингвистические факторы, способствующие поддержанию витальной силы региолекта. Данный подход можно применить при исследовании не только других французских региолектов, но и пространственных форм любого национального языка.

Перспективой исследования может быть, с одной стороны, изучение системы ревитализации региональных форм французского языка, с другой стороны, веб-картографирование локально ограниченных в употреблении лексических единиц, обладающих высокой жизненной силой.

Литература

Береговская 2007 — Э. М. Береговская. О современном состоянии русской социодialeктной лексикографии // И. А. Королева (ред.). Восьмые Поливановские чтения. Ч. 3. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. С. 215–222.

- Герд 2006 — А. С. Герд. О лингвистическом подходе к понятию «жаргон» // А. Бирих, Т. В. Володина (ред.). Слово в словаре и дискурсе. М.: ООО «Изд-во “ЭЛПИС”», 2006. С. 201–208.
- Ретинская 2017 — Т. И. Ретинская. Методология изучения витальности регионального слова (на материале шампанского и арденнского региолектов) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 4 (77). С. 143–147.
- Ретинская 2019 — Т. И. Ретинская. Глоссарий регионализмов из произведений шампанских и арденнских авторов. Орел: Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева, 2019.
- Bésème-Pia 2011 — L. Bésème-Pia. Patois ardennais. Le parler de mon village. Langres: Éds Dominique Guéniot, 2011.
- Bourcelot 1966 — H. Bourcelot. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. I. Le temps — La terre. Paris: Éds du CNRS, 1966.
- Bourcelot 1969 — H. Bourcelot. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. II. Les plantes domestiques. Paris: Éds du CNRS, 1969.
- Bourcelot 1978 — H. Bourcelot. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. III. Les plantes sauvages — Les animaux domestiques. Paris: Éds du CNRS, 1978.
- Bourcelot 2012 — H. Bourcelot. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. IV. Animaux sauvages — Activités humaines. Édition mise au point par M. Tamine, professeur à l'Université de Reims — Champagne-Ardenne avec le concours de M.-R. Simoni-Aurembou, directrice de recherche honoraire au CNRS. Paris: Éds du CTHS; Langres: Éds Dominique Guéniot, 2012.
- Brun-Trigaud 1992 — G. Brun-Trigaud. Les enquêtes dialectologiques sur le parler du *Croissant*: corpus et témoins // Langue française. 1992. Vol. 93. № 1. P. 23–52.
- Colin 1957 — J. Colin. Histoire de Neufmanil. Masnil. Vieux Manil. Neufmanil. «Nun-Mani». Dictionnaire — vocabulaire du «vieux» patois de «Neuf» Manil: Neufmanil, Б. и., 1957.
- Dauvin 2005a — R. Dauvin. Lexique // Salut Nénesse! Charleville-Mézières: Éds Terres Ardennaises, 2005. P. 239–351.
- Huart 1988 — D. Huart. Les patois de l'Est-Sedanais en particulier des cantons de Mouzon — Carignan et quelques villages limitrophes de la Meuse et de Belgique. Charleville-Mézières: Imprimerie Ardenn'Offset, 1988.
- Retinskaya 2015 — T. Retinskaya. Argots français de métiers: une étude de terrain // A. Woch (ed.). Pratiques langagières périphériques. Folia Litteraria Romantica 10. Łódź: Acta Universytatis Lodziensis, 2015. P. 33–39. DOI 10.18778/1505-9065.10.05

- Retinskaya 2020 — T. Retinskaya. Les sobriquets collectifs régionaux à partir de l'exemple de Champagne et des Ardennes // M. Tamine, S. Lejeune (eds.). Circulations linguistiques dans les noms propres. Onomastique occitane. Onomastica occitana. Paris: Éds L'Harmattan, 2020. P. 255–267.
- Tamine, Cecconello 1994 — M. Tamine, R. Cecconello. Lexique // Rogissart J. Les Romans rustiques. T. 1. Charleville-Mézières: Éds Terres Ardennaises, 1994. P. 877–895.
- Tamine 2006 — M. Tamine. Le parler des Ardennes. Paris: Christine Bonneton Éditeur, 2006.
- Vauchelet 1979 — A. Vauchelet. Tous les patois des Ardennes. Vieux langages et vieilles choses. Charleville-Mézières: Imprimerie SOPAIC — Savreux, 1979.

Источники

- Bourdon 2001 — F. Bourdon. La Forge au Loup. Paris: Presses de la Cité, 2001.
- Braibant 1933 — Ch. Braibant. Le Roi dort. Paris: Denoël et Steele, 1933.
- Champenois 2015 — R. Champenois. Sécheval. Des glageots aux wèbes. Charleville-Mézières: Éds Terres Ardennaises, 2015.
- Cressot 1987 — J. Cressot. Le Pain au lièvre. Paris: Éds du Club France Loisirs avec l'autorisation des Éds Stock nature, 1987.
- Dauvin 2005b — R. Dauvin. Salut Nénesse! Charleville-Mézières: Éds Terres Ardennaises, 2005.
- Dhôtel 1979 — A. Dhôtel. Lointaines Ardennes. Paris: Arthaud, 1979.
- Féquant 1992 — G. Féquant. Le Ciel des bergers. Mesnil-sur-l'Estrée: La Manufacture, 1992.
- Gibeau 1988 — Y. Gibeau. Mourir idiot. Paris: Éds du Club France Loisirs avec l'autorisation des Éds Calmann-Lévy, 1988.
- Hureauux 1998 — Y. Hureauux. La Beauquette. Chroniques des Ardennes. T. 2 (1996–1997). Dijon-Quetigny: L'Ardennais — Éds La Nuée Bleue, 1998.
- Lemaitre 1957 — G. Lemaitre. Les Hommes du fond. Paris: L'Amitié par le livre, 1957.
- Leroux 1985 — J. Leroux. Léon Chatry, instituteur. Lyon: La Manufacture, 1985.
- Malicet 1962 — Th. Malicet. Debout frères de misère. Paris: Éds Alsatia, 1962.
- Petitfaux 1993 — G. Petitfaux. Les nonnettes. Charleville-Mézières: Éds Terres Ardennaises, 1993.
- Rogissart 1994 — J. Rogissart. Les Romans rustiques. T. 1. Charleville-Mézières: Éds Terres Ardennaises, 1994.
- Séry 1979 — J. Séry. Le coq à l'âtre. Charleville: J.-M. Lenoir, 1979.

References

- Beregovskaya 2007 — E. M. Beregovskaya. O sovremennom sostoyanii russkoy sotsiodialektnoy leksikografii [On the current state of Russian socio-dialectic lexicography]. I. A. Koroleva (ed.). *Vosmye Polivanovskie chteniya* [Eighth Polivanov Readings]. Smolensk: Smolensk State University Publishing House, 2007. Vol. 3. P. 215–222.
- Bésème-Pia 2011 — L. Bésème-Pia. *Patois ardennais. Le parler de mon village*. Langres: Éds Dominique Guéniot, 2011.
- Bourcelot 1966 — H. Bourcelot. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. I. *Le temps — La terre*. Paris: Éds du CNRS, 1966.
- Bourcelot 1969 — H. Bourcelot. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. II. *Les plantes domestiques*. Paris: Éds du CNRS, 1969.
- Bourcelot 1978 — H. Bourcelot. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. III. *Les plantes sauvages — Les animaux domestiques*. Paris: Éds du CNRS, 1978.
- Bourcelot 2012 — H. Bourcelot. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. IV. *Animaux sauvages — Activités humaines*. Édition mise au point par M. Tamine, professeur à l'Université de Reims — Champagne-Ardenne avec le concours de M.-R. Simoni-Aurembou, directrice de recherche honoraire au CNRS. Paris: Éds du CTHS; Langres: Éds Dominique Guéniot, 2012.
- Brun-Trigaud 1992 — G. Brun-Trigaud. Les enquêtes dialectologiques sur le parler du *Croissant*: corpus et témoins. *Langue française*. 1992. Vol. 93. № 1. P. 23–52.
- Colin 1957 — J. Colin. *Histoire de Neufmanil. Masnil. Vieux Manil. Neufmanil. «Nun-Mani»*. Dictionnaire — vocabulaire du «vieux» patois de «Neuf» Manil: Neufmanil, S. 1., 1957.
- Dauvin 2005a — R. Dauvin. Lexique. *Salut Nénesse!* Charleville-Mézières: Éds Terres Ardennaises, 2005. P. 239–351.
- Gerd 2006 — A. S. Gerd. O lingvisticheskom podkhode k ponyatiyu ‘zhargon’ [About the linguistic approach to the concept of “argot”]. A. Birich [Bierich], T. V. Volodina (eds.). *Slovo v slovare i diskurse* [Word in the dictionary and discourse]. Moscow: Editorial ELPIS, 2006. P. 201–208.
- Huart 1988 — D. Huart. *Les patois de l'Est-Sedanais en particulier des cantons de Mouzon — Carignan et quelques villages limitrophes de la Meuse et de Belgique*. Charleville-Mézières: Imprimerie Ardenn'Offset, 1988.
- Retinskaya 2015 — T. Retinskaya. Argots français de métiers: une étude de terrain. A. Woch (ed.). *Pratiques langagières périphériques*. Folia Litteraria Romanica 10. Łódź: Acta Universytatis Lodziensis, 2015. P. 33–39. DOI 10.18778/1505-9065.10.05

- Retinskaya 2017 — T. I. Retinskaya. Metodologiya izucheniya vitalnosti regionalno slova (na materiale champanskogo i ardennskogo regiolektov) [Methodology of studying vitality of the regional word (on the material of the Champagne and Ardennes regiolects)]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 4 (77). S. 143–147.
- Retinskaya 2019 — T. I. Retinskaya. *Glossariy regionalizmov iz proizvedeniy champanskikh i ardennskikh avtorov* [Glossary of regionalisms from the works of Champagne and Ardennes authors]. Orel: Orel State University Publishing House, 2019.
- Retinskaya 2020 — T. Retinskaya. Les sobriquets collectifs régionaux à partir de l'exemple de Champagne et des Ardennes. M. Tamine, S. Lejeune (eds.). *Circulations linguistiques dans les noms propres. Onomastique occitane. Onomastica occitana*. Paris: Éd. L'Harmattan, 2020. P. 255–267.
- Tamine, Ceconello 1994 — M. Tamine, R. Ceconello. Lexique. J. Rogissart (ed.). *Les Romans rustiques*. T. 1. Charleville-Mézières: Éd. Terres Ardennaises, 1994. P. 877–895.
- Tamine 2006 — M. Tamine. *Le parler des Ardennes*. Paris: Christine Bonneton Éditeur, 2006.
- Vauchelet 1979 — A. Vauchelet. *Tous les patois des Ardennes. Vieux langages et vieilles choses*. Charleville-Mézières: Imprimerie SOPAIC — Savreux, 1979.

Японские бенефактивные конструкции и категория инверсива

Н. А. Соломкина

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия);
Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
nataliya.solomkina@gmail.com

Аннотация. Во многих современных работах противопоставление между японскими бенефактивными вспомогательными глаголами *yaru / ageru / sashiageru* ‘давать из сферы говорящего’ и *kureru / kudasaru* ‘давать по направлению к сфере говорящего’ описывается с помощью терминов «инверсив» и «прямое / инверсивное кодирование».

Мы сравнили данные конструкции с двумя общетеоретическими описаниями категории инверсива и обнаружили, что японские бенефактивы не укладываются в задаваемые этими описаниями рамки. В эмпирической части мы анализируем корпусные данные на предмет соответствия прямому и инверсивному кодированию и приходим к выводу, что выбор вспомогательного глагола в бенефактивных конструкциях не поддается полному описанию с помощью прямого / инверсивного кодирования, основанного на иерархии лиц. Наиболее адекватное описание распределения лиц участников в бенефактивной конструкции использует понятия «эмпатия» и «иерархия эмпатии». При этом использование иерархии лиц и одушевленности становится избыточным.

Ключевые слова: японский язык, бенефактивные конструкции, корпусная лингвистика, инверсив, иерархия лиц, направленность действия.

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФ 17-18-01184.

Japanese benefactives and direct-inverse systems

N. A. Solomkina

Moscow City University (Moscow, Russia); Russian State University
for the Humanities (Moscow, Russia); nataliya.solomkina@gmail.com

Abstract. In this article, we examine Japanese benefactive constructions with auxiliary verbs *yaru*, *ageru*, *kureru*, and *kudasaru* with a view to their deictic properties.

Some recent works describe the contrast between *yaru / ageru / sashiageru* ‘to give from the speaker’s domain’ and *kureru / kudasaru* ‘to give towards the speaker’s domain’ using the term “direct / inverse alignment”.

Our goal is to compare the actual usage of Japanese benefactive constructions with the canonical direct / inverse systems and with more broadly taken systems with direct / inverse alignment. This paper proceeds from the assumption that Japanese benefactives are quite distinct from the canonical direct / inverse systems. More importantly, even the person hierarchies used for describing direct / inverse alignment can be quite difficult to apply in their case due to the strong impact of the speaker’s empathy.

The paper pursues two goals: a theoretical (to find a most precise model to describe the actual usage) and a descriptive one (to analyze relevant examples from corpus data). In the theoretical part, we compare Japanese benefactive constructions with two general descriptions of direct / inverse systems. We show that, despite some similarities, Japanese benefactives also demonstrate distinct divergence from these. In the empirical part, we analyze corpus data with regard to their compliance with the direct / inverse alignment. Though only individual examples from our sample demonstrate incongruency of *yaru / ageru* and *kureru / kudasaru* with direct and inverse alignment respectively, these and similar examples from other sources need special attention. The choice of an auxiliary verb in Japanese benefactive constructions does not fully fit in the person / animacy hierarchy (direct / inverse alignment) system. The most adequate and brief description of participants’ possible grammatical person can only be provided in terms of “empathy” and “empathy hierarchy” (a hierarchy of psychological proximity). This solution actually makes the person/animacy hierarchy superfluous.

Keywords: Japanese, benefactive constructions, corpus linguistics, direct-inverse systems, person hierarchy, directionality.

1. Введение

Данная статья посвящена японским бенефактивным конструкциям с пятью различными вспомогательными глаголами, все они обычно переводятся на русский язык как ‘давать’. Эти конструкции различаются по уровню вежливости, а также по направленности действия к сфере говорящего или из нее (см. *Таблицу 1*). Для выражения отношения к лицу, о котором идет речь в предложении, в японском

языке используются три класса форм: нейтральные, гоноративные (почтительные) и депрециативные (скромные). Также существуют грубые формы, которые не имеют столь регулярных средств выражения и часто не включаются исследователями в систему вежливости (подробнее в [Алпатов 2015; Алпатов и др. 2008]). Под объектом социального дейксиса в *Таблице 1* мы понимаем участника ситуации не из сферы говорящего, на чей социальный статус (относительно говорящего или близкого к нему лица) производится указание. В случае с вспомогательными глаголами *yaru*, *ageru* и *sashiageru* ‘давать из сферы говорящего’ осуществляется указание на социальный статус бенефицианта. *Kureru* и *kudasaru* ‘давать по направлению к сфере говорящего’ указывают на социальный статус бенефактора.

Таблица 1. Бенефактивные вспомогательные глаголы и социальный дейксис
Table 1. Benefactive auxiliary verbs and social deixis

уровень вежливости	статус объекта социального дейксиса	‘давать’ (из сферы говорящего)	‘давать’ (к сфере говорящего)
гоноративный	<i>высший</i>		<i>kudasaru</i>
нейтральный	<i>равный</i>	<i>ageru</i>	<i>kureru</i>
депрециативный	<i>высший</i>	<i>sashiageru</i>	
не-вежливость	<i>низший</i>	<i>yaru</i>	

Типичное употребление глаголов типа *yaru* / *ageru* / *sashiageru* и типа *kureru* / *kudasaru* продемонстрировано в примерах (1) и (2).

(1) 私が弟に本を読んであげた。

watashi ga ootoo ni hon o yon-de
я НОМ младший.брат ДАТ книга ACC читать-CNV

age-ta

давать-PST

‘Я читал эту книгу младшему брату’. [NPCMJ]

В примере (1) действие направлено из сферы говорящего (то есть от него самого) к младшему брату, который формально ниже

в иерархии, но в данном случае по отношению к нему употреблен нейтральный по уровню вежливости глагол *ageru*.

- (2) 環境は私達に、私達がどんな人間であるかを知らせてくれるだけ。

kankyou wa watashitachi ni watashitachi ga donna
 среда TOP мы DAT мы NOM какой

ningen de ar-u ka o shirase-te kure-ru
 человек COP.CNV AUX-PRS Q ACC уведомлять-CNV давать-PRS

dake
 только

‘Окружающая среда только сообщает нам о том, какими людьми мы являемся’. [BCCWJ]

В примере (2) действие направлено от окружающей среды к людям (в том числе говорящему), то есть извне по направлению к сфере говорящего. Противопоставление «внутри сферы говорящего» и «вне сферы говорящего» или *uchi-soto* (‘свой — чужой’), как оно традиционно называется в японской культуре, является относительным, и в зависимости от ситуации в группу «своих» включаются разные лица.

Многие исследователи [Nariyama 2003; Shibatani 2003; Koga, Ohori 2008] описывают противопоставление глаголов типа *yaru* и глаголов типа *kureru* с использованием терминов «инверсив» или «директивное» и «инверсивное» кодирование. Обычно для этого используются иерархии личности и одушевленности на основе иерархии, предложенной в [DeLancey 1981]. Необходимо уточнить, что подобные иерархии встречаются под самыми разными названиями, включая иерархии «субстантивности», «онтологической выделенности» и «эмпатии». По мнению Ф. Суньиги [Zúñiga 2006: 21], ключевым в подобных иерархиях является то, что участники речевого акта занимают более высокую позицию, чем третье лицо. Мы в дальнейшем изложении будем понимать эмпатию исключительно как «идентификацию говорящего... с участником ситуации, описанной в предложении» [Kuno, Kaburaki 1977: 628]. При этом, как мы увидим, для

говорящего идентификация с третьим лицом может быть приоритетнее идентификации со вторым.

С. Нарияма [Nariyama 2003: 107] использует следующий вариант иерархии личности для японского языка:

- человек ($1 > 2 > 3$) > одушевленный участник > неодушевленный участник
- директивная стратегия кодирования (субъект > несубъект)
- инверсивная стратегия кодирования (субъект < несубъект)

Если бенефициант (получающий) выше в иерархии, чем бенефактор (дающий), должен использоваться инверсивный вспомогательный глагол (*kureru / kudasaru*). Если же бенефактор выше бенефицианта в иерархии или равен ему, выбор говорящего должен падать на директивный глагол (*yaru / ageru / sashiageru*).

Для японского это правило выполняется не всегда. К тому же термины «инверсив» и «директивное и инверсивное кодирование» (*direct-inverse alignment*) используются в лингвистической литературе с разной степенью строгости для описания целого ряда сходных явлений.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы оценить, в какой мере употребление японских бенефактивов подходит под прототип категории инверсива. В следующем (втором) разделе статьи мы описываем использованные корпусные данные. В третьем разделе статьи мы сравниваем японские бенефактивные конструкции с двумя общетеоретическими описаниями категории инверсива, чтобы оценить, какой понятийный аппарат более адекватно описывает реальный узус. Для такого сравнения мы будем использовать определение канонических инверсивных систем, данное в программной работе [Jacques, Antonov 2014], а также менее строгое определение из работы [Тестелец 1989]. Мы продемонстрируем, что при некотором сходстве употребления японских бенефактивов и «канонического» инверсива между ними наблюдаются существенные расхождения. Также мы покажем, что при расширенном понимании «прямого» и «инверсивного» кодирования как определенного соответствия синтаксических позиций иерархии лиц, в японском языке такое соответствие не всегда

последовательно. Мы предложим использовать иерархию эмпатии (психологической близости), применимую к японскому материалу.

В четвертом разделе статьи мы проверим, как распределяются встреченные в корпусе бенефактивные конструкции и насколько их употребление соответствует директивной или инверсивной стратегии кодирования.

2. Методы и материал

Для данного исследования мы используем материал из подкорпуса интернет-блогов Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ) и примеры из Корпуса современного японского языка с синтаксической разметкой (NPCMJ). Оба корпуса созданы в Токио в Национальном институте японского языка (NINJAL). Мы рассматриваем примеры японских бенефактивных конструкций со вспомогательными глаголами *yaru*, *ageru*, *kureru*, *kudasaru* ('давать'). Конструкции с депрециативным глаголом *sashiageru* редко встречаются в современном неформальном языке и не вошли в нашу выборку. Так как *sashiageru* в функциональном плане отличается от *yaru* и *ageru* лишь степенью вежливости, мы предполагаем, что на него можно распространить наши выводы относительно этих двух глаголов.

Из NPCMJ в связи с его небольшим объемом (764 266 словоупотреблений) были взяты все примеры с каждым из вспомогательных глаголов (от 36 до 274 примеров на каждый вспомогательный глагол, см. также *Таблицы 2–5*). Материалы NPCMJ очень ценны для нашего исследования, так как позволяют однозначно определить лица не выраженных эксплицитно участников ситуации. Если корпус не содержит синтаксической разметки, идентифицировать референтов бывает затруднительно без широкого контекста. Отчасти этим объясняется несколько скромная выборка из BCCWJ: из него было взято по 100 случайно выбранных примеров на каждый вспомогательный глагол, объем подкорпуса блогов составляет

10 194 143 словоупотреблений. Примеры из ВССWJ были необходимы нам для жанрового разнообразия: несмотря на преимущества разметки, NPCMJ трудно назвать сбалансированным.

3. Японские бенефактивы, канонический инверсив и иерархия лиц

М. Сибатани [Shibatani 2003] рассматривает в качестве японского инверсива конструкции со вспомогательными глаголами *iku* (в самостоятельном употреблении ‘идти’) и *kuru* (‘приходить’), а также конструкции с глаголами *yaru* и *kureru* (‘давать’). Про бенефактивные конструкции автор пишет: «Все ограничения, актуальные для глаголов ‘давать’ в самостоятельном употреблении, применимы и к их бенефактивному употреблению». Сибатани в данной статье приравнивает бенефактивные конструкции к инверсивным, фактически игнорируя фактор эмпатии.

В работе [Jacques, Antonov 2014] об инверсивных системах в различных языках мира японский язык приводится как пример языка, в котором инверсивное маркирование развивается из циклокатива (конструкции со вспомогательным глагол *kuru* ‘приходить’). При этом авторы ссылаются на [Shibatani 2003], но обходят стороной формы с *yaru* и *kureru*.

Однако каноническая категория инверсива как таковая в данной работе описывается с помощью критериев, от которых японский довольно сильно отклоняется. Ниже мы приводим данные критерии в незначительно модифицированном виде по статье П. М. Аркадьева [Аркадьев 2017: 113]:

1. Все личные показатели нейтральны относительно синтаксических ролей;
2. Возникающая за счет свойства 1 неоднозначность ролевого кодирования разрешается с помощью обязательных взаимоиключающих показателей (директива и инверсива),

распределение которых описывается с помощью референциальных иерархий;

3. Инверсивные и директивные формы имеют одну и ту же диктатуру и не различаются с точки зрения синтаксической переходности.

В канонических инверсивных системах противопоставление директивных и инверсивных форм позволяет определить, какое лицо является агенсом, а какое — пациенсом, как в следующем примере из равнинного кри (алгонкинского языка):

- (3) *ni-sēkih-ā-w*
1-пугать-DIR-3
'Я пугаю его'. [Zúñiga 2006: 76]

- (4) *ni-sēkih-ikw-w*
1-пугать-INV-3
'Он пугает меня'. [Zúñiga 2006: 76]

В японских бенефактивных конструкциях, несмотря на отсутствие личных и числовых показателей, благодаря наличию падежных послелогов не возникает неоднозначности ролевого кодирования. При этом и с «директивными», и с «инверсивными» вспомогательными глаголами бенефактор кодируется как подлежащее, оформленное показателем номинатива *ga* (или вытесняющим его показателем топики *wa*), а бенефициант кодируется как косвенное дополнение и оформляется падежным послелогом *ni* (см. примеры (1) и (2)). Таким образом, японские бенефактивы соответствуют только третьему признаку канонических инверсивных систем.

Вопрос о противопоставлении между вспомогательными глаголами *yaru / ageru* и *kureru / kudasaru* и его сходстве с категорией инверсива поднимался ранее в работе Я. Г. Тестельца [Тестелец 1989: 137]. Там приводятся более мягкие по сравнению с [Jacques, Antonov 2014] признаки инверсива:

- 1) имеется морфологическая, синтаксическая, или лексическая парадигма нечленимых форм;

- 2) каждый элемент парадигмы выражает одновременно лица двух партиципантов ситуации;
- 3) каждый такой элемент содержит дизъюнктивно более одного значения для обоих партиципантов;
- 4) допустимые значения для каждого элемента парадигмы не могут нарушать иерархию $1 > 2 > 3$.

Первые три пункта для японского языка выполняются. Каждый вспомогательный глагол указывает на двух участников ситуации, при этом и для лица бенефицианта, и для лица бенефактора существует более одного возможного значения. Стоит оговориться, что в японской бенефактивной конструкции не содержатся показатели лиц участников. Мы здесь принимаем точку зрения Я. Г. Тестельца [Тестелец 1989: 137], согласно которой «категория инверсива выражает не собственно лицо, а соотношение лиц двух партиципантов на указанной иерархии».

Вспомогательные глаголы *yaru / ageru / sashiageru*, как правило, указывают на 1-е, 2-е или 3-е проксимативное (коммуникативно выделенное, «ближнее») лицо бенефактора и 2-е или 3-е обвиативное (коммуникативно невыделенное, «дальнее») лицо бенефицианта. В примере (5) действие направлено от психологически близкого третьего лица к психологически далекому:

- (5) こういう人こそ他人に、尽くしてあげるんだろうな
kooiu hito koso tannin ni tsukush-ite
 такой человек именно незнакомец ДАТ служить-CNV
age-ru n dar-oo na
 давать-PRS NML COP-PMТ PRТ

‘Как раз такие-то люди и служат другим’. [NPCMJ]

В свою очередь, глаголы *kureru / kudasaru* обычно указывают на 2-е или 3-е обвиативное лицо бенефактора и 1-е, 2-е или 3-е проксимативное лицо бенефицианта. По крайней мере для нейтральных по уровню вежливости вспомогательных глаголов *ageru* и *kureru* возможно также возвратное бенефактивное употребление (self-benefaction), когда бенефактор и бенефициант — одно и то же лицо (см. пример (13)).

Однако для японского не выполняется четвертый пункт, согласно которому для «директивных» глаголов *yaru* и *ageru* не должны быть допустимы формы, где лицо бенефактора ниже в иерархии $1 > 2 > 3$, чем лицо бенефицианта (например, ситуация передачи материального или символического блага от третьего лица ко второму). Аналогично для «инверсивных» форм *kureru* и *kudasaru* не должны быть допустимы примеры, где второе лицо совершает что-то для третьего, но в японском они встречаются.

Так, в примере (6) употреблен считающийся инверсивным глагол *kureru*, однако действие направлено от второго лица к третьему, что соответствует директивному кодированию. Младший брат входит в сферу говорящего, то есть в данном случае он психологически ближе говорящему, чем второе лицо.

(6) *あなたが弟にプレゼントをくれた。*

Anata ga ototoo ni purezento o kure-ta.
ты НОМ младший.брат ДАТ подарок АСС давать-РСТ

‘Ты подарил моему брату подарок’. [Nariyama 2003: 111]

В примере (7) обратная ситуация, т. н. директивный глагол *ageru* описывает ситуацию с инверсивным кодированием (действие направлено от третьего лица ко второму). Здесь Таро входит в сферу говорящей, так как является ее мужем:

(7) *太郎が“あなたにフ°レセ°ントをあけ°た。*

Taro ga anata ni purezento o age-ta.
Таро НОМ вы ДАТ подарок АСС давать-РСТ

‘Таро подарил тебе подарок’. [Nariyama 2003: 111]

С. Нарияма отмечает [Nariyama 2003: 111–112], что пример (7) был бы допустим даже в случае, когда Таро не принадлежит к одной с говорящей социальной группе, если он ей психологически ближе, чем бенефициант.

Также иерархия лиц $1 > 2 > 3$ не вполне объясняет случаи, где бенефактор и бенефициант имеют одинаковое значение лица (примеры (5), (13)). Третье обвиативное и проксимативное лица не противопоставляются регулярно в японской грамматике, но такое

психологическое противопоставление выражается в бенефактивных конструкциях. Действие, направленное от одного третьего лица к другому, может в разных обстоятельствах описываться как при помощи глаголов группы *yaru*, так и при помощи глаголов группы *kureru*.

Я. Г. Тестелец [Тестелец 1989: 144], рассматривая японский в своей работе наряду с другими языками, резюмирует: «...категория инверсива в японском языке отсутствует, и имеет место лишь сочетание категории лица (первое vs непервое) и эмпатии, или, что то же, одной лишь эмпатии». Действительно, фокус эмпатии чаще всего оказывается помещен на говорящего, и в случае с японскими бенефактивами это может выглядеть как противопоставление первого и «непервого» лиц. Таким образом, для полноценного описания этих конструкций достаточно только понятия эмпатии, а обращение к категории лица представляется излишним.

С. Нарияма [Nariyama 2003: 111], которая изначально описывает бенефактивные конструкции как инверсивные, оговаривается, что противопоставление «свой — чужой» (которое она фактически приравнивает к эмпатии в понимании С. Куно и Е. Кабураки [Kuno, Kaburaki 1977]) «имеет отношение к выбору директивного или инверсивного глагола, и оно может быть приоритетнее направления, определяемого иерархией одушевленности».

Таким образом, даже более мягкая по сравнению с критериями Г. Жака и А. Антонова [Jacques, Antonov 2014] трактовка инверсива как кодирования актантов, зависящего от иерархии лиц, не описывает в полной мере употребление японских бенефактивных конструкций. В отличие от инверсива здесь ведущую роль играет не иерархия лиц, а иерархия психологической близости, способности к отождествлению с говорящим:

- психологически близкий > психологически далекий;
- директивное кодирование (субъект > несубъект);
- инверсивное кодирование (субъект < несубъекта).

Часто эта иерархия совпадает с иерархией личности и одушевленности, так как сам говорящий, очевидно, психологически ближе сам себе, чем второе и третье лицо, а к одушевленным участникам

ситуации говорящему проще проявить эмпатию, чем к неодушевленным. Психологическая близость зависит от совокупности факторов и плохо поддается формализации, особенно когда речь идет о нарративах, непосредственно не связанных с речевой ситуацией (например, о художественном произведении). В следующем разделе мы на корпусных данных проверим, насколько употребление японских бенефактивов соответствует иерархии личности.

4. Анализ корпусных данных

Для анализа корпусных данных мы использовали несколько упрощенный вариант иерархии С. Нарияма:

1 > 2 > 3 одушевленный участник > 3 неодушевленный участник.

Полученные из корпусов примеры распределены по отдельным таблицам для каждого вспомогательного глагола. При этом темно-серым цветом обозначена зона употребления канонического директива (субъект > несубъект), а светло-серым — зона канонического инверсива (субъект < несубъект). Данные в таблицах демонстрируют, насколько точно примеры с *yaru / ageru* и *kureru / kudasaru* попадают в зону канонических директива и инверсива соответственно.

4.1. *Yaru* и *ageru*

Как видно из *Таблицы 2*, распределение примеров с *yaru* в основном соответствует директивному кодированию: при этом 55 % примеров описывают действие, совершаемое первым лицом для одушевленного участника третьего лица. Случаи, где у бенефицианта нет конкретного референта, объясняются употреблением бенефактивной конструкции в значении интенсификации (впервые такое употребление было описано в статье Т. Тоёда [Toyoda 1974: 85–89]):

Таблица 2. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *yaru*Table 2. Direct / inverse alignment in examples with *yaru*

Всего примеров: 165		Бенефициант при <i>yaru</i>				
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.	нет референта
Бенефактор при <i>yaru</i>	1		35	91		6
	2	1		2		
	3 одуш.			29		
	3 неодуш.				1	
	нет референта					

- (8) ああ、もういっそ、悪徳者として生き伸びてやろうか。

a moo isso akutokusha toshite

ах уже лучше бесчестный.человек в.качестве

ikinobi-te yar-oo ka

продолжать.жить-CNV давать-NOR Q

‘Может быть, лучше стать бесчестным человеком, зато выжить?’ [NPCMJ]

В единственном примере, попадающем в инверсивную зону (действие направлено от второго лица к первому), глагол употреблен в повелительном наклонении:

- (9) U P 画像が前に U P していても笑って許してやってください

up gazoo ga mae ni up shi-te

загрузка картина NOM раньше DAT загрузка VRB-CNV

i-te mo warat-te yurushi-te yat-te

AUX.PRG-CNV даже улыбаться-CNV прощать-CNV давать-CNV

kudasai

AUX.IMP

‘Даже если я раньше уже загружала какие-то из этих фотографий, пожалуйста, простите мне это с улыбкой’. [BCCWJ]

Здесь мы видим попытку употребить вспомогательный глагол *yaru* в качестве депрециативного: говорящий стремится подчеркнуть

- (11) もちろん時々こわすこともあるけれども回してやる時のほうがずっと多いんだ。

mochiron tokidoki kowas-u koto mo ar-u
 конечно иногда ломать-PRS NML тоже быть-PRS
keredomo mawashi-te ya-ru toki no hoo ga
 хотя вращать-CNV делать-PRS время GEN сторона NOM
zutto oo-i n da
 постоянно много-PRS NML COP.PRS

‘Конечно, [ветер] иногда ломает [ветряные мельницы], но намного чаще [он их] вращает’. [NPCMJ]

Таблица 3. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *ageru*

Table 3. Direct / inverse alignment in examples with *ageru*

Всего примеров: 136		Бенефициант при <i>ageru</i>				
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.	нет референта
Бенефактор при <i>ageru</i>	1	2	18	70	1	
	2			10		
	3 одуш.		1	35		
	3 неодуш.					
	нет референта					

В случае с *ageru* также большая часть примеров (51,5%) описывает действие, направленное от первого лица к неодушевленному участнику третьего лица (см. *Таблицу 3*). В единственном примере из инверсивной зоны говорящий под субъектом *ojisan* ‘дядя’ имеет в виду себя, однако подобный пример возможен и с близким говорящему третьим лицом:

- (12) 3(1) → 2

おじさんがしてあげよう。
ojisan ga shi-te age-yoo
 дядя NOM делать-CNV давать-NOR

‘Давай дядя делает’. [NPCMJ]

Нам встретились два примера с рефлексивным местоимением, где действие направлено от первого лица к первому, при этом референт один и тот же:

- (13) 我慢した自分を褒めてあげましょう～～^^
gaman shi-ta jibun o home-te age-mash-yoo
 терпение VRB-PST сам ACC хвалить-CNV давать-ADR-HOR
 ‘Похвалю себя за то, что проявил терпение’. [BCCWJ]

4.2. *Kureru* и *kudasaru*

В примерах с *kureru* / *kudasaru* как бенефактор, так и бенефициант могут не иметь конкретного референта, а отсылать к некоторой группе лиц, как обычно бывает в обобщенно-личных или неопределенно-личных предложениях:

- (14) 不良品だったら、お金を返してくれるそうです。
furyoohin dat-tara o-kane o kaesh-ite
 некачественный.товар COP-COND HON-деньги ACC возвратить-CNV
kure-ru soo des-u
 давать-PRS EVD COP.ADR-PRS
 ‘Если товар ненадлежащего качества, то деньги возвращают (неопределенный продавец или продавцы неопределенному покупателю или покупателям)’. [NPCMJ]

В подобных примерах мы размечали участников как относящихся к одушевленному третьему лицу. Существенно, что в данном примере говорящий помещает фокус эмпатии на абстрактного покупателя, встает на его сторону и/или ассоциирует себя с ним.

В 47% примеров с *kureru* действие направлено от одушевленного участника третьего лица к говорящему (см. *Таблицу 4*).

В директивной зоне оказывается пример, где говорящий говорит о себе в третьем лице и действие формально направлено от второго лица к третьему, см. (15).

Таблица 4. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *kureru*Table 4. Direct / inverse alignment in examples with *kureru*

Всего примеров: 374		Бенефициант при <i>kureru</i>			
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.
Бенефактор при <i>kureru</i>	1				
	2	103		1	
	3 одуш.	176	5	44	
	3 неодуш.	36	1	8	

(15) 秋雄君やい、ちょっとおじさんに手を貸してくれ。

Akio kun yai chotto ojisan ni te o

Акио кун эй немного дядя ДАТ рука АСС

kash-ite kure

одаживать-CNV давать-IMP

‘Эй, Акио, подай-ка дяде руку’. [NPCMJ]

В контексте, когда фокус эмпатии говорящего помещен на третье лицо, возможно существование подобных примеров и с указанием на референта третьего лица.

Таблица 5. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *kudasaru*Table 5. Direct / inverse alignment in examples with *kudasaru*

Всего примеров: 140		Бенефициант при <i>kudasaru</i>				
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.	нет референта
Бенефактор при <i>kudasaru</i>	1					
	2	25				
	3 одуш.	99	1	15		
	3 неодуш.					
	нет референта					

В Таблице 5 мы видим, что в примерах с *kudasaru*, как и с *kureru*, большая часть (71%) примеров описывает действие, совершенное

одушевленным участником третьего лица для говорящего. В целом примеры данной выборки не выходят из инверсивной зоны. В случаях, когда действие направлено от третьего лица к третьему, речь идет о двух разных участниках (действие направлено от дальнего третьего лица к ближнему).

5. Выводы

Японские бенефактивные конструкции демонстрируют как некоторые сходства с каноническими инверсивными системами, так и существенные отличия от них.

Применение термина «инверсив» к неканоническим инверсивным системам без каких-либо оговорок ведет к размыванию термина и затрудняет типологический анализ. Более того, даже более мягкое понимание инверсива как кодирования актантов не дает точного представления об использовании японских бенефактивов. Это подтверждается корпусными данными.

Мы проанализировали употребление бенефактивов в японской речи по данным подкорпуса интернет-блогов Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ) и Корпуса современного японского языка с синтаксической разметкой (NPCMJ). Основной массив проанализированных конструкций вписывается в представления о директивной и инверсивной стратегиях кодирования в японских бенефактивных конструкциях, однако обнаруживаются и весьма показательные исключения. Так, нам встретились примеры с *kureru / kudasaru*, выходящие из инверсивной зоны, и примеры с *yaru / ageru*, выходящие из директивной зоны. Также иерархия лиц не объясняет употребление примеров, где участники имеют одинаковый номер. Употребление подобных примеров можно описать с помощью иерархии эмпатии, понимая термин «эмпатия» в значении, заложенном в работах С. Куно и Е. Кабураки (в первую очередь в [Kuno, Kaburaki 1977]). Таким образом, в японских бенефактивных конструкциях существует прямое и инверсивное

кодирование относительно иерархии эмпатии (психологической близости), а не иерархии личности, что значительно отличает их от канонических инверсивных систем.

Необходимы дальнейшие исследования того, насколько смещение фокуса эмпатии может уводить *kureru / kudasaru* и *yaru / ageru* в директивную и инверсивную зону соответственно.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADR — адрессив; AUX — вспомогательный глагол; CNV — депричастие; COND — условная форма; COP — связка; DAT — датив; DIR — директив; EVD — эвиденциальность; HON — гоноратив; HOR — гортатив; IMP — императив; INV — инверсив; NML — субстантиватор; NOM — номинатив; PRS — настоящее-будущее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; TOP — топик; VRB — вербализатор.

Литература

- Алпатов 2015 — В. М. Алпатов. Категории вежливости в современном японском языке. 5-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008.
- Аркадьев 2017 — П. М. Аркадьев. Дейктические превербные адыгских языков и типология инверсива // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 105–119.
- Соломкина, Подлесская 2016 — Н. А. Соломкина, В. И. Подлесская. Бенефактивные конструкции в японском языке: особенности современного употребления // М. А. Iwanowski (ed.). Opuscula Iaponica et Slavica. Vol. III. Warszawa: BEL Studio, 2016. S. 23–36.
- Тестелец 1989 — Я. Г. Тестелец. Категория инверсива: определение и опыт типологии // В. И. Подлесская, Л. И. Куликов (отв. ред.). Проблемы синтаксической и семантической типологии. М.: Наука, 1989. С. 135–146.
- DeLancey 1981 — S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns // Language. 1981. Vol. 57. No. 3. С. 626–657.
- Jacques, Antonov 2014 — G. Jacques, A. Antonov. Direct/inverse systems // Language and Linguistics Compass. 2014. Vol. 8. Iss. 7. С. 301–318.

- Koga, Ohori 2008 — H. Koga, T. Ohori. Reintroducing inverse constructions in Japanese: The deictic verb *kuru* ‘to come’ in the paradigms of argument encoding // R. D. Van Valin Jr. (ed.). *Investigations of the syntax-semantics-pragmatics interface*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2008. С. 37–58.
- Kuno, Kaburaki 1977 — S. Kuno, E. Kaburaki. Empathy and syntax // *Linguistic inquiry*. Vol. 8. № 4. 1977. P. 627–672.
- Nariyama 2003 — S. Nariyama. *Ellipsis and reference tracking in Japanese*. (Studies in Language Companion Series, 66). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2003.
- Toyoda 1974 — T. Toyoda. *Hojodooshi yaru kureru morau ni tsuite* [Regarding the Auxiliary verbs Yaru, Kureru and Morau] // *Nihongo gakkoo ronshuu*. 1974. Vol. 1. С. 77–96.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. *Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas*. (Typological Studies in Language, 70). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006.

Источники

- BCCWJ — Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения 06.05.2021).
- NPCMJ — NINJAL Parsed Corpus of Modern Japanese (электронный ресурс). URL: <http://npcmj.ninjal.ac.jp/> (дата обращения 06.05.2021).

References

- Alpatov 2015 — V. M. Alpatov. *Kategorii veshlivosti v sovremennom yaponskom yazyke* [Politeness Categories in Modern Japanese]. 5th ed. Moscow: LENAND, 2015.
- Alpatov et al. 2008 — V. M. Alpatov, P. M. Arkad'iev, V. I. Podlesskaya. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of Japanese]. Moscow: Natalis, 2008.
- Arkadiev 2017 — P. M. Arkadiev. *Deykticheskie preverby adygsikh yazykov i tipologiya inversiva* [Deictic Preverbs of Circassian languages and Typology of Direct / Inverse Systems]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactic parameters]. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute Press, 2017. P. 105–119.

- DeLancey 1981 — S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*. Vol. 57. No. 3. 1981. P. 626–657.
- Jacques, Antonov 2014 — G. Jacques, A. Antonov. Direct / inverse systems. *Language and Linguistics Compass*. 2014. Vol. 8. Iss. 7. P. 301–318.
- Koga, Ohori 2008 — H. Koga, T. Ohori. Reintroducing inverse constructions in Japanese: The deictic verb *kuru* ‘to come’ in the paradigms of argument encoding. R. D. Van Valin Jr. (ed.). *Investigations of the syntax-semantics-pragmatics interface*. 2008. P. 37–58.
- Kuno, Kaburaki 1977 — S. Kuno, E. Kaburaki. Empathy and syntax. *Linguistic inquiry*. Vol. 8. No. 4. 1977. P. 627–672.
- Nariyama 2003 — S. Nariyama. *Ellipsis and reference tracking in Japanese*. (Studies in Language Companion Series, 66). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2003.
- Solomkina, Podlesskaya 2016 — N. A. Solomkina, V. I. Podlesskaya. Benefaktivnye konstruksii v yaponskomazykye: osobennosti sovremenno upotrebleniya [Benefactive Constructions in Japanese Language: Specific Features of Modern Usage]. M. A. Iwanowski (ed.). *Opuscula Iaponica et Slavica*. Vol. III. Warszawa: BEL Studio, 2016. P. 23–36.
- Testelets 1989 — Ya. G. Testelets. Kategoriya inversiva: opredelenie i opyt tipologii [Direct / Inverse Systems: Definition and Attempt at Typology]. V. I. Podlesskaya, L. I. Kulikov (eds.). *Problemy sintaksicheskoy i semanticheskoy tipologii* [Problems of syntactic and semantic typology]. Moscow: Nauka, 1989. P. 135–146.
- Toyoda 1974 — T. Toyoda. Hojodooshi yaru kureru morau ni tsuite [Regarding the Auxiliary verbs Yaru, Kureru and Morau]. *Nihongo gakkoo ronshuu*. 1974. Vol. 1. P. 77–96. (in Japanese)
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas. (Typological Studies in Language, 70). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006.

Особенности использования арабских букв *йā'* и *джйм* в словах на алхамиадо в архиве толедских мосарабов (XII–XIII вв.)

О. В. Тихонова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); pajaro@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи — проанализировать чередование арабских букв *йā'* (ﻱ) и *джйм* (ج) в романских именах мосарабов. Материалом послужили подписи на арабском (на алхамиадо, т. е. на романском языке в арабской графике) и на латыни в документах архива толедских мосарабов XII–XIII вв. Основным выводом можно считать следующий: чередование указанных арабских букв отражает особенности произношения начального латинского /y/ в мосарабском историческом диалекте испанского языка в XII–XIII вв.

Ключевые слова: алхамиадо, орфография алхамиадо, арабографические тексты, испанские тексты в арабской графике, историческая фонетика испанского языка, чередование *йā'* и *джйм*.

The use of the Arabic letters *yā'* and *jīm* in Aljamiado in “The Archive of Toledo’s Mozarabs” (XII–XIII centuries)

O. V. Tikhonova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); pajaro@mail.ru

Abstract. Aljamiado manuscripts (medieval manuscripts in Spanish in the Arabic script) are of great interest to researchers in the Spanish language history as a source of data on the pronunciation of Spanish words in that historical period. In signatures to documents of “The Archive of Toledo’s Mozarabs of the XII–XIII centuries”,

compiled in Arabic, we can find the signers' names written in both Aljamiado and Latin. In the Archive, among Christian names, there are names beginning with the Latin sound [j], denoted by the letters *i-* or *j-* (e.g., *Juan, Julián, Jacob*). In Arabic script, these names are written with the initial *yā'* or *jīm*.

In this article, we have analyzed the alternation of the Arabic letters *yā'* and *jīm* in the Spanish names of the Archive to arrive to the following main conclusions:

1) The alternation of the initial letters *i-/j-* in the signatures to the Archive is explained by the fact that in the given historical period, these Latin letters were used for designation of two different sounds ([y] and [ġ]), which is confirmed by the alternation of the initial letters *yā'* and *jīm* in the same names written in Arabic.

2) However, the other names in Arabic script, transcribed using the letter *j* in accordance with modern Spanish spelling, avoid the letter *jīm* and use the letter *šīn* instead. In the given historical period, the sound [š], denoted by the Arabic letter *šīn*, was rendered by the Latin *x*.

3) Treating their Catholic names as official, Toledo's Christians used their Arabic names in Arabic signatures. These names' transcription makes it possible to bring out the pronunciation of the initial *i-/j-* used at the time. The available variants of Latin signatures with their obsolete spelling fail to provide any idea as to the correct pronunciation of the names.

Keywords: Aljamiado, Aljamiado spelling, Arabographic texts, Spanish texts in Arabic script, historical phonetics of the Spanish language, alternation of *yā'* and *jīm*.

1. Введение. Алхамиадо: определение термина и историко-лингвистический контекст

Статья посвящена графике и орфографии алхамиадо (тексты на исторических диалектах испанского языка в арабской графике) мосарабов как источнику по исторической фонетике испанского языка. В статье анализируется чередование арабских букв *йā'* (ﻱ) и *джīm* (ج) в романских именах мосарабов.

Словарь Королевской академии испанского языка определяет *алхамиадо* (исп. *aljamiado*) как прилагательное со значениями 'говоривший на алхамии' и 'написанный на алхамии' [DLE: *aljamiado*].

Словом *алхамия* (исп. *aljamía* < араб.-исп. *al‘aġamiyya* из < кл. араб. *a‘ġamiyyah*) мусульмане Средневековой Испании называли «язык испанских христиан» [DLE: *aljamía*].

Исторически необходимо различать два алхамиадо: «Первый — **мосарабский алхамиадо**, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников (литература в это время создавалась на латинском языке), так что ранний (X–XIII вв.) этап истории испанского языка задокументирован плохо. Единственные свидетельства о нем — испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычные мувашшахи¹) [Воевуцкий 1987: 55]. **Мосарабаму** (исп. *mozárabe* < араб.-исп. *musta‘rabī* < кл. араб. *musta‘rab* ‘арабизированный’) мусульмане-завоеватели называли «испанское население, облагавшееся налогом согласно мусульманскому праву и проживавшее в мусульманской Испании (<...>), сохраняя христианскую религию, церковь и судопроизводство» [DLE: *mozárabe*].

«Второй алхамиадо — **алхамиадо морисков** (испанских мусульман) эпохи Реконкисты... (<...> На этом алхамиадо существует обширная литература» [Воевуцкий 1987: 55]. Тексты на алхамиадо морисков, в отличие от алхамиадо мосарабов, всегда огласованы. Почти все сохранившиеся рукописи на алхамиадо морисков датируются XV–XVII вв. [Bernabé Pons 1992: 18]. **Морисками** (исп. *moriscos*) испанцы называли мусульман, которые по окончании Реконкисты были крещены и оставались жить в Испании [DLE: *morisco*]. Необходимо уточнить, что хотя речь идет о мусульманах, принявших христианство, многие из них втайне продолжали исповедовать ислам, т. е. становились криптомусульманами.

¹ *Мувашишахи* (исп. *moaxaja*) — «средневековое поэтическое сочинение на арабском или еврейском, которое заканчивается харджей на мосарабском наречии» [DLE: *moaxaja*].

Харджа (исп. *jarcha* < араб. *jarġa* ‘выход’) — «традиционная песня на мосарабском наречии, которой заканчивали *мувашишахи* арабские и еврейские поэты Андалусии» [DLE: *jarcha*].

Материалом исследования послужили подписи на арабском (на алхамиадо мосарабов) и на латыни в документах «Архива толедских мосарабов XII–XIII вв.» [Palencia 1926a, 1926b, 1928].

В *Разделе 2* дается краткое описание этого архива, состава документов и языка, на котором они написаны.

В *Разделе 3* представлены некоторые общие сведения по орфографии памятников архива, в частности, уточняются способы передачи гласных в алхамиадо мосарабов, в котором отсутствует огласовка.

В *Разделе 4* сопоставляется орфография романских имен в латинских и арабских подписях в документах архива (т. е. в подписях на алхамиадо); анализируются особенности использования арабских букв при передаче испанских звуков, в том числе тех, которые относятся к так называемым «четырем средневековым фонемам» испанского языка (термин Р. Лапесы).

2. Описание архива толедских мосарабов

Архив толедских мосарабов XII и XIII вв. был переведен² с арабского на испанский и опубликован в трех томах Анхелем Гонсалесом Паленсией в 1926–1930 гг.³ Четвертый том составили комментарии. Архив, описанный А. Г. Паленсией, состоит из 1175 документов, регистрирующих имущественные сделки между частными лицами и церковными организациями. Хронологические рамки архива: 1083–1315 гг. [Palencia 1930: 45]. Основная часть документов была найдена в Кафедральном соборе Санта-Мария г. Толедо. Сегодня эти документы хранятся в Национальном историческом архиве

² А. Г. Паленсия отмечает, что выполнял перевод в свободной форме, стремясь дать общее понимание содержания текста, а не сделать его подстрочный перевод [Palencia 1930: 43].

³ Экземпляр, которым мы пользовались, был прислан автором в дар И. Ю. Крачковскому, активно сотрудничавшему с испанскими арабистами до Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. [Крачковский 1945: 103].

Испании (исп. *Archivo Histórico Nacional de España*, г. Мадрид, Испания) и в архиве Толедского кафедрального собора (*Archivo Capitular de Toledo*, г. Толедо, Испания).

Ниже перечисляются некоторые существенные особенности документов из Толедского архива.

Из 1175 документов архива 1154 написаны по-арабски, 21 — на арабском языке в еврейской графике, три — на латыни и один — на романском [Карасс 1950: 97]. В документах используются арабские формулы и клише. Все документы толедских христиан начинаются с формулы исповедания *басмала*⁴ [Palencia 1930: 43], свидетели клянутся именем *Бога Великого* (الله أكبر)⁵ [Карасс 1950: 97]. Священник именуется *имам* (73 №) (امام), а Кафедральный собор Толедо — *мечеть народа Толедо* (1036 №) (الجامع لاهل طليطلة) [Тихонова, Шакунова 2018]. В то же время все документы, кроме одного, датированы по христианскому летоисчислению. В документах редко указан город, в котором они подписаны, так как почти всегда это *город Толедо* (295 №) (مدينة طليطلة), упоминание которого часто сопровождается формулой *храни его Бог* (حرسها الله) [Palencia 1930: 43]. Тот факт, что документы написаны по-арабски, свидетельствует о том, что в г. Толедо этот язык был официальным даже в начале XIV в. (1315 г.), 230 лет спустя после отвоевания г. Толедо христианами.

Архив толедских мосарабов — важный источник лексики на алхамиадо (мосарабов). В его текстах встречаются: 1) испанские топонимы; 2) христианская ономастика; 3) обозначения церковных должностей, многие из которых пришли в испанский из греческого через латынь; 4) названия христианских праздников; 5) обозначения некоторых придворных должностей; 6) обозначения родственных связей; 7) прозвища подписавшихся и ряд других слов, использовавшихся в быту [Palencia 1930: 136, 174–183, 218–248; Тихонова, Шакунова 2018].

⁴ (араб.) بسم الله الرحمن الرحيم — *Во имя Бога милостивого и милосердного.*

⁵ В данной статье используется транскрипция только для слов на алхамиадо. При этом применяется традиционная транскрипция, принятая у арабистов, а не у специалистов по алхамиадо, так как исследуемые тексты написаны на арабском языке.

Подписи на алхамиадо. Отдельного внимания заслуживает транскрипция романских имен в документах на арабском. Документы толедского архива почти всегда подписаны на арабском и на романском, имеются еврейские подписи [Palencia 1930: 46]. В подписях встречается как романская, так и арабская аффилиация см. [Тихонова, Шакунова 2019], а также почетные романские титулы в арабской транскрипции.

Аффилиация бэн и бинт. В подписях на арабском для мужских имен используется аффилиация *бэн* بن (араб. ‘сын такого-то’): ردریقه بن معمر (араб. ‘Родриго ибн Моамар’) (№ 789). Для женских имен употребляется вариант *бинт* بنت (араб. ‘дочь такого-то’): دونة بنت عبد الله بن يحيى (араб. ‘донья Дона, бинт Абд-Аллах ибн Йахья’) (№ 237). Эта арабская формула встречается и в подписях на латинском алфавите: *Iuliani ben Bahlul* (исп. ‘Иулиани бен Бахлул’) (№ 83).

Предлог de в именах. Встречается также испанский предлог *de* (ذی) в арабской транскрипции имен: غنصالبه يوانش ذى البقال (араб. ‘Гонсальбо Иоаннес де Альбакаль’) (№ 657), بيطره د قشتره (араб. ‘Педро де Кастро’) (№ 323).

Почетный титул «дон». Почетный титул *дон* используется как в романских именах [Palencia 1930: 125]: دون بيطره يوانش (араб. ‘дон Педро Хуанес’), دون اشتابن فليزش (араб. ‘дон Эстебан Фелисес’) (№ 609); так и в арабских: دون حسين بن عامر (араб. ‘дон Хусейн ибн Амир’) (№ 361), القس دون عبد العزيز (араб. ‘священник дон Абд ал-Азиз’) (№ 421). В арабской графике это слово передается как دون [dwn]. Женская форма титула *доña* пишется с добавлением *та-марбута* (см. ниже *Раздел 3.3*): دونة [dwna].

Перечисление арабских и романских имен толедских христиан занимает пятьдесят страниц [Palencia 1930: 409–458]. Отдельные имена встречаются в нескольких вариантах, как в латинской, так и в арабской графике. Списки людей, носивших некоторые имена, занимают по несколько страниц, например, имена *Pedro* (14 колонок), *Juan* (13 колонок), *Domingo* (11 колонок), *María* (6 колонок), *Micael* (5 колонок), *Martín* (5 колонок), *Gonzalbo* (3½ колонки), *Esteban* (3 колонки), *Fernando* (3 колонки), *Rodrigo* (2 колонки), *Julián* (1½ колонки), *Jacob* (1½ колонки), *Sancho* (1½ колонки) [Palencia 1930:

409–458]. В среднем в колонке встречается 48 имен. Отметим, что имя *José* не встречается среди христианских имен. В этой статье мы проводим анализ орфографии наиболее распространенных романских имен и их вариантов.

3. Орфография алхамиадо мосарабов

3.1. Общие особенности

В алхамиадо морисков для передачи звуков мосарабского диалекта испанского языка, отсутствующих в арабском, адаптируется орфография последнего.

Для сравнения приведем таблицу (*Таблица 1*) с транскрипцией арабских букв, принятой у арабистов [Mandel Khan 2011: 24], которую мы используем для мосарабского алхамиадо, а также нормы транскрипции, разработанные Р. Менендесом Пидалем для публикации текстов на алхамиадо морисков. В первой колонке таблицы представлены арабские буквы; далее следуют их названия; потом — транскрипция, принятая у арабистов; в последней колонке представлены варианты транскрипции, предложенные Р. Менендесом Пидалем [Menéndez Pidal 1902].

Таблица 1. Нормы транскрипции текстов на алхамиадо мосарабов и морисков
Table 1. Norms of transcription of the texts in Alhamiadio

Араб. буква	Название	Транскрипция	Pidal 1902	Араб. буква	Название	Транскрипция	Pidal 1902
ا	'алиф	[ʾ]/ [ā]	—	ص	ṣād	[s]	—
ب	bā'	[b]	b	ض	ḏād	[d]	—
ب*	bā' +таидид	—	p	ط***	mā'	[t]	‡
ت	tā'	[t]	t	ظ	zā'	[z]	—

Продолжение Таблицы 1 на с. 212

Продолжение Таблицы 1 со с. 211

Араб. буква	Название	Транскрипция	Pidal 1902	Араб. буква	Название	Транскрипция	Pidal 1902
ث	сā'	[t]	—	ع	'айн	[']	—
ج	джй̄м	[g̃]	j	غ	гайн	[g̃]	g
ج̣*	джй̄м +ташдид	—	ch	ف**	фā'	[f]	f
ح	хā'	[h]	—	ق**	кāф	[q]	q
خ	хā'	[h]	—	ك	кяф	[k]	k
د	дāль	[d]	d	ل	лāм	[l]	l
ذ	зāль	[d]	—	ل*	лāм +ташдид	-	ll
ر	рā'	[r]	r	م	мй̄м	[m]	m
ز*	рā' +ташдид	—	rr	ن	нўн	[n]	n
ز	зайн	[z]	z	ن*	нўн +ташдид	—	ñ
س	сй̄н	[s]	ç	ه	хā'	[h]	—
ش	шй̄н	[š]	x	و	вāв	[w]	w
				ي	йā'	[y]	y

Примечания к таблице:

* буквы, разработанные в алхамиадо морисков и отсутствующие в алхамиадо мосарабов.

** кāф (ق) и фā' (ف), начертание которых отличается в *магрибском варианте* арабского письма⁶.

*** буква тā' (ط), которая встречается в публикуемой Р. Менендесом Пидалем рукописи и транслитерируется им так же, как и в системе, принятой у арабистов: [t], но не является характерной для других рукописей на алхамиадо.

⁶ Кроме прочего, кāф (ق) пишется с одной точкой наверху (ق), а фā' (ف) с одной точкой внизу (ف) [Юшманов 1985: 30; Menéndez Pidal 1902: 2]. Такие же примеры можно найти в арабо-португальских текстах у Д. Лопеша [Lopes 1897]. Буква йā' (ي) встречается без двух точек, что делает ее схожей с 'алифом максурой (ى) [Юшманов 1985: 30; Menéndez Pidal 1902: 2].

3.2. Особенность передачи гласных в рукописях на алхамиадо мосарабов

Как отмечалось, если рукописи морисков всегда огласованы и довольно точно передают гласные звуки, как и вообще фонетику испанского языка, то в рукописях мосарабов, написанных на арабском, гласные звуки испанского языка специально не передаются. Отдельные гласные звуки передаются с помощью арабских букв, в арабском обозначающих полусогласный звук. При этом одна арабская буква может обозначать разные звуки испанского языка (см. *Таблицу 2*), что затрудняет ее транслитерацию в современных исследованиях.

Таблица 2. Передача гласных в алхамиадо мосарабов и морисков

Table 2. Representation of vowels in Alhamiado

Алхамиадо мосарабов				Алхамиадо морисков		
Араб. буквы	Название	Транскрипция	Романский мосарабов	Огласовка	Название	Pidal 1902
ا	'алиф	[ʾ] / [ā]	а, е	أ, َ	фатха	а
				اَ, آ	хамза + фатха	е
ي	йā'	[y]	i, e	ي, ِ	кясра	i
و	вāв	[w]	u, o	و, ُ	дамма	u, o

3.3. Передача конечных -а и -о в собственных именах

Та-марбута (ة) в арабском — суффикс, обозначающий женский род. Однако в толедском архиве в некоторых женских и мужских именах эта буква используется для передачи конечного -а: *Juana* [ǧwāna]

(№ 217), *María* [mrya] (№ 145), *Benedicta* [bndqta] (№ 567), *Dominga* [dmānqa] (№ 690), *Simona* [smwna] (№ 217); а также фамилия *García* [ǧrsya] (№ 694) и т. п. (см. *Таблицу 3*). Использование *ta-марбуты* для передачи конечного *-a* характерно для написания мужских имен собственных в арабском языке [Гранде 2001: 267, 295].

Таблица 3. *Ta-марбута* (◌) для передачи конечного гласного

Table 3. *Tā-marbuta* (◌) for the representation of the final vowel

Интерпретация А. Г. Паленсии	Транскрипция	Алхамиадо	№ документа
женские имена			
<i>Juana</i>	[ǧwāna]	جوانة	№ 217
<i>María</i>	[mrya]	مريّة	№ 145
<i>Benedicta</i>	[bndqta]	بنديقة	№ 567
<i>Dominga</i>	[dmānqa]	دمانقة	№ 690
<i>Simona</i>	[smwna]	سمونة	№ 217
мужские имена			
<i>García</i>	[ǧrsya]	غرسية	№ 694

В архиве для передачи конечного *-o* в мужских именах почти всегда используется буква *xā'* (◌): *Pedro* [byṭrh] (№ 165), *Leonardo* [lwnrdh] (№ 691) (см. *Таблицу 4*).

Таблица 4. *Xā'* (◌) для передачи конечного *-o*

Table 4. *Hā'* (◌) for the representation of the final *-o*

Интерпретация А. Г. Паленсии	Транскрипция	Алхамиадо	№ документа
<i>Pedro</i>	[byṭrh]	بيطره	№ 165
<i>Leonardo</i>	[lwnrdh]	لونرده	№ 691

4. Арабские буквы *йā'* (ﺀ) и *джй̄м* (ﺝ) для передачи звуков, обозначаемых латинскими буквами *i-* и *j-*

4.1. Вступительные замечания

В толедском архиве в орфографии христианских имен с начальным латинским [y]⁷ (*Juan, Julián, Jacob*)⁸ наблюдается чередование начальной буквы: *i-* или *j-* в латинских подписях к документам.

Напомним, что палатальный апроксимант [y] не был известен в классической латыни, а появился уже в вульгарной [Lapesa 1981: 79, 177, 184, 189, 488, 495, 620]. В *Таблице 5* представлена эволюция графического представления звука [y] в испанском языке.

Таблица 5. Эволюция фонемы /y/ от вульгарной латыни к современному испанскому

Table 5. Evolution of the phoneme [y] from Vulgar Latin to Modern Spanish

Вульгарная латынь		Исп.		
Буква (сочетание)	Примеры	Буква	Примеры	
j [y]	+a (уд)	<i>jā̄m</i>	> y [y]	<i>ya</i> 'уже'
	+a (безуд)	<i>jactere</i>	> ∅	<i>echar</i> 'бросать'
		<i>januārium</i>		<i>enero</i> 'январь'
	+o, u (уд/безуд)	<i>jōcum</i>	> j [χ]	<i>juego</i> 'игра'
		<i>Jōvis</i>		<i>jueves</i> 'четверг'
		<i>jūstum</i>		<i>justo</i> 'справедливый'

⁷ Здесь и далее *палатальный апроксимант* обозначается не символом [j], а символом [y], чтобы согласовать транскрипцию звуков арабского и романского, мы не вдаемся в вопрос о фонологическом статусе этого звука.

⁸ Популярное испанское имя *José* в Архиве толедских мосарабов встречается только среди иудейского населения города (*Josef, Yosef, Yehosef*) либо в арабском варианте *Yūsuf* см. [Palencia 1930: 409–458]. В латинской графике ни один из этих вариантов не встречается.

Христианские имена с начальным [y] имена встречаются в латинских подписях архива с начальной *i*:- “*Ego Ioannes, presbiter de Coviessa, confirmo*” (№ 103); “*Iuliani ben Bahlul, testis*” (№ 83). В латинской графике находятся следующие варианты: *Ioannes* (№ 103), *Ioan* (№ 39), *Ioanes* (№ 472), *Iohannes* (№ 248), *Iohanes* (№ 303), *Ihuhannis* (№ 1012); *Iuliani* (№ 83), *Iulian* (№ 308), *Iulianus* (№ 966); *Iacobus* (№ 438), *Sancti Iacobi* (№ 223); *Iustus* (№ 227) и др.

В латинских подписях указанные имена встречаются и с начальной *j*: “*Et García, filio de Johan García el Corro qui cum mano sua + testis*” (№ 74); “*Julianis ben Cida, testis*” (№ 116). В латинской графике встречаются следующие варианты: *Johan* (№ 74), *Joannes* (№ 74), *Joan* (№ 127), *Johannes* (№ 274); *Julianis* (№ 116), *Julianus* (№ 1097), *Julian* (№ 303), *Juliani* (№ 451); *Jacobi* (№ 417), *Jacobus* (№ 170) и др.

В одном документе в латинской графике могут присутствовать разные варианты имени: *Iohannes* (№ 103), *Ioannes* (№ 103); *Johan* (№ 74), *Joannes* (№ 74), *Iohannes* (№ 74); а также разная орфография начального [y]: *Iohanes* (№ 303), *Julian* (№ 303).

В арабской графике в толедском архиве также наблюдается чередование букв при передаче начального звука, восходящего к латинскому [y]: *ÿā'* (ϣ) или *джйм* (ⵝ).

4.2. Буква *ÿā'* (ϣ)

В арабском буква *ÿā'* (ϣ) обозначает палатальный полусогласный звук [y]. В алхамиадо морисков эта буква обычно транслитерируется как *y*⁹ [Galmés de Fuentes 1972: 152–160]. В толедском архиве (в алхамиадо мосарабов) буква *ÿā'* (ϣ) используется для обозначения звука [y], передаваемого латинской *i*- в начальной позиции. В архиве в такой орфографии встречаются следующие имена (см. *Таблицу б*).

⁹ Здесь и далее характеристика арабских звуков дается по [Galmés de Fuentes 1972: 152–160].

Таблица 6. Романские имена в арабской графике с начальной *yā'* (ي)Table 6. Romanic names in Arabic script with the initial *ya'* (ي)

Транслитерация А. Г. Паленсии	Транскрипция	Алхамиадо	№ документа
<i>Juan</i>	[ywān]	يوان	№ 34
	[ywānš]	يوانش	№ 120
<i>Juanes</i>	[ywānš]	يوانش	№ 42
<i>Julianis</i>	[ylyāns]	يليانس	№ 150
<i>Julian</i>	[ylyān]	يليان	№ 691
<i>Yaco</i>	[yāqh]	ياقه	№ 416
<i>Santiago</i>	[šnt yāqb]	شنت ياغب	№ 187
<i>Jacob</i>	[yāqb]	ياغب	№ 130
	[yāqwb]	ياقوب	№ 482
<i>Yaques</i>	[yāqš]	ياقش	№ 940
<i>Iusta</i>	[yšta]	يشته	№ 341

Часто встречается арабский вариант имени *Juan* — *Yahia* — как в арабской графике: يحيى [yḥyā] (№ 3); так и в латинской: *Yahya* (№ 496). В архиве некоторые из перечисленных имен встречаются в арабской графике с начальной буквой *джйм* (ج).

4.3. Буква *джйм* (ج)

В арабском языке *джйм* (ج) обозначает заднебную звонкую аффрикату [ǧ]. В алхамиадо морисков буква *джйм* (ج) использовалась для обозначения препалатального фрикативного звонкого звука [ǧ] в мосарабском диалекте и обычно транслитерируется как *j* [Galmés de Fuentes 1972: 152–160]. В толедском архиве встречаются следующие варианты романских имен с буквой *джйм* (ج) в начальной позиции (см. *Таблицу 7*).

Таблица 7. Романские имена в арабской графике с начальной *джѣм* (ج)Table 7. Romanic names in Arabic script with the initial *jīm* (ج)

Вариант А. Г. Паленсии	Транскрипция	Алхамиадо	№ документа
<i>Juan</i>	[ǧwān]	جوان	№ 228
<i>Juana</i>	[ǧwāna]	جوانة	№ 220
<i>Jonás</i>	[ǧnās]	جناس	№ 1018
<i>Chonás</i>	[ǧnās]	جناس	№ 1018
<i>Julián</i>	[ǧwlyān]	جوليان	№ 640
<i>Joselin</i>	[ǧsālyn]	جساليين	№ 367

В отличие от имен *Juan* и *Julio*, имя *Jacob* нам не удалось обнаружить в арабской графике с начальной *джѣм* (ج).

Чередование букв в документе встречается и в именах в арабской графике: *Iulian* يليان [ylyān] (№ 691), *Juan* جوان [ǧwān] (№ 691). В одном документе может встречаться мужской и женский вариант имени в разной орфографии: *Ioan* يوان [ywān] (№ 217), *Juana* جوانة [ǧwāna] (№ 217). Чередование сохраняется на протяжении всего периода, охватываемого архивом (XII–XIII вв.). Возникает вопрос: какова связь между чередованием начальных букв в латинской и в арабской графике?

В изменении произношения имен *Juan* и *Julián*, отраженного в арабской графике, наблюдается тенденция перехода латинского [y], на письме обозначаемого буквами *i-/j-*, перед гласными *o, u* (как ударными, так и безударными) в *j-* [χ], завершившегося в период с 1450 по 1620 гг.:

Juan: позднелат. *Jōhannes* > *Ioan* يوان [ywān] (№ 217) > *Juan* جوان [ǧwān] (№ 228) [DECEL];

Julián: лат. *Iulianus* > *Iulian* يليان [ylyān] (№ 691) > *Julian* جوليان [ǧwlyān] (№ 640) [DECEL].

Напротив, на примере орфографии имени *Yago* видна тенденция сохранения звука [y], на письме обозначаемого буквой *y-*, перед

ударной гласной *a*: *Sant Yago* < *Sant-Iakob* < *Jacobo* < лат. *Jacobus* < евр. *Ya'qōb* [DECEL].

В целом, в арабской орфографии чаще передается поздняя фонетическая форма имени, бытовавшая на тот момент в среде мосарабов. В то же время в латинских подписях сохраняется более консервативная орфография, что объясняется их формальным характером. А. Г. Паленсия отмечает, что в подписях на арабском толедские христиане указывали арабские имена, которыми они пользовались в быту (*Don Hosain* دون حسين [dwn ḥsyn], *Yahia* يحيى [yḥyā], *Jāzim* خازم [ḥāzm], *Jálid* خالد [ḥāld] и др.), считая свои католические имена официальными (*Ihuhannis*, *Iulianus*, *Iacobus* и др.) [Palencia 1930: 124]. Очевидно, подписи на латыни не передают истинное звучание имени на тот момент (*Iulian* يليان [ylyān], *Juan* جوان [ḡwān], *Ioan* يوان [ywān] и др.).

4.4. Буква *джѐм* (ج) для передачи звуков, обозначаемых в испанском языке до сер. XV — нач. XVII в. латинской буквой *j*

Надо отметить, что в исследуемый исторический период в испанском языке буква *j* использовалась для обозначения препалатального фрикативного звонкого звука [ǰ], который вскоре перешел в препалатальный фрикативный звонкий [ʒ]. На письме этот звук обозначался буквой *j* (*jamás*, *consejo*), а также буквой *g* в позиции перед гласными *e* и *i* (*gentil*, *mugier*) и буквой *i* (*conseio*)¹⁰ в интервокальной позиции [Menéndez Pidal 1902: 25; Lapesa 1981: 204–206]. Звук [ǰ] относится к «четырем средневековым фонемам», позже исчезнувшим в испанском языке [Lapesa 1981: 204–206].

Со временем фонема [ǰ] перешла в [χ]. Этот процесс завершился в период с 1450 по 1620 гг. Однако на письме звук [χ] обозначался буквой *x* до реформы 1815 г., после которой звук [χ] стал обозначаться графемами *j* перед любым гласным (*lejos*, *caja*, *queja*, *dejar*) и *g* перед

¹⁰ В архиве встречается необычный пример: романское имя *Eugenia* в арабской графике написано не с *джѐм* (ج), а с *yā'* (ي) اويانية [āwyānya] (№ 38).

гласными *e* и *i*, когда этого требовала этимология слова (*gente*, *género*, *tragedia*) [Lapesa 1981: 421–424, 637–638] (см. Таблицу 8).

Таблица 8. Эволюция звуков, обозначаемых буквой *джѣм* (ج) в алхамиадо морисков

Table 8. Sounds denoted by the letter *jīm* (ج) in Morisc's Alhamiado

Араб.		Транслитерация в алхамиадо морисков	Исп. XV в.			Исп. после XV в.			
Буква	Транскрипция		Звук	Буква	Примеры	Звук	Буква 1815 г.	Примеры	
<i>джѣм</i> (ج)	[ǧ]	j	[ǧ] > [ʒ]	j	<i>jamás</i> 'никогда', <i>consejo</i> 'совет'	> [χ]	j	<i>lejos</i> 'далеко', <i>caja</i> 'ящик', <i>queja</i> 'жалоба', <i>dejar</i> 'оставить'	
				ge, gi	<i>gentil</i> 'язычник', <i>mugier</i> 'женщина'			ge, gi	<i>gente</i> 'люди', <i>género</i> 'род', <i>tragedia</i> 'трагедия'
				i	<i>conseio</i> 'совет'				

Как отмечено выше, средневековая фонема [ǧ] (в староиспанском) на письме обозначалась не только буквой *j*, но и буквой *g* (*ge*, *gi*). В толедском архиве в арабской графике встречаются примеры использования буквы *джѣм* (ج) для указания на звуки, этимологически обозначаемые на письме буквой *g*¹¹: *Gil* جيل [ǧyl] (№ 230). Это имя встречается в толедском архиве и в латинской графике: *Gil* (№ 384).

¹¹ В толедском архиве встречаются также случаи использования буквы *джѣм* (ج) для передачи звуков, обозначаемых сочетанием *ch* в имени *Sancho*: شنجه [šnǧh] (№ 175), شانجه [šānǧh] (№ 694). В латинской графике встречается следующий вариант того же имени собственного: *Sánchez* (№ 336).

4.5. Другие арабские буквы, транслитерируемые как латинская *j*

Буква *xā'* (خ). Как отмечалось, после реформы 1815 г. буква *j* стала использоваться для обозначения велярного фрикативного глухого звука [χ] [Lapesa 1981: 12]. Этот звук более точно передает арабская буква *xā'* (خ). В арабском эта буква обозначает фрикативный поствелярный глухой звук [ħ] [Galmés de Fuentes 1972: 152–160]. В алхамиадо морисков буква *xā'* (خ) не используется. В толедском архиве эта буква встречается для обозначения арабских имен, в современном испанском записываемых с *j* [χ]: *Jálif ben Abdala* بن خلف عبد الله [ħlf bn 'bd allh] (№ 2), *Jair* خير [ħyr] (№ 30), *Jázim* خازم [ħāzm] (№ 153), *Jálid* خالد [ħāld] (№ 167).

Буква *xā'* (ح). В современном испанском встречаются арабские имена, пишущиеся с *h*, а в арабском в этих именах употребляется буква *xā'* (ح). Буква *xā'* (ح) в арабском обозначает фрикативный фарингальный глухой звук [ħ] [Galmés de Fuentes 1972: 152–160]. В алхамиадо морисков она не используется. В толедском архиве *xā'* встречается в арабских именах: *Don Hosain* دون حسين [dwn ħsyn] (№ 361), *Yahia* [yħyā] 3 №) (يحيى); *Hasán* حسان [ħsān] (№ 30). В текстах архива в латинской графике *xā'* (ح) в арабских именах передается буквой *h*: *Habibez* (№ 304), *Hbib* (№ 170), *Hamor* (№ 304), *Yahya* (№ 496).

Буква *šīn* (ش). Имена, которые в современном испанском пишутся с начальным *j*- или *g(i)*, а в толедском архиве в арабской графике записаны с *šīn* (ش) [š], А. Г. Паленсия в одних случаях транскрибирует латинской *j*-: *Jimeno* شمانه [šmānh] (№ 268); а в других те же имена он транскрибирует с начальным *x*-: *Ximena* شمينة [šmyna] (№ 202), *Xilberto* شلبارت [šlbārt] (№ 268). В латинской графике эти имена в архиве не встречаются. Отметим, что всего несколько имен встречаются в латинской графике с начальным *x*: *Xristoforus* (№ 974), *Xroforus* (№ 1094), *Xrofori* (№ 1122).

Вариант транскрипции с *x*, предложенный А. Г. Паленсией, следует признать более удачным с точки зрения истории испанского языка. Напомним, что буква *j* сегодня обозначает в испанском языке

звук [χ], а в рассматриваемый исторический период отражала звук [ġ]. Однако в арабской графике в архиве используется не буква *джйм* (ج) [ġ], а буква *шйн* (ش) [š]: *Jimeno* شمانه [šmānh] (№ 268), *Ximena* شمينة [šmyna] (№ 202), *Xilberto* شلبارت [šlbärt] (№ 268). В арабском буква *шйн* (ش) обозначает препалатальный фрикативный глухой звук [š]. В алхамиадо морисков эта буква транслитерируется как *x* (*ximio*, *baxo*) [Lapesa 1981: 204–206; Galmés de Fuentes 1972: 152–160]. Р. Менендес Пидаль предлагал транскрибировать *шйн* (ش) как *x*, основываясь на том звуке, который эта буква обозначает в арабских текстах, в то время как другие исследователи транскрибировали *шйн* (ش) как *x*, *s* или *ss*, исходя из этимологии слова и его орфографии в соответствующий исторический период [Menéndez Pidal 1902: 26] (см. *Таблицу 9*).

Необходимо помнить, что в рассматриваемый исторический период буквы *x*, *s* и *ss* обозначали другие звуки, чем в современном испанском: [š], [ž] и [s̄]. Фонема [š] на письме обозначалась как *x* (*ximio*, *baxo*, *exido*, *axuar*); [ž] — как *-s-* в интервокальной позиции (*rosa*, *prisión*); [s̄] — как *-ss-* в интервокальной позиции (*passar*, *esse*, *amasse*), *s* в начальной позиции (*señor*) или в сочетании с согласным в постпозиции (*pensar*). Звонкий или глухой вариант фонемы [š] на письме обозначался буквой *s* в препозиции к согласному (*aspa* [ašpa], *asno* [ažno]). Оба варианта фонемы [š] сохранились в современном испанском языке [Menéndez Pidal 1902: 26; Lapesa 1981: 204–207].

Звук [š] относится к так называемым «четырем средневековым фонемам» [Lapesa 1981: 206], позднее исчезнувшим в испанском. Напомним, что фонема [š] со временем перешла в [χ] (см. выше), так же как и фонема [ġ].

Таким образом, транслитерация *шйн* (ش) как *j* неоправданна с исторической точки зрения и может ввести в заблуждение читателя. Более удачной является транслитерация *шйн* (ش) как *x*. В процессе фонетических изменений звук [š], обозначаемый арабской *шйн* (ش) и звук [ġ], обозначаемый арабской *джйм* (ج), перешли в фонему [χ], в современном испанском обозначаемую буквами *j* и *g*(e/i) (см. *Таблицу 10*). Оба звука относятся к так называемым исчезнувшим «четырем средневековым фонемам» (исп. *cuatro fonemas medievales*) испанского языка [Lapesa 1981: 204–206].

Таблица 9. Эволюция звуков, обозначаемых буквой *shīn* (ش) в алхамиадо морисковTable 9. Sounds denoted by the letter *shīn* (ش) in Morisc's Alhamiadio

Араб.		Транслитерация в алхамиадо морисков	Исп. XV в.			Исп. после XV в.			
Буква	Транскрипция		Звук	Буква	Примеры	Звук	Буква 1815 г.	Примеры	
<i>shīn</i> (ش)	[š]	X	[š]	x	<i>ximio</i> 'обезьяна', <i>baxo</i> 'низкий'	> [χ]	j	<i>lejos</i> 'далеко', <i>caja</i> 'ящик', <i>queja</i> 'жалоба', <i>dejar</i> 'оставить'	
			[š]	-ss-	<i>passar</i> 'проходить', <i>esse</i> 'тот', <i>amasse</i> 'любил бы'	> [š]	s	<i>gente</i> 'люди', <i>género</i> 'род', <i>tragedia</i> 'трагедия'	
			[š]	s	<i>señor</i> 'хозяин', <i>pensar</i> 'думать'			<i>pasar</i> 'проходить', <i>pensar</i> 'думать', <i>rosa</i> 'роза', <i>aspa</i> [ašpa] 'лопасть'	
			[š]	s	<i>aspa</i> [ašpa] 'лопасть'				
			[ž]	-s-	<i>asno</i> [ažno]* 'осел'			<i>asno</i> [ažno] 'осел'	
								<i>rosa</i> 'роза', <i>prisión</i> 'тюрьма'	

Таблица 10. Звуки, обозначаемые буквами *джѣм* (ج) и *шѣн* (ش) в алхамиадо морисковTable 10. Sounds denoted by the letters *jīm* (ج) and *shīn* (ش) in Morisc's Alhamiado

Араб.		Транслитерация в алхамиадо морисков	Исп. XV в.			Исп. после XV в.			
Буква	Транскрипция		Звук	Буква	Примеры	Звук	Буква 1815 г.	Примеры	
<i>джѣм</i> (ج)	[ǧ]	j	[ǧ] > [ʒ]	j	<i>jamás</i> 'никогда', <i>consejo</i> 'совет'	> [χ]	j	<i>lejos</i> 'далеко', <i>caja</i> 'ящик', <i>queja</i> 'жалоба', <i>dejar</i> 'оставить'	
				ge, gi	<i>gentil</i> 'язычник', <i>mugier</i> 'женщина'			ge, gi	<i>gente</i> 'люди', <i>género</i> 'род', tragedia 'трагедия'
				i	<i>consejo</i> 'совет'				
<i>шѣн</i> (ش)	[š]	x	[š]	x ¹²	<i>ximio</i> 'обезьяна', <i>baxo</i> 'низкий'				

Выводы

1. Чередование начальных букв *i-/j-* в подписях архива толедских мосарабов объясняется тем, что в данный исторический период

¹² После реформы 1815 г. буква *x* стала использоваться для обозначения звуков [ks] и [gs] (*examen, exención*) [Lapesa 1981: 423].

(XII–XIII вв.) эти латинские буквы, прежде передававшие один звук, уже обозначали два разных звука: [y] и [ǰ]. Это подтверждается и чередованием начальных букв *īyā'* (ي) и *ǰjīm* (ج) в тех же именах в арабской графике.

2. Некоторые романские имена на алхамиадо в архиве, которые А. Г. Паленсия транскрибирует с буквой *j* [χ] в соответствии с современной испанской орфографией: *Jimeno* и др., написаны с начальным *īyīn* (ش) [š], что может ввести в заблуждение читателя-нероманиста. Поскольку в описываемый исторический период буква *īyīn* (ش) обозначала в алхамиадо звук [š], в это время передававшийся на письме латинской буквой *x*, более удачной следует признать транскрипцию с буквой *x*: *Ximena* شمينة [šmyna] (№ 202), *Xilberto* شلبارت [šlbārt] (№ 268).

3. В подписях на арабском толедские христиане указывали арабские имена, которыми они пользовались в быту, считая свои католические имена официальными. Последние нередко упоминаются в конце документа в латинской графике. Часто в латинской графике встречаются имена с начальным *i-/j-*. Эти подписи на латыни сохраняют традиционное написание и не позволяют (без обращения к арабским записям) установить истинное звучание имени, используемое в речи. Между тем варианты романского имени в арабском тексте документа позволяют установить произношение имен с начальным *i-/j-* в данный исторический период.

Список условных сокращений

араб. — арабский; араб.-исп. — арабо-испанский; исп. — испанский; кл. араб. — классический арабский

Литература

- Воевужский 1987 — И. Н. Воевужский. Орфографические принципы профессиональных языков // Ю. А. Петросян (гл. ред.). Письменные памятники Востока. XXI годичная научная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ч. 2. М.: Наука, 1987. С. 53–56.
- Гранде 2001 — Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 2001.

- Карасс 1950 — М. Б. Карасс. Материалы архива толедских мосарабов от XII–XIII веков // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 95–103.
- Крачковский 2019 — И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях // И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1956. С. 11–148.
- Тихонова, Шакунова 2018 — О. В. Тихонова, Л. А. Шакунова. Обозначения церковных должностей в архиве толедских мосарабов XII и XIII вв. // Труды Института востоковедения РАН. 2018. Вып. 19. Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография. С. 350–358.
- Тихонова, Шакунова 2019 — О. В. Тихонова, Л. А. Шакунова. Романские и арабские имена мосарабов аль-Андалуса (на материале архива толедских мосарабов XII и XIII вв.) // Религиоведение. 2019. № 2. С. 10–16.
- Юшманов 1985 — Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М.: Наука, 1985.
- DECEL — Diccionario Etimológico Castellano en Línea (электронный ресурс). URL: <http://etimologias.dechile.net> (дата обращения: 26.01.2019).
- DLE — Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española (электронный ресурс). URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 01.12.2020).
- Galmés de Fuentes 1983 — A. Galmés de Fuentes. Dialectología mozárabe. Madrid: Editorial Gredos, 1983.
- Galmés de Fuentes 1970 — A. Galmés de Fuentes. Historia de los amores de París y Viana. Colección de literatura española aljamiado — morisca (CLEAM). Madrid: Editorial Gredos, 1970.
- Lapesa 1981 — R. Lapesa. Historia de la lengua española. Madrid: Gredos, 1981.
- Lopes 1897 — D. Lopes. Textos em aljâmia portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim. Lisboa: Imprensa Nacional, 1897.
- Mandel Khan 2011 — G. Mandel Khan. L'écriture arabe. Paris: Flammarion, 2011.
- Menéndez Pidal 1902 — R. Menéndez Pidal. Poema de Yûçuf. Madrid: Tipografía de la Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1902.
- Morf 1883 — H. Morf. El Poema de José. Leipzig: Druck von W. Drugulin, 1883.
- Palencia 1930 — A. G. Palencia. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII. Vol. Preliminar: Estudios e Índices. Madrid: Instituto de Valencia de Don Juan, 1930.

Источники

- Palencia 1926a — A. G. Palencia. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII. Vol. I: Documentos números 1–382. Madrid: Instituto de Valencia de Don Juan, 1926.

- Palencia 1926b — A. G. Palencia. *Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII*. Vol. II: Documentos números 383–726. Madrid: Instituto de Valencia de Don Juan, 1926.
- Palencia 1928 — A. G. Palencia. *Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII*. Vol. III: Documentos números 727–1151. Madrid: Instituto de Valencia de Don Juan, 1928.

References

- DECEL. *Diccionario Etimológico Castellano en Línea*. Available at: <http://etimologias.dechile.net> (accessed on 26.01.2019).
- DLE. *Diccionario de la Lengua Española*. Real Academia Española. Available at: <https://dle.rae.es> (accessed on 01.12.2020).
- Galmés de Fuentes 1970 — A. Galmés de Fuentes. *Historia de los amores de París y Viana. Colección de literatura española aljamiado — morisca* (CLEAM). Madrid: Editorial Gredos, 1970.
- Galmés de Fuentes 1983 — A. Galmés de Fuentes. *Dialectología mozárabe*. Madrid: Editorial Gredos, 1983.
- Grande 2001 — Grande B. M. *Kurs arabskoy grammatiki v sravnitelno-istoricheskoy osveshchenii* [Arab grammar course in a comparative and historical perspective]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2001.
- Karass 1950 — M. B. Karass. *Materialy arhiva toledskih mosarabov ot XII–XIII vekov* [Materials of the archive of the Toledo's Mosarab from the XII–XIII centuries]. *Voprosy istorii*. 1950. No. 10. P. 95–103.
- Krachkovsky 1956 — I. Yu. Krachkovsky. *Nad arabskimi rukopisiami. Listki vospominanii o knigakh i lyudiakh* [Reading Arabic manuscripts. Memoires of books and people]. I. Yu. Krachkovsky. *Izbrannyye sochineniia* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka, 1956. P. 11–148.
- Lapesa 1981 — R. Lapesa. *Historia de la lengua española*. Madrid: Gredos, 1981.
- Lopes 1897 — D. Lopes. *Textos em aljama portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim*. Lisboa, 1897.
- Mandel Khan 2011 — G. Mandel Khan. *L'écriture arabe*. Paris: Flammarion, 2011.
- Menéndez Pidal 1902 — R. Menéndez Pidal. *Poema de Yüçuf*. Madrid: Tipografía de la Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1902.
- Morf 1883 — H. Morf. *El Poema de José*. Leipzig: Druck von W. Drugulin, 1883.
- Palencia 1930 — A. G. Palencia. *Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII*. Vol. Preliminar: Estudios e Índices. Madrid: Instituto de Valencia de Don Juan, 1930.
- Tikhonova, Shakunova 2018 — O. V. Tikhonova, L. A. Shakunova. *Oboznacheniya cerkovnyh dolzhnostej v arhive toledskih mosarabov XII i XIII vv.* [Designations

- of the clergy ranks in the archives of Toledo's Mozarabs of the 12th and 13th centuries]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. Iss. 19. P. 350–358.
- Tikhonova, Shakunova 2019 — O. V. Tikhonova, L. A. Shakunova. Romanskie i arabskie imena mosarabov al'-Andalusa [Romance and Arabic names of Mozarabs in al-Andalus]. *Religiovedenie*. 2019. No. 2. P. 10–16.
- Voevutsky 1987 — I. N. Voevutsky. Orfograficheskie printsipy konfessionalnykh yazykov [Orthographic principles of confessional languages]. Yu. A. Petrosyan (ed.). *Pismennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the Orient]. Pt. 2. Moscow: Nauka, 1987. P. 53–56.
- Yushmanov 1985 — N. V. Yushmanov. *Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka* [The grammar of the literary Arabic language]. Moscow: Nauka, 1985.

Квотативные и цитативные формы в северных селькупских говорах: от исконных к заимствованным

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
urmanna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются представленные в северных селькупских говорах частицы, использующиеся для маркирования «чужой речи». Они имеют цитативную (говорящий пересказывает чужую реплику либо формулирует реплику для передачи третьему лицу) и квотативную (автор текста маркирует, что данный фрагмент текста представляет собой чью-либо речь) функции. Показано, что семантика этих частиц активно взаимодействует с семантикой эвиденциальных форм, которые можно назвать семантическим стержнем селькупской глагольной системы. В статье описано значение этих селькупских частиц, а также их семантическая эволюция.

Ключевые слова: дискурсивные частицы, селькупский, хантыйский, русский, нганасанский, языковые контакты, эвиденциальность, цитация, квотатив.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России» № 17-29-09097.

Citation and quotation markers in Northern Selkup idioms: From native to borrowed ones

A. Yu. Urmanchieva

RAS Institute for Linguistic Studies, (St. Petersburg, Russia); urmanna@yandex.ru

Abstract. The article discusses four discourse particles found in the Northern Selkup dialects. The Selkup particles mark the so-called “reported speech” and thus

have two different functions: the function of citation (the speaker retells someone else's words or formulates his/her own utterance to be transmitted by the hearer to a third party), and the function of quotation (the author of the text marks a text fragment as representing a reported speech). It is shown that the semantics of these particles actively interact with the semantics of evidential forms (evidentiality constitutes the semantic core of the Selkup verbal system). The article describes the functions of these Selkup particles and their semantic evolution.

In addition, these particles, quite expectedly for discursive markers, represent an extremely interesting material in view of the various contact situations the Northern Selkup idioms took part in. I describe the *mol* particle, a Russian loan embedded in the system of these particles. This borrowing is an example of the classical grammaticalization cycle where the grammatical means are "updated" through substitution of original markers by borrowed ones. The very existence of the original Selkup system of "reported speech"-particles can be regarded as a "catalyst" for the borrowing of *mol*, and specific functions of the native particles contributed to the semantic change the borrowed particle *mol* underwent in Selkup. This case of a contact-induced change in the original system of "reported speech"-particles is compared with two other similar cases in the same semantic domain. The first is the semantics of the Selkup particle *myta*, seemingly, a Khanty borrowing. The second is evidence from Nganasan where citation forms were developed on the basis of evidential forms. Though unique against the other Northern Samoyedic languages, Nganasan citation forms demonstrate striking functional similarities with Northern Selkup forms, which also may represent a trace of (historically unattested) language contacts. Moreover, the case of Selkup-Nganasan linguistic interaction may also reveal reverse structural and material borrowing from Selkup to Nganasan. A comparison of these three contact situations (Selkup-Russian, Selkup-Khanty, and Selkup-Nganasan) contributes to the typology of language interaction mechanisms: the article discusses various semantic outcomes of linguistic elements borrowing in contact situations with different sociolinguistic characteristics.

Keywords: discourse particles, Selkup language, Khanty language, Russian language, Nganasan language, language contacts, evidentiality, citation, quotative.

1. Введение

В статье описаны формы, служащие для передачи чужой речи в северных селькупских говорах. Помимо описания функционирования форм, передающих кватативное и цитативное значение, особое

внимание уделяется вопросу контактно обусловленных изменений в сфере маркирования чужой речи. С этой точки зрения рассматриваются контакты селькупского с русским, хантыйским и нганасанским. Статья имеет следующую структуру. Во *Введении* (первый раздел статьи) приводятся необходимые сведения о диалектном членении селькупского языка, описываются материалы, использованные в работе, даются определения основных понятий (квотатива, цитатива, репортатива). Поскольку частицы, служащие для маркирования чужой речи, в некоторых своих употреблениях дублируют или уточняют употребления глагольных форм косвенной эвиденциальности, во *Введении* вкратце описывается эвиденциальная система, представленная в северных говорах селькупского. Следующие разделы посвящены последовательному рассмотрению частиц, употребляющихся для маркирования чужой речи: *monty* (Раздел 2), *myta* (Раздел 3), *totpa* (Раздел 4) и *tol* (Раздел 5). В *Разделе 6* описана семантическая эволюция рассмотренных частиц селькупского языка. В *Разделе 7* описываются цитативные формы нганасанского языка; наконец, в *Разделе 8* обсуждаются, как языковые контакты отражаются в сфере маркирования чужой речи в ситуациях селькупско-хантыйского, селькупско-русского и селькупско-нганасанского взаимодействия.

1.1. Диалектное членение селькупского языка и использованные диалектные материалы

Известно, что селькупский представляет собой диалектный континуум; в отношении его внутреннего диалектного членения есть общепринятые представления, опирающиеся на работы Т. Янурика, Х. Катца, Е. А. Хелимского и Я. Алатало [Katz 1979, Janurik 1978, Хелимский 1984; 1985; Alatalo 2004]. В соответствии с [Alatalo 2004] классификация селькупских диалектов, соотносящаяся с географическим распространением локальных вариантов языка с севера на юг, выглядит следующим образом:

Р — северный, «тундровый» диалект, на реках Таз и на притоках Енисея от Елогуя до Карасино, ранее также в верховьях Ваха.

Т — **тымский диалект**, распространен на реке Тым. Согласно общепринятой точке зрения, именно отсюда на север мигрировала часть населения, послужившая основой северной группы селькупов.

Н — **н-диалект**, на реках Васюган, Парабель и на Оби между ними. Название диалекта в данной классификации обусловлено его яркой чертой — переходом $s > h$.¹

О — **верхнеобской диалект**, к югу от Колпашева до р. Чулым.

К — **кетский диалект**, от нижнего течения реки Кеть, параллельного Оби, и вверх по Кети до Маковского. Я. Алатало указывает на то, что существуют дополнительные различия между селькупскими диалектами на верхней и на нижней Кети.

Помимо вышеприведенной диалектной классификации, для целей данной работы дополнительно важно также учитывать разделение на говоры северного селькупского диалекта. Согласно [Казакевич 2005], «северный, или тазовско-туруханский, диалект селькупского языка существует как совокупность локальных вариантов — говоров, функционирующих в нескольких поселках на территории Красноселькупского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого автономного округа и Туруханского района Красноярского края. Сегодня довольно четко выделяются следующие четыре говора: **среднетазовский** (Сидоровск, Красноселькуп, Часелька, Совречка), **верхнетазовский** (Только Красноселькупского района, Кикки-Акки, Ратта, отдельные носители имеются также в Келлоге, Сургутихе, Бакланихе), **верхнетолькинский** (ларьякский) (Только Пуровского района, Тарко-Сале), **баишенский** (Фарково, Туруханск)» [Казакевич 2005: 122]. Как будет показано ниже, с точки зрения употребления частиц различаются среднетазовский говор и баишенский говор в записях Г. Н. Прокофьева.

В статье рассматривается употребление следующих частиц северных говоров селькупского языка: *tompa*, *monty*, *myta* и *mol*. Согласно словарю [Alatalo 2004], частицы *monty* и *tompa* имеют следующие

¹ Иногда отдельно выделяется также **И** — **иванкинский диалект** (Обь в районе Колпашева), в котором не произошло перехода $s > h$, но который в остальном очень близок к Н-диалекту.

ареалы распространения: *monty* — Р, Т, К; *motpa* — Р; частица *myta* в [Alatalo 2004] отсутствует (вероятно, в силу того, что она зафиксирована только в северных говорах и только в тех материалах московских исследователей, который Я. Алатало использовал для дополнения существующих словарных статей, но не использовал для того, чтобы завести отдельную словарную статью). В диалектном словаре северных говоров селькупского языка [Казакевич, Будянская 2010] указано, что все эти частицы представлены только в крайнесеверном, среднетазовском идиоме; тем не менее, как будет показано ниже, они употребляются также в тех селькупских фольклорных записях Г. Н. Прокофьева, которые помечены им как записи от баишенских селькупов.

Таким образом, все эти частицы представлены в «правобережных» (относительно Оби) диалектах селькупского (Р, Т, К), при этом две из трех представлены только в северном диалекте, и здесь — только в двух северных говорах — среднетазовском и баишенском (в материалах Г. Н. Прокофьева).

В качестве материала в статье проанализированы следующие тексты на северных говорах: корпус фольклорных текстов на среднетазовском говоре, опубликованный в [ОчСЯ 1993], и записанные Г. Н. Прокофьевым в Яновом Стане фольклорные тексты, любезно предоставленные в мое распоряжение О. А. Казакевич². В словаре [Казакевич, Будянская 2010: 14–15] все указанные тексты Г. Н. Прокофьева перечислены как представляющие баишенский говор. Однако Г. Н. Прокофьев пометил лишь часть из них как записанные от баишенских селькупов; притом что Янов Стан относится к среднетазовской диалектной зоне, можно считать, что отсутствие указания на баишенский говор может быть проинтерпретировано как имплицитное указание на среднетазовский говор (как будет видно из дальнейшего изложения, при разделении указанных текстов на две группы по указанному принципу оказывается, что в этих

² В том случае, если цитируется материал из [ОчСЯ 1993], пример снабжается соответствующей ссылкой; примеры без ссылки взяты из указанных архивных материалов Г. Н. Прокофьева [Прокофьев рук.].

двух группах текстов несколько по-разному употребляются частицы, маркирующие чужую речь). В отношении баишенского говора следует сделать следующую оговорку. Как указывает О. А. Казакевич, «грамматическая (а также отчасти и фонетическая) неоднородность, наблюдаемая в говоре, наводит на мысль, что современный говор с. Фарково является результатом смешения по крайней мере двух различных говоров»; в данной статье под баишенским говором понимаются только указанные материалы Г. Н. Прокофьева, но не баишенские записи Л. А. Варковицкой, послужившие материалом для [Казакевич, Будянская 2010] (в этом словаре указано, что интересующих нас частиц в этом локальном варианте селькупского не отмечено), и не баишенские записи Л. А. Варковицкой, А. И. Кузьминой и Т. Лехтисало из [Тучкова, Вагнер-Надь 2015]. При цитировании примеров сохраняется система записи оригинала.

1.2. Основные используемые в статье понятия

При обсуждении значений, наиболее тесно связанных с идеей передачи чужой речи, нам важно различать значения репортатива, квотатива и цитатива.

Значение *репортатива* (единственное из перечисленных) является собственно эвиденциальным значением. Репортативом маркируется не прямой доступ к информации о ситуации: при помощи этой глагольной формы описываются ситуации, свидетелем которых говорящий не был и информация о которых известна ему только с чужих слов (см. (2) ниже). Это значение имеет лишь опосредованное отношение к теме статьи: сам по себе репортатив не является средством передачи чужой речи, однако репортатив может а) служить базой для грамматикализации значений передачи чужой речи; б) являться одним из значений полисемичного показателя, использующегося также для маркирования чужой речи. Непосредственно с маркированием чужой речи связаны два других значения — квотатив и цитатив.

Согласно трактовке [Güldemann 2008], показатель *квотатива* — «a segmentally discrete linguistic expression which is used by the reporter

for the orientation of the audience to signal in his/her discourse the occurrence of an adjacent representation of reported discourse»³ [Güldemann 2012: 118]. Т. Гюльдеман при этом предлагает расширенное понимание чужой, или пересказанной, речи:

«In functional terms it is clear then that there must be another function of quotative indexes beyond plain event representation. I propose to derive this function from the very nature of reported discourse itself, which I define as follows (note that this definition refers to the entire categorial scale between extreme direct and extreme indirect discourse and includes internal cognition and perception):

Reported discourse is the representation of a spoken or mental text from which the reporter distances him-/herself by indicating that it is produced by a source of consciousness in a pragmatic and deictic setting that is different from that of the immediate discourse»⁴. [Güldemann 2012: 118].

Таким образом, *квотатив* — это фактически вербальный аналог кавычек. Применительно к рассматриваемым ниже показателям я предлагаю зарезервировать термин «квотатив» для тех случаев, когда в нарративе вводится прямая речь (в том числе внутренняя речь) персонажей.

³ «...Являющаяся отдельным сегментом лингвистическая единица, которая используется говорящим для того, чтобы сигнализировать аудитории, что непосредственно примыкающей к ней в его речи является чужая речь».

⁴ «С функциональной точки зрения очевидно, что у квотативных маркеров есть и другая функция помимо непосредственной передачи событий. Я считаю, что эта функция естественно обусловлена самой природой пересказываемой речи, которую я определяю следующим образом (следует обратить внимание, что это определение относится ко всей шкале, на одном полюсе которой находится “максимально” прямая речь, на другом — “максимально” непрямая речь, включая внутренние акты познания и восприятия):

Пересказываемая речь — репрезентация произнесенного реально или мысленно текста, от которого говорящий дистанцируется, маркируя, что он был произведен некоторым сознанием в ситуации, прагматические и дейктические характеристики которой отличают его от текущей коммуникативной ситуации».

Условия употребления показателей *цитатива* (которые, на мой взгляд, важно отграничивать от квотативных показателей) я предлагаю определить следующим образом. Цитативный показатель сигнализирует о том, что говорящий пересказывает чужую (либо свою) реплику либо формулирует собственную реплику для передачи слушающим третьему лицу; в отличие от эвиденциального значения репортатива, которое маркирует источник информации, и квотатива, являющегося прежде всего маркером введения прямой речи, цитатив ориентирован на пересказ, передачу формы высказывания.

1.3. Эвиденциальная система тазовского селькупского: релевантные формы

Поскольку, как уже говорилось, употребление частиц в какой-то степени пересекается с употреблением показателей косвенной эвиденциальности, ниже вкратце охарактеризована эвиденциальная система северного селькупского.

Эвиденциальная система тазовского селькупского описана в [ОчСЯ 1980], более подробно и с определенной реинтерпретацией — в [Урманчиева 2014, 2015]. В селькупском представлена система из трех собственно эвиденциальных показателей:

- показатель инферентива *-тру* ('говорящий судит о ситуации на основании наблюдаемых результатов'; он не будет рассматриваться в данной статье, так как его функции не пересекаются с функциями описываемых частиц);
- показатель аудитива *-kunä* ('говорящий не наблюдает ситуацию и судит о ней по акустическим данным'⁵):

⁵ В северносамодийских языках показатель аудитива может соотноситься с любым сенсорным невизуальным доступом к ситуации, ср. о ненецком [Буркова 2010], о нганасанском [Гусев 2007]. Вероятно, такое употребление представлено и у селькупского аудитива, но мне такие примеры неизвестны.

- (1) *Уккыр чонтō-џын Кӓнҥырсаля нильчӓк уньтынн-и-т* —
 один время-LOC PN так услышать-AOR-03

џуп тап морыли-мпы-куна-∅
 человек вот шуметь-DUR-AUD-S3

‘Однажды Кенгырселя так услышал — человек вот **шумит (слышно)**’;

— и, наконец, показатель *-nty* с широкой эвиденциальной семантикой, который в данной статье, в соответствии с терминологией, использованной в [ОчСЯ 1980], называется латентивом. Он может передавать следующие эвиденциальные значения (для описания эвиденциальных значений используется терминология, принятая в [Плунгян 2011: 473]): презумптивное ‘говорящий судит о ситуации на основании общих знаний о мире’ аудитивное ‘говорящий воспринимает ситуацию каким-либо чувством, отличным от зрения’⁶, эндофорическое ‘говорящий сообщает о своих внутренних ощущениях’ и репортативное ‘ситуация известна говорящему с чужих слов’. В связи с темой данной статьи из перечисленных нас будет интересовать репортативное значение (‘ситуация известна говорящему с чужих слов’), ср. пример (2), аудитивное, ср. (3) и презумптивное, ср. (4):

- (2) *Ара-ту томпа қӓӓты-нты-∅.*
 отец-1 мол болеть-LATENT-S3

‘Мой отец, говорят, болен’. [ОчСЯ 1980: 241]

- (3) *Нӓну уккыр контō-гыт уӓкылты-мпō-тыт:*
 потом один время-LOC слышать-DUR-AOR-03:

мӓтырōро-нты мерку на тӓӓ-нты-∅.
 крыша-ILL ветер вот прийти-LATENT-S3

‘Потом вот что услышали: на крышу ветер пришел’. [ОчСЯ 1993: 9 // T2, предл. 15]

- (4) *Мерку намысӓак есу-мпа-∅ — мӓт-ту нӓну понӓ*
 ветер такой статья-INFER-S3 чум-3 из наружу

⁶ При этом латентив вытесняет специализированный показатель аудитива.

ašša tann-enta-Ø. Ira nił'cik esa:
 NEG выйти-FUT-s3. старик так сказать-AOR-s3

“*Нор qət-qolam-ty-Ø*”.
 бог убить-PROSP-LATENT-s3

‘Ветер такой поднялся — из чума на улицу (старик) не выйдет. Старик так сказал: «Бог меня **убить собрался**»’. [ОчСЯ 1993: 8 // Т1, предл. 3–5]

В [Плунгян 2011] указывается на существование эвиденциальных систем, различающих визуальный (‘говорящий наблюдал ситуацию’) и партиципантный (‘говорящий принимал участие в ситуации’) доступ к информации об описываемой ситуации. Селькупский показатель латентива также может иметь значение визуального доступа к ситуации, процитирую в связи с этим приводившийся в [Урманчиева 2015] пример и часть комментария к нему:

«Пример (i) демонстрирует употребление латентива в значении визуального доступа:

- (i) *Әты-мын-ты пōнā танты-лā, чап қō-ңы-ты*
 слово-PROL-3 наружу выйти-CVb лишь найти-AOR-o3
мōт-ты пōры-т улқа чōты тамы-ль
 чум-GEN.3 верх-GEN лед против грязный-ATTR
сарпы-ля іппы-нты-Ø.
 тропа-Dim лежать-LATENT-s3

‘Как он сказал, на улицу вышла, едва разглядела — по обледенелой крыше жилища грязная дорожка **идет**’.

⟨...⟩ Латентив в значении визуального доступа может употребляться на протяжении достаточно значительных фрагментов текста, описывая последовательно сменяющие друг друга ситуации в рамках нарративной цепочки ⟨...⟩ 2. Это происходит в тех случаях, когда протагонист, попадая в некоторые новые обстоятельства с новыми действующими лицами, наблюдает эту ситуацию, не вмешиваясь в нее и не принимая в ней активного участия. В этом случае часть повествования ведется с использованием форм визуального доступа от лица протагониста» [Урманчиева 2015: 55–56].

Перейдем к описанию употребления частиц в говорах северного диалекта селькупского языка.

2. Частица *montu*

В отличие от частиц, рассматриваемых в следующих разделах, частица *montu* не участвует в маркировании чужой речи — она дублирует и уточняет значение латентивного показателя с широкой эвиденциальной семантикой. Тем не менее, поскольку некоторые ее употребления пересекаются с употреблениями кватативной частицы *myta*, ее также необходимо рассмотреть в данной статье.

2.1. Среднегазовский говор

В этом говоре частица *montu* дублирует значение визуального доступа, представленное у латентивного показателя:

- (5) *Монты мат чунта-ны пэлы-ль лака-п*
 MONTU я конь-GEN.1 половина-AGTR кусок-ACC
тары-ль тиры орқылы-лә тулты-нты-ты на
 шерсть-AGTR холка схватить-CVB принести-LATENT-O3 вот
 ‘Смотрю, моего коня, холку с шерстью, взяв, притащил’.
- (6) *Тэпты-ль жарыт иннә чап вэц-а-Ф, монты*
 завтра-AGTR утром вверх едва встать-AOR-S3 MONTU
тәләт жары-т мөта-н өк нү-ммы-нты-Ф
 дальше медведь-GEN чум-GEN дверь открыть-INFER-LATENT-S3
 ‘Наутро едва встал — неподалёку дверь медвежьего чума открыта’.

Притом что в (5) и (6) частица *montu* употребляется параллельно с латентивными формами глагола, такое дублирование не носит обязательного характера⁷: с одной стороны, в примерах с *montu* может

⁷ Вообще говоря, рассматриваемые в этой статье частицы не являются настолько грамматикализованными, чтобы иметь обязательные контексты

употребляться индикатив (7), с другой стороны, латентив в значении визуального доступа далеко не всегда сопровождается частицей *monty*:

- (7) *Имакота иллэ чап мантэ-я-Ø (?) — монты,*
 старуха вниз едва глянуть-Аор-с3 МОНТУ
кэтсаны-т тōпы-п лōзы-ль имакота тō
 внук-ГЕН нога-АСС черт-АГТР старуха прочь
қаи пачал-ны-ты
 что отрубить-Аор-о3

‘Старуха вниз едва глянула — видит, внука ногу чертова старуха прочь, что ли, отрубила?’

В текстах Г. Н. Прокофьева из Янова Стана есть примеры употребления сочетания частиц *monty тута* в контексте визуального доступа, характерном для частицы *monty*, ср. (8):

- (8) *Уккыр чонто-қыт руц ира-т няля нōты*
 один время-Лос русский старик-ГЕН дочь впредь
тулынн-я-Ø. Монты мыта нільчіль тэтты кун ни
 подойти-Аор-с3 МОНТУ МУТА такой земля где ни
уккыр нюто-н-ты, по-н-ты мо чāңк-а-Ø
 один трава-ГЕН-3 дерево-ГЕН-3 сук не.иметься-Аор-с3

‘Однажды русского старика дочь подошла (к некоему месту). Такая земля, нигде ни веточки ни травы, ни дерева’.

2.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

Как и в среднетазовском говоре, в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева эта частица имеет значение визуального доступа (таких примеров найдено три). В (9) частица *monty* употребляется в сочетании

употребления, и есть схожие контексты, в части из которых частицы употребляются, а в части — нет.

с латентивной формой, в (10) — в сочетании с *чӱңка* ‘нет, не имеется’ (эту форму грамматически следует интерпретировать как аорист 3 л. ед. ч. субъектного спряжения, однако, по моим наблюдениям, у этой основы аористная форма часто употребляется в контексте, характерном для эвиденциальных форм). Любопытно, что в (11) *монту* употребляется в сочетании с инферентивом; объектом визуального доступа в этом случае является не сама ситуация, лично не засвидетельствованная говорящим, а ее результат.

- (9) *Ныны* *зән-нѳ-тын.* *Монты* *нильчӱк* *зо-уѳ-тын,*
 потом пойти-AOR-S3PL MONTY так увидеть-AOR-O3PL

монты *бакл₁тиры₂* *тү-нты-ѳ.*
 MONTY нарты_{1,2} прийти-LATENT-S3

‘Потом пошли. Так увидели, нарты подошли’.

- (10) *Кы-н* *муты* *поккыты-уы-ты,* *монты,* *вӱтты-ты*
 река-GEN петля перевалить-AOR-O3 MONTY след-3

чӱңк-а-ѳ.
 не.иметься-AOR-S3

‘Место, где река делает петлю, перевалил, смотрит, нет следа’.

- (11) *Чоңаль* *пѳры-мын* *ылӱ* *манны-мп-а-ѳ.*
 чувал отверстие-PROL вниз посмотреть-DUR-AOR-S3

Монты *ира-мы* *няныча* *омт-а-ѳ* *ынтӱ-лӱ*
 MONTY муж-1 голый сидеть-AOR-S3 лук-DIM

ме-ммы-нты-ты *ай* *кома-ля*
 сделать-INFER-LATENT-O3 опять томар⁸-DIM

ме-ммы-нты-ты, *комаля-н-ты* *үкы-м*
 сделать-INFER-LATENT-O3 томар-DIM-GEN-3 конец-ACC

кысы-ля-сы *тоkkalты-мпа-т.*
 железо-DIM-INSTR одеть-INFER-O3

‘Через отверстие чувала вниз смотрит. Видно муж мой голый сидит, лук маленький и томарик сделал, томара своего конец железкой надел’.

⁸ Стрела с «шишечкой» на конце, не портящая шкурку.

В двух примерах эта частица имеет значение, близкое к презумптивному: она маркирует предположение, основанное на общих знаниях о мире. В (12) она употребляется в сочетании с латентивом (напомню, что эта эвиденциальная форма также имеет значение презумптива). Употребление этой частицы в (13) позволяет распространить значение предположения презумптивного характера на такой контекст, где грамматически его невозможно было бы выразить латентивом (в (13) глагол должен иметь либо форму инфинитива, либо форму опатива):

- (12) *Нильчик эс-ѳ-тын «Монты жай мей*
 так статья-AOR-S/O3 MONTY что мы
бу-псѳ-ты-мыт сом е-нты-ѳ.
 умереть-NMLZ-PL-1PL хорошо быть-LATENT-S3

‘Так сказали: «Видно что нам только и остается, что умереть»’.

- (13) *Мащим ей жупыль копты ны нѳны то*
 я.АСС тоже смертный место вот теперь прочь
щип и-сы-ѳ — нѳты кос монты
 я.АСС взять-PRAET-S3 впредь INDEF MONTY
жэчи-жонтожо (жэчи-лѳ-л).
 оставить-INF.2 (оставить-ORT-O2)

‘Меня тоже из смертного места прочь меня взял — впредь видно, тебе его оставить (= простить) надо (ты бы его оставил)’.

В тех же значениях, что и *monty*, в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева употребляется сочетание частиц *monty myta*. Так, в (14), (15) и (16) сочетание частиц маркирует значение визуального доступа (в (16) при этом в сочетании с инферентивной формой, как в (11) выше). Фраза, приведенная в примере (17), иллюстрирует значение презумптивного предположения: один старик, адресуясь к другому после учиненной тем резни, имеет в виду, произнося эту фразу, что по его поведению можно подумать, что он отдал в жены свою дочь только для того, чтобы устроить кровопролитие:

- (14) *Ны чап тѳ-жа-ѳ монты мыта жумы-н*
 вот лишь прийти-AOR-S3 MONTY MYTA человек-PL

таҗуыл-ны-нтә-тын.

собраться-INFER-LATENT-S/O3PL

‘Вот лишь пришел видит будто люди собрались’.

- (15) *Таккыль јты-ль тичо-нты тулын-ни-Ø монты*
нижний вода-ATTR теснина-ILL подойти-AOR-S3 MONTY

мыта лосы нупынир-лә ёмт-а-Ø

МУТА черт удить-CVB сидеть-AOR-S3

‘К нижней водяной теснине подошел — видно будто черт, удя, сидит’.

- (16) *Ныны щиттынтәль моҗынә тј-ја-Ø, монты*
потом вторично домой прийти-AOR-S3 MONTY

мыта йя-мы намыт кепыль оры-мпа-Ø —

МУТА сын-1 до.того сильный вырасти-INFER-S3

унты-ль укы-ты сәҗы-к коррымәт-па-Ø

борода-ATTR край-3 черный-ADV повернуться-INFER-S3

‘Потом вторично домой пришел — сын мой такой сильный вырос — борода и усы (бородатый край его) черно повернулись (обратились)’.

- (17) *Кәсы-ль Чүнты-ль мы ира нильчик*
железо-ATTR лошадь-ATTR COLL старик так

кәты-җы-т Сельчи Паньщ Ира-нык: «Тан монты
сказать-AOR-O3 семь коса старик-LAT ты MONTY

мыта нәлә-м-ты нат-җо ми-са-л, кемың-лы

МУТА дочь-ACC-2 то-TRANSL дать-ПРАЕТ-O2 кровь-2

нильчек ме-җонтоҗо»

так делать-INF.2

‘Железных Лошадей Старик так сказал Старику с Семейю Ко-сами: «Ты неужели будто дочь свою затем отдал, чтобы кровь твою делать (проливать)»’.

Таким образом, баишенские тексты Г. Н. Прокофьева позволяют проследить у частицы *monty* семантическое развитие на базе значения визуального доступа значения презумптива, непосредственно смыкающегося со значением эпистемической модальности. Оба этих

значения могут передаваться также одновременным употреблением с частицей *monty* частицы *myta*, которая подробно рассматривается в следующем разделе.

3. Частица *myta*

3.1. Среднегазовский говор

В текстах Г. Н. Прокофьева из Янова Стана, не помеченных им как записи от баишенских селькупов, есть единственный пример употребления частицы *myta*, который нет возможности семантически проинтерпретировать надежным образом. В среднегазовских текстах из [ОчСЯ 1993] эта частица употребляется в функции *квотатива* в широком значении. Так, в (18) *myta* оформляет реплику прямой речи персонажа в нарративе, а в (19) *myta* используется для описания увиденного персонажем, то есть для передачи внутренней речи, отражающей акт восприятия. Таким образом, пример (19) удачно иллюстрирует основания, которые позволяют употреблять квотативный показатель для передачи, по выражению Т. Гюльдемана, внутренних актов познания и восприятия. Очевидно, что в (19) глагол видения описывает не некоторый объективно существующий фрагмент действительности, а его восприятие персонажем: ‘то ли огонь горит, то ли солнце светит’. Таким образом, и в таких примерах как бы цитируется восприятие персонажа, которое можно, в частности, ассоциировать с его внутренней речью.

- (18) *N̄ny tol'cy-t s̄isy-p tō*
 потом лыжи-GEN крепления-ACC прочь
patqyllē-mp-a-ty — latno, myta, mōt šēr-ta-k.
 размотать-DUR-AOR-O3 ладно МУТА чум войти-FUT-S1
 ‘Потом крепления лыж размотал — ладно, мол, в чум войду’.

- (19) *Qum tōn-ny-∅, ukkyr contō-qyt*
 человек идти.на.лыжах-AOR-S3 один время-LOC

qo-nyu-ty: *ɔnyl'*, *myta*, *qaj tii* *cɔru-nty-∅*,
увидеть-AOR-O3 правда, МУТА что огонь гореть-LATENT-S3

qaj, *myta*, *cɛly-ty* *ɔty-nty-∅*.
что МУТА солнце-S3 взойти-LATENT-S3

‘Человек идет на лыжах, вдруг увидел: действительно, мол, то ли огонь горит, то ли, мол, солнце всходит’.

3.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

В баишенских текстах Г. Н. Прокофьева частица *myta* употребляется очень активно. Во-первых, она употребляется в контекстах квотатива, как и в среднетазовском, ср. контексты прямой речи в (20) и (21), а также дополнительные примеры (22)–(24), показывающие, что *myta* не имеет ограничений на сочетаемость с различными глагольными формами в маркируемой предикации и с различной иллокутивной силой высказывания: в (22) представлено побудительное высказывание (и, соответственно, императив), в (23) — вопросительное высказывание, в (24) *myta* употребляется в двух последовательных предикациях, в первом случае сочетаясь с кондиционалом, во втором — с оптативом:

(20) *Känyrsä nilь kəty-ny-t* «Ман **myta** лосы
PN так сказать-AOR-O1 я МУТА черт

цим ɟət-ɟontыtɔ *нѐнѐтын*.
я.ACC убить-INF.3PL гонять-AOR-S/O3PL

Hun *йя* *nilь kəty-ny-t:* «Ман **myta**
небо-GEN ребенок так сказать-AOR-O1 я МУТА

ненья-ль *мы-ɟäɟы-n* *нянтä* *эмты-птä-ɟыт*
сестра-ATTR COLL-COMIT-1 вместе сидеть-NMLZ-LOC

укин *апсы-н-ты* *мат* *кыммалты-са-к*.
раньше еда-GEN-3 я потащить-PRAT-S1

‘Кенгырс так говорит: «Меня черти меня убить, чтобы им гоняют». Бога сын так говорит: «Я с сестрами моими вместе сидения во время раньше еду я потащил»’.

- (21) — *Тат җай мыта Кәңүрсыля җонтыр-аль*
 ты что МУТА PN видеть-PTPRAES
чәңка-Ø?
 не.иметься.AOR-S3
 — *Тат кос мыта җай-ль Кәңүрсыля томт-а-л?*
 ты INDEF МУТА что-ATTR PN говорить-AOR-O2
Ман мыта аиҗа теным-а-п
 я МУТА NEG знать-AOR-O1
 ‘— Ты что, Кенгырселю не видала?
 — Ты о каком Кенгырсле говоришь? Я не знаю.’
- (22) *Әмтәль₁ җо-н₂ йя нильчiк кәты-ңы-т:*
 царь_{1,2}-GEN ребенок так сказать-AOR-O3
 «*Мыта тант-әйцiк!*»
 МУТА выйти-sIMP2
 ‘Царя сын так говорит: «Ну-ка выходи!»’
- (23) *Кәңүрсы туңус-ты нильчiк кәты-ңы-т: «Те мѣта*
 PN тунгус-ILL так сказать-AOR-S3 вы МУТА
җай-җо җалал-лыт аиҗа ми-нт-ѳ-лын?»
 что-TRANSL ясак-2PL NEG давать-IPFV-AOR-s/O2PL
 ‘Кенгырсы тунгусу так сказал: «Вы почему ясак ваш не платите?»’
- (24) *Әмтәль₁ җо-н₂ йя нильчiк кәты-ңы-т: «Мыта*
 царь_{1,2}-GEN ребенок так сказать-AOR-O3 МУТА
куссаң әмә, мыта қаль еммә үро-нт
 когда INDEF МУТА какой INDEF дело-ILL
ольче-ммә-к щим ай пәлты-лә-нты-сә».
 попасть-COND-S1 я.ACC опять помочь-OPT-S2-OPT
 ‘Царя сын так говорит: «Когда-нибудь в какое-нибудь дело па-
 паду я, мне опять поможешь ты?»’.

Во-вторых, частица *myta* используется в этих текстах в контексте визуального доступа. Как уже было проиллюстрировано примерами (14)–(16) выше, это возможно в том случае, если *myta* употребляется в комбинации частиц *monty myta*, но также, как показывают

примеры (25)–(27) ниже, и в случае самостоятельного употребления частицы *мыта*:

- (25) *Уккыр чонтӧ-қыт нильчӧк қо-ңы-ты — чӧлы-ты*
 один время-LOC так увидеть-АОР-ОЗ солнце-З
мыта ниль ноп тарӧ лыбкытымбы-лӧ, мыта
 МУТА ночь-АГТР небо подобно стемнеть-СВВ МУТА
тӧтты-н мӧтыр тӧ-ңа-Ӧ. Тӧтты-нты мыта
 земля-GEN богатырь прийти-АОР земля-ILL МУТА
нулӧ-мын-ты сӧт-а-Ӧ — нильчек тӧ-нт-а-Ӧ.
 колено-PROL-З брести-АОР-S3 так прийти-IPFV-АОР-S3

‘Вдруг так увидел — солнце ночному небу подобно стемнев, земли богатырь пришел. В землю по колено бредет — так подходит’.

- (26) *Ӣя-ты нильчӧк қо-ңы-ты — ӧсӧ-м мыта*
 сын-З так увидеть-АОР-ОЗ отец-1 МУТА
тӧ-ңа-Ӧ
 прийти-АОР-S3

‘Сын его так увидел — отец пришел’.

- (27) *Тӧбтыль қарыт инӧ вӧщ-ӧ-тын — мыта*
 следующий утро вверх подняться-АОР-S/O3 МУТА
тӧна чунто-мын мелты чӧңк-а-Ӧ
 тот конь-1PL совсем не.иметься-АОР-S3

‘На следующее утро встали — коня нашего совсем нет’.

В (26)–(27) *мыта* употребляется в сочетании с аористой, а не с латентивной формой предиката, однако (28) иллюстрирует сочетание этой частицы с латентивом:

- (28) *Уккыр чонтӧ-қыт мыта тӧнтайна чунты мыта*
 один время-LOC МУТА тот конь МУТА
ӧты-ль қӧққо-мын нимын мыта на таннӧ-нты-Ӧ.
 вода-АГТР прорубь-PROL там МУТА вот выходить-LATENT-S3

‘Однажды (видит): давешний конь по проруби там ходит’.

Наконец, в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева частица *мыта* может сопровождать употребление аудитива:

- (29) *Уккыр чонто-быт имат-ы нильчик унтынн-и-т* —
 один время-LOC женщина-3 так услышать-AOR-O3
бум мыта молэллу-кынй-Ø
 человек МУТА разговоривать-AUD-S3
 ‘Вдруг жена его так услышала — человек разговоривает (слышно)’.
- (30) *Тәптыль барын челы-н-ты ынты-т пиры*
 следующий утро солнце-GEN-3 лук-GEN высота
сыкыл-тә-бын мыта ситты буп сумпы-куна-Ø
 залезть-NMLZ-LOC МУТА два человек шаманить-AUD-S3
 ‘На следующее утро, когда солнце на высоту лука поднялось, два человека шаманят (слышно)’.

Таким образом, совокупность употреблений частицы *myta* в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева позволяет определить ее как показатель квотатива с максимально широким функционалом, согласно цитированной выше трактовке [Güldemann 2012]. При этом квотативные показатели Т. Гюльдеман выделяет прежде всего для языков, где для передачи чужой речи используются не конструкции косвенной речи, а конструкции прямой речи, то есть такие конструкции, где вмешательство говорящего в структуру пересказываемого дискурса минимально. Замечу, что так же организованы и предложения (26), (27) и (29): в клаузах, описывающих увиденную третьими лицами ситуацию, на существительных используются посессивные показатели первого лица.⁹

⁹ Из других селькупских диалектов специальный маркер квотатива представлен также в кетском диалекте селькупского, где эту функцию имеет частица *gal(lo)*:

- (31) *Оккрын тууан сүрулевле имйәдни тәран.* «Нужели **ballo** ман оннән кувай пәнджармы тану? Тан тиннувыммал бәтты.» «**Бал** Йтејә Йтејә ман **бал** асс тинновам.» *Ита имйәтт тынд лбәрәлдезвут зоттә, мишалгуват: «бәтты!»* «Йтејә, ну тинновам **бал** тәна таминетай аргул’дасуан Ооо.» *Оккрын сүрулевле зоттә тиатшау бәват мәтә алто. И на сүрулевле тууан.* «Тан **бал** асс тиннувынди байуын бвалам

4. Частица *totpa*

4.1. Среднетазовский говор

Эта частица в текстах, записанных в 20-е годы XX в. Г. Н. Прокофьевым, употребляется в значении репортатива:

- (32) *Təp̄təlyl̄ çəlyl̄ nilyçilyl̄ ətyl̄ tū-nty-Ø* —
 следующий день такой весть прийти-LATENT-S3

əmtälyl̄₁ qon₂ myqyt mompa kochchi
 царь_{1,2} у мол много

pälä-lyl̄ tamtyr-ty şūnyl̄ny-ty-Ø.
 половина-AGTR род-3 уменьшиться-LATENT-S3

‘На следующий день такая весть пришла: у царя людей чуть не вполовину меньше стало’.

В более поздних текстах, записанных через полвека и опубликованных в [ОчСЯ 1993], эта частица также имеет значение репортатива (см. пример (2) выше). И в примере (2), и в примере (32) *totpa* сочетается с формой латентива, которая в селькупском имеет репортативное значение. Помимо этого, частица *totpa* в среднетазовском говоре имеет значение *цитатива*, то есть используется тогда, когда говорящий либо пересказывает чужую (или свою) реплику,

şwatku?» İmnät tärau: «Kal tlnändə ēyan matäl do. Händə ūlay şwālan esay şwālu u şwālan eway kuway.» İtie: «Şallo şaran şwālle şwatışam.»
 Однажды он пришел, поохотившись, бабушке своей говорит: «Неужели, мол, у меня самого человеческого окружения нет? Ты, если знаешь, скажи». «Мол, Итя, Итя, я, мол, не знаю». Итя тут свою бабушку опрокинул на спину, теребит её: «Скажи!» «Итя, ну, я знаю, мол, тех и этих чужих, холодно, ооо!». Однажды, поохотившись, обратно идет он, увидел таежное озеро. И вот, поохотившись, пришел он. «Ты, мол, не знаешь, где рыбу добыть?» Его бабушка говорит: «Мол, там есть таёжное озеро. В нём живет рыбы отцовская рыба и рыбы материнская человеческая». Итя: «Мол, завтра добывать пойду» [Тучкова, Вагнер-Надь 2015:].

либо формулирует собственную реплику для передачи слушающим третьему лицу. Так, в примере (33) православный священник, служащий посредником в переговорах селькупов с ненцами, передает селькупам слова ненцев:

- (33) *Packa kəty-ŋy-ty: «Mē, tompa, paŋu-sä*
 поп сказать-AOR-O3 мы MOMPA нож-INSTR
qəttyr-ent̄-myn»
 резать-FUT-O1

[Селькупы послали попа спросить у ненцев, как они будут шаманить] ‘Поп сказал: «Мы (= ненцы), мол, будем шаманить режа себя ножом»’. [ОчСЯ 1993: 35 // T25, предл. 26]

Есть также ряд примеров, где *tompa* могло бы трактоваться и как показатель цитатива, и как показатель квотатива. Это примеры типа (34)–(36) ниже. С одной стороны, можно было бы квалифицировать их как квотатив. Однако стоит начать с того, что такие примеры слишком редки, чтобы рассматривать *tompa* как нейтральный маркер квотатива (таких примеров найдено всего три, тогда как квотативный показатель, оформляющий прямую речь, должен был бы употребляться существенно чаще). Кроме того, во всех трех приведенных ниже примерах, найденных в [ОчСЯ 1993], оформленное *tompa* высказывание обладает особым коммуникативно-прагматическим статусом: это вопросительные предложения, причем все они имеют оттенок побуждения, подразумевая от слушающего больше чем просто сообщение нейтральной информации: в (34) герой осведомляется у царя, не даст ли тот согласие померяться с ним богатством с тем, чтобы в случае успеха получить в жены его дочь, в (35) подразумевается, что селькупы отведут посланников ненцев к своему шаману или позовут его к ним, в (36) имеется в виду, что в случае, если муж женщины дома, она укажет на него чёрту:

- (34) *Nȳny ukky conto-qyn n̄ik kəty-ŋy-ty ǝ̄mtyl'1 qo-nyk2:*
 потом один время-LOC так сказать-AOR-O3 царь1,2-LAT
 “*Qaj tompa man aš saŋa-na-m tat*
 что MOMPA я NEG попробовать-AOR-O1 ты

qomnä-m-ty?”
деньги-ACC-2

‘Потом вдруг он так сказал царю: «Что мол я не попробовал ли твои деньги?» (= не посоревноваться ли мне с тобой, кто богаче?)’ [ОчСЯ 1993: 40 // T26, предл. 193]

- (35) *Так и tii-ḡ-tyt, tii-lä na soqyn ’n ’y-ntḡ-tyt:*
так и прийти-AOR-3PL прийти-CvB и спросить-LATENT-3PL
“*Мотра, tḡтыр-lyt kun ḡ-ja-ḡ?*”
мол шаман-2PL где быть-PRAES-3

[Шаманское умение измерит так послали с ненецкой стороны (= пришли посланники от ненцев), чтобы у Бога спросить: «Бог действительно ли так сказал? На селькупской стороне шаман правильно ли в Бога веруя живет?» Что правда, бог так пусть скажет.] ‘Так и пришли, придя спрашивают: «Мол, ваш шаман где есть?»’ [ОчСЯ 1993: 34 // T25, предл. 4]

- (36) «*Мотра, mašyp pē-ntyl’ qum ḡryk*
мол я.ACC искать-PTPRAES человек еще
сḡḡка-ḡ?»
не.иметься.AOR-3

[Потом села — а тот черт в чум пришел.] Мол, меня ищущего того человека все еще нет?’ [ОчСЯ 1993: 9 // T2, предл. 22–23]

Такие употребления нельзя считать собственно цитативными; тем не менее в данный момент существенно запомнить это употребление цитативного показателя в предложениях с вопросительно-побудительной иллокутивной силой — это окажется важным при дальнейшем анализе более обширного материала.

4.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

В этих текстах, как и в среднетазовских, частица *мотра* имеет значение репортатива (37) и цитатива в (38). В (38) представлена

реплика, формулируемая говорящим для передачи слушающим третьему лицу:

- (37) «*На момпа Кәуырсыля има-м ей куттар*
 вот МОМРА РН жена-ACC опять как

җә-уы-ты, ме җәты ай җөцици-мыт еnä
 найти-AOR-O3 мы хоть опять сходить-s1PL CONJ

«Вот, слышно, Кенгырселя жену, что ли, нашел, мы хоть сходили (бы) (посмотреть)»’.

- (38) *Ноп нильчек кәты-уы-т: «Кысса, нөты момпа*
 бог так сказать-AOR-O3 Норт впредь МОМРА

җәчи-уымтия». Нөны җиттымталь иллә вәцицэ-я-Ф,
 оставить-OIMP3 потом опять вниз лететь-AOR-s3

нильчик кәты-уы-т «Кысса нөты җәч-әт»
 так сказать-AOR-O3 НОРТ впредь оставить-OIMP2

‘Бог так сказал: «Пусть теперь перестанет» (= передай, чтобы перестал). Он спустился вниз, сказал: «Теперь перестань»’.

5. Частица *mol*

5.1. Среднетазовский

Немногочисленные примеры употребления этой частицы в среднетазовских текстах позволяют очертить следующий круг употреблений:

— *репортатив*

- (39) *Тәр үнтышр-а-ту, мол анту қән-ра-Ф*
 он услышать-AOR-O3 мол лодка уйти-INFER-s3

‘Он услышал, что, мол, лодка ушла’. [ОчСЯ 1980: 329]

— *квататив* (оба найденных примера описывают невербальные когнитивные акты):

- (40) *Perqy-m-ty orqyl-ny-ty aj mokal-ty orqyl-ty-ty,*
живот-АСС-3 схватить-АОР-ОЗ и спина-АСС схватить-LATENT-3
n̄ty pisyn 'n 'a-∅ — mol qorqy-p macä
дальше смеяться-АОР-S3 мол медведь-АСС прочь
īt-a-p.
отправить-АОР-ОЗ
‘За живот схватился и за спину схватился, дальше смеется —
мол, медведя я прочь отправил’. [ОчСЯ 1993: 28 // Т17, предл.
22–23]

Очень интересен также следующий пример. В (41) описывается, как человек был посажен помогающим ему сверхъестественным существом в крытую нарту и отправлен в путь. При этом ему заранее был неизвестен маршрут и цель путешествия; также, находясь в крытой нарте, он не управлял ее движением и, в отличие от обычного ездока, мог в пути доверять прежде всего своим ощущениям, а не зрению (это, в частности, доказывает не только общий контекст, но и употребление инферентива в последней фразе примера — ‘Домой меня зверь довез’: говорящий, очевидно, был лишен возможности следить за ходом своего путешествия). Соответственно, первое предложение примера (41) естественно перевести как ‘Когда, по его ощущениям, остановились’:

- (41) *Kuššan mol utyc-a-∅ — “Na qaj, moqynä*
когда мол остановиться-АОР-S3 вот что домой
tulyñ 'n 'a-k m̄t-qäk!” “N̄ny n̄ty ponä
дойти-АОР-S1 чум-ILL.1 потом впредь наружу
tanty-ñ̄”. N̄ny ponä cap tant-a-∅ — “Onä-k
выйти-SIMP3 потом наружу едва выйти-АОР-S3 сам-1
m̄n-my, moqynä šip tatty-mpa-∅!”
чум-1 домой я.АСС.1 привезти-INFER-S3
‘Когда нарта остановилась — «Значит, домой я добрался в свой чум!» «Потом наружу пусть выйдет». Потом наружу вышел. Действительно, мой чум, домой меня зверь привёз». [ОчСЯ 1993: 11 // Т2, предл. 123–125]

Следующий пример иллюстрирует употребление *mol* в **цитативном** значении — говорящий формулирует реплику для «воспроизведения» слушающим третьему лицу:

- (42) *Nom-ty laŋkyš-äšyk mol mat kiŋca-p.*
 бог-ЛАТ кричать-slMP2 мол я запор-1

‘Богу кричи, мол, это мой запор (для ловли рыбы)’. [ОчСЯ 1993: 23 // Т8, предл. 11]

Выше приводились примеры (34)–(36), иллюстрирующие употребление в среднетазовских текстах частицы *totpa* в предложениях с особой — вопросительно-побудительной — иллокутивной силой. Фактически тождественную функцию исполняет в среднетазовском и *mol* — ср. использование этой частицы в специальных «инструктивных» контекстах: *mol* в побудительном высказывании в (43), а также особый тип конструкций побудительно-инструктивного характера ‘считай, что’ (на русский они переводятся условными предложениями, однако селькупские предложения содержат индикативные формы, а не формы кондиционала) со значением ‘Если Р, это означает, что Q’ в (44):

- (43) *Packa ašša kyka-lä: «Luccä, mol, onä-n-ty qəqly*
 поп NEG хотеть-СvB лучше мол сам-GEN-2 князь
nyllē-ŋyjä»
 встать-slMP3

‘Поп не захотел: лучше, мол, твой собственный князь пусть встанет’. [ОчСЯ 1993: 35 // Т25, предл. 58]

- (44) *Man mol ryqal'-na-k, nił'cyk tenym-äty, man na*
 я мол захрапеть-AOR-s1 так знать-oIMP2 я вот
qontalē-nta-k. A mol šiqymp-a-k — olqa ipp-a-k,
 спать-LATENT-s1 а мол сопеть-AOR-s1 просто лежать-AOR-s1
aš qont-a-k, taŋaltymp-a-k.
 NEG спать-AOR-s1 затихнуть-AOR-o1

‘Я если храпел, так знай, я заснул. А если соплю, — просто лежу, не сплю, притих’. [ОчСЯ 1993: 28 // Т17, предл. 10–11]

5.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

В одном из баишенских текстах Прокофьева частица *mol* также встретилаcь в побудительно-инструктивной конструкции (со значением ‘считай, что’) в придаточном типа ‘если Р, это значит, что Q’:

- (45) *Kata (ʒata) mol nōʒyrtällyl nō-t lymōn-na-k*
 если мол третий год-PL молчать-AOR-S1
na ʒaj ʒu-ʒa-k
 и что умереть-AOR-S1

‘Если в три следующих года молчать буду, это значит, что я умер’.

5.3. Верхнетазовский

Наконец, интересно, что частица *mol* зафиксирована в верхнетазовских текстах; следует напомнить, что другие, исконно селькупские частицы, рассмотренные в данной статье, в верхнетазовском говоре неупотребимы. Таким образом, в верхнетазовском говоре селькупского *mol* — единственная частица, функционирующая в сфере передачи чужой речи. В тексте [Тучкова, Хелимский 2010, прил. 4] можно найти следующие употребления этой частицы:

Во-первых, она встречается в *квотативных* контекстах, ср. (46), а также в (47), где при помощи *mol* передаются внутренние побуждения субъекта:

- (46) *Qum-ī-ty tii-lä cət soqyń-c5-tyŋ*
 человек-PL-3 прийти-CVB едва спросить-LATENT-S/O3PL
aj mol qā-qa nāju-m cāŋky mē-nta-l,
 тоже мол что-TRANSL хлеб-ACC NEG сделать-LATENT-O2
tōnnamū (säq-qyŋ 5mtyjǰo) mol ninycy-sa-k da
 тот тайга-LOC царь мол устать-PRAET-S1 и

ola-p cüsy-nty-Ø.
голова-1 болеть-LATENT-S3

‘Его товарищи пришли и спрашивают опять, мол, почему хлеба не испек, а тот (царь тайги), мол устал да голова болит’.

- (47) *Konnä ī-lä šitty māty-ny-ī mol qaj*
от.огня взять-СВВ надвое разрезать-AOR-03 мол что
pi-mpa-Ø qaj cāŋky.
свариться-RES.AOR-S3 что нет

‘Из печи достал и разрезал, мол, испекся или нет’.

Во-вторых, частица *mol* имеет **цитативные** употребления, ср. реплики, сформулированные для передачи третьему лицу, в (48) и дважды в (49), а также реплика, которую говорящий формулирует, планируя возможный будущий диалог, в (51):

- (48) *Uīyl lōsy īja-m-ty quralty-ny-t, mol qaj*
вода-АТТР черт сын-АСС-3 послать-AOR-03 мол что
qum šmny-nty-Ø.
человек сидеть-АТТР-03

‘Водяной своего сына послал, мол, что за человек сидит’.

- (49) *Ūt-qyj lōsy nēñnymān-ny-Ø, nīk kātu-ny-t*
вода-ЛОСАТТР черт рассердиться-AOR-S3 так сказать-AOR-03
īja-ntyŋyk: «Qällä kät-ät, mol kuckyak
сын-LAT.3 идти-SIMP2 спросить-OIMP2 мол зря
yky oryñ-nyja, yryknaj qāly-m aša
ПРОН стараться-imps3 всё.равно рыба-АСС NEG
ūte-nta-m». Ūt-qyj lōsy-n īja
пустить-FUT-01 вода-ЛОСАТТР черт-GEN ребенок
Markyñca-nyk mulaltnyŋyt aŋy-n-ty tom-pyŋ
PN-LAT передать-AOR-03 отец-GEN-3 сказать-PTPRAET
āty-m. Markyñca pila-ty sely-mpa-t, nīk
слово-АСС PN пила-3 точить-DUR-03 так
tom-ny-t: «Qan-āšyk ara-ntyŋyk, nīk
сказать-AOR-03 идти-SIMP2 отец-LAT.3 так

mulalt-ät, mol qälly-m aša ütypt-äqy-n-ty
 передать-OIMP2 мол рыба-ACC NEG пустить-NMLZ-ILL
man tē-šyntyntyn tam poqqa-nysä konnä šintyn
 я вы-PRONACC.2PL этот сеть-1.INSTR от.воды 2PL.ACC
näkylt-enta-k, tam tāqa-nysä muntyk šintyn
 вытащить-FUT-s1 этот сабля-1.INSTR весь 2PL.ACC
pačält-enta-k»
 разрубить-FUT-s1

‘Водяной рассердился, так сказал своему сыну: «Пойди и скажи, мол, зря пусть не трудится, все равно рыбу не пушу». Сын водяного передал Маркынче отцом сказанные слова. Маркынча свою пилу точит, так сказал: «Пойди к своему папе, так передай, мой, если он рыбу не пустит, я вас вот своей сетью на берег вас вытащу, вот этой своей саблей всех вас изрублю»’.

- (50) *Nōty tenyrpa-∅ macy-l lōsy: «Mat qaj*
 потом думать.AOR-O3 яр-ATTR черт я что
kät-enta-m šmyñē-īqäñ, kät-enta-m mol
 сказать-FUT-O1 товарищ-LAT.DU.1 сказать-FUT-O1 мол
qaj imaqota man nōny näjy-m pīty-sy-t?
 что старуха я от хлеб-ACC украсть-PRAT-O3

‘Потом думает дух яра: «Я что скажу моим товарищам, скажу, мол, что старуха у меня хлеб отобрала?»’

Употребления *mol* распространяются также на побудительно-инструктивные контексты — с императивом в (51) и будущим временем в (52):

- (51) *Markynca cät tom-ny-t mol aj kypāqa*
 PN едва сказать-AOR-O3 мол еще мало
qäl-ly-myt
 идти-IMP-1PL

‘А Маркынча сказал, мол, еще маленько давайте пройдем’.

- (52) *Šmy-ntynyk tom-ny-t mol tītam šinty qar-enta-k*
 мать-LAT.3 сказать-AOR-O3 мол позже 2.ACC забрать-FUT-s1
 ‘Матери сказал, мол, позже за тобой приду’.

6. Семантическая эволюция частиц в селькупском

В таблице ниже суммируются (и сопоставляются с эвиденциальными формами) все употребления частиц в двух северных говорах селькупского.

Таблица 1. Семантика частиц в северных говорах селькупского

Table 1. Semantics of particles in Northern Selkup idioms

		эвиденциальные показатели	частицы в северных говорах селькупского		
			средне-тазовский	баишенский (по текстам Г. Н. Прокофьева)	верхне-тазовский
эвиденциальные значения	визуальное	<i>-nty</i>	<i>monty, monty myta</i>	<i>myta, monty myta</i>	
	презумптив	<i>-nty</i>		<i>monty, monty myta</i>	
	аудитив	<i>-nty, kynä</i>	—	<i>myta</i>	
	инферентив	<i>-mpy</i>	—	<i>monty, monty myta</i>	
	репортазив	<i>-nty</i>	<i>tompa, mol</i>	<i>tompa</i>	
цитатив		—	<i>tompa, mol</i>	<i>tompa</i>	<i>mol</i>
квотатив		—	<i>myta, mol</i>	<i>myta</i>	<i>mol</i>

1) Самая старая, судя по ареалу распространения, частица *monty* демонстрирует в баишенском говоре тенденцию развития из показателя визуального доступа в показатель презумптива либо эпистемической модальности. Если предложенная в [Alatalo 2004: 116]

этимология верна, эта частица восходит к общесамодийскому глаголу **mān*- ‘говорить’, то есть изначально это мог быть маркер квотатива. Аналогичное развитие — от квотатива к визуальному доступу — в баишенском варианте селькупского, записанном Г. Н. Прокофьевым (и, единично, также в среднетазовских материалах [ОчСЯ 1993]), демонстрирует «новый» показатель квотатива *myta*.

Таким образом, реконструированную семантическую эволюцию показателя *monty* можно обозначить на следующей схеме.

Схема 1. Семантическая эволюция показателя *monty*

Fig. 1. Semantic evolution of *monty*

*квотатив	>>	визуальный	>>	эпистемическая
(ск. * <i>mōn</i> -		доступ		модальность
‘сказать’ + <i>Latent</i>)				

2) Восходящий к тому же глаголу ‘говорить’ более молодой (о чем свидетельствует как семантика, так и ареал распространения, ограниченный среднетазовским говором) показатель *motpa* (ск. **mōn*- ‘сказать’ +*Dur*) демонстрирует следующую полисемию: репортатив (значение косвенной эвиденциальности), цитатив (пересказ чужой реплики). Несмотря на то, что значение косвенной эвиденциальности является, несомненно, наиболее грамматичным, оно, вероятно, должно рассматриваться как первичное у данного показателя. Такой парадокс возникает за счет того, что частица «встраивается» в уже существующую семантическую нишу, дублируя и одновременно уточняя значение полисемантического показателя эвиденциальности *-nty*. Далее на базе эвиденциальных употреблений возникают цитативные.

Схема 2. Семантическая эволюция показателя *motpu*

Fig. 2. Semantic evolution of *motpu*

*репортатив	>>	цитатив	>>
(ск. * <i>mōn</i> -			
‘сказать’ + <i>Dur</i>)			

При этом цитативы, как было показано, часто используются для того, чтобы слушающий передал вопрос или повеление, сформулированные говорящим, третьему лицу. Соответственно, это позволяет объяснить дальнейшую семантическую эволюцию показателя *totpa*: показатель оказывается ассоциирован с особой иллюкутивной силой, и далее используется при введении в текст реплик с данной иллюкутивной силой (вопросы, побуждения) вне зависимости от того, являются ли эти реплики пересказанными (цитатив) либо просто прямой речью в тексте; таким образом, *totpa* постепенно проникает в сферу квотатива, но здесь остается ограниченной особой иллюкутивной силой, ассоциация с которой была сформирована в круге цитативных употреблений:

репортатив	>>	вопросительно-	>>	вопросительно-
		побудительный		побудительный
		цитатив		квотатив

3) Показатель *myta*; с одной стороны, имеет ограниченный ареал распространения, с другой — достаточно десемантизированную функцию квотатива и отсутствие материальных самодийских параллелей и внутриселькупской этимологии. Все это может свидетельствовать о заимствовании этого показателя — ср., например, вост.-хант. *məttə* ‘мол, дескать’ (вах., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг., сал.) [Терешкин 1981: 277]. В среднетазовском говоре селькупского этот показатель употребляется достаточно редко, имеет функции квотатива; в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева он употребляется значительно чаще, нежели в среднетазовском, и представляет собой квотативный показатель с максимально широким функционалом, охватывая, согласно Т. Гюльдеману, представление разного рода актов познания и восприятия. В баишенском селькупском различные типы этих «когнитивных актов» фактически моделируются семантическими центрами эвиденциальной системы: это визуально воспринимаемые ситуации, ситуации, воспринимаемые на слух, и различные предположения презумптивного и инферентивного характера.

Схема 3. Семантическая эволюция показателя *myta* (баишенские тексты Г. Н. Прокофьева)

Fig. 3. Semantic evolution of *motpy* (based on Baikha texts recorded by G. N. Prokofyev)

*квотатив >> расширенный квотатив (верб. vs
(ск. << ? хант.) визуальное, сенсорное,
презумптивное и инферентивное
«восприятие» ситуации)

4) Рассмотрим, как в эту систему встраивается заимствованная из русского языка частица *mol* (судя по данным словаря [Alatalo 2004], она не встречается за пределами северного диалектного ареала селькупского языка). Она имеет следующие употребления: репортативное, квотативное и цитативное, тогда как в русском языке для *mol* характерно только цитативное значение:

- (53) О с и п. (выходит и говорит за сценой) *Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.* [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]
- (54) *Подите-ка, спросите у своих мужиков: как, мол, эта земля прозывается?* [И. С. Тургенев. Одиногорец Овсяников (1847)]

Как кажется, при этом для заимствованного из русского *mol* некорректно строить схему семантического развития, в которой цитатив выступал бы исходным значением, а квотатив и репортатив — производными; скорее речь идет о том, что в селькупской системе к моменту заимствования уже были сформированы соответствующие семантические ниши и новый заимствованный элемент начинает дублировать сразу несколько элементов системы: *mol* дублирует *motpa* в сфере цитатива и репортатива (перенимая также функцию вопросительно-побудительного квотатива) и *myta* — в сфере квотатива.

7. Цитатив в нганасанском

Наконец, рассмотрим выражение цитативных значений в нганасанском. Обращение к материалу этого северносамодийского языка объясняется двумя причинами. Во-первых, цитативное значение из всех северносамодийских языков выражается только в нганасанском. Во-вторых, как показано в [Урманчиева 2019], нганасанский и северные селькупские говоры могли в определенный момент своей истории оказаться в ситуации взаимодействия, объясняющего ряд нетривиальных схождений в наборе эвиденциальных форм и их дискурсивном употреблении.

В нганасанском представлены две формы, восходящие к репортативу, но имеющие цитативные употребления: они используются при передаче чужих реплик либо реплик, сформулированных говорящим для того, чтобы слушающий передал их третьему лицу.

Первая форма — вопросительный ренарратив. «Особая ренарративная форма с суффиксом *-ha* употребляется только в вопросах в двух типах случаев: если говорящий задает вопрос не от себя, но по поручению другого человека (т. е. “пересказывается” иллюквативная сила высказывания) или если говорящий предполагает, что собеседник сам знает ответ с чужих слов» [Гусев 2007: 438]. И далее: «В следующем примере вопросительную форму ренарратива употребляет не тот, кто спрашивает, а тот, кто посылает другого спросить (в данном случае мать посылает сына):

- (55) *Konj-ʔ ʔenamaɖu-ʔ d'a, təl'ibti-ʔəŋ,*
 пойти-IMP сосед-GENPL к спросить-IMP.2SG.OP
ŋəmsu-ɖuŋ təj-h'a?
 мясо-3PL иметься-RENARRINTERR

‘Иди к соседям, спроси, есть ли у них мясо?’» [Гусев 2007: 438].

Вторая форма — выделенный В. Ю. Гусевым пересказывательный императив, употребляющийся для того, чтобы обозначить, что повеление принадлежит не говорящему, а некоторому третьему лицу:

- (56) «[Исследователь просит информанта говорить не по-нганасански, а по-русски. Присутствующая при этом женщина повторяет его слова по-нганасански]:

L'uešidə d'ebtaða-tə-baŋhu-rə! *Šitəbi-rə*
 по.русски рассказывать-FUT-RENARR-2SGO сказка-2SG

d'ebtaða-tə-baŋhu-ŋ.
 рассказывать-FUT-RENARR-2SG

‘По-русски, [он просит], её рассказывай! [Он говорит], историю свою Расскажи’» [Гусев 2007: 437].

Как показывают нганасанские тексты, представленная в (56) форма возможна не только в императивных контекстах. Морфологически это синтетическая форма, содержащая показатель будущего времени и эвиденциальный показатель репортатива. Она конкурирует с аналитической формой будущего времени репортатива, состоящей из формы будущего времени на $-^2SUT\Theta$ и неизменяемой частицы *ibahu*, представляющей застывшую форму репортатива бытийного глагола. Пример ниже иллюстрирует семантическое распределение между новой аналитической формой футурального репортатива ($-^2SUT\Theta$ *ibahu*) и более старой синтетической формой футурального репортатива ($-NT\Theta$ -*HUAMBU*) в неимперативных контекстах. Можно видеть, что аналитическая форма имеет эвиденциальное значение репортатива, ср. первую фразу приведенного ниже фрагмента, где говорящий обращается к старику, начиная разговор с того, что он узнал с чужих слов, что их город скоро будто бы съедят (Оу, старик, есть у меня разговор. Наш город весь скоро **съедят, говорят**). Далее в подтверждение своих слов он цитирует присланное в город письмо с угрозами, и при цитировании переходит к синтетической футуральной форме (Такое письмо бросил в контору: «Мы все **умрем**, весь город **погибнет**. Всех нас **съест**»). Далее он опять переходит к аналитической форме, и это уже не цитирование (что видно по тому, что говорящий сам дополняет отсутствующую информацию, строя различные гипотезы), а сообщение известной с чужих слов информации, то есть возвращение от цитации к репортативу (Не знаю, кто, людоед или кто **придет, говорят**):

(57) *Оу, тәти тах. бәйку, мәнә буәзу-мә тәи-чу-Ф.*
 EXCL NES старик я разговор-1 иметься-PRaes-S3

Тах. мың әмты кору-му?[?] бәньдикаа һәмлу-[?]сютү-зә
 NES мы этот город-1PL весь съесть-FUT-O3

ибаху. Хозүрә хозүртү-сюә һануә
 REP писать-PTPraes писать-PTPraet простой

контүәрә-ндә сохә-бата-зә. Бәнсаму?[?]
 контора-LAT бросить-INFER-O3 весь-1PL

куәсу-тә-баху-му?[?] әмты городә бәнсә бәньдикаа
 умереть-FUT-REP-S1PL этот город весь весь

куә-тә-баху-Ф. Бәньдикаа һәмлу-тә-бахә-ндә?[?]
 умереть-FUT-REP-S3 весь съесть-FUT-REP-OPL3

Тб. мааче и-хүтә-Ф, сы-лиә-зә маа
 NES что быть-VACOND-3 кто-LIM-3 что

и-хүтүу, тәрәди сиги?[?] мәбта тәрәди
 быть-VACOND-2 такой людоед ? такой

туй-сюзә-Ф ибаху.
 прийти-FUT-S3 REP

‘Оу, старик, есть у меня разговор. Наш город весь скоро **съедят, говорят**. Такое письмо бросил в контору: «Мы все **умрем**, весь город **погибнет**. Всех нас **съест**» Не знаю, кто, людоед или кто **придет, говорят**’.

Таким образом, в нганасанском мы наблюдаем развитие специальных форм с собственно цитативным значением, «отмежевавшихся» от репортативной парадигмы; причем эти формы появляются в клетках парадигмы, семантически наиболее близких контекстам, в которых цитативные формы появляются в селькупском: это вопросительные либо императивные формы (для передачи реплики третьему лицу), а также футуральные формы, непосредственно смыкающиеся с «инструктивными» контекстами.

8. Грамматическое заимствование и типология взаимодействия языков

Приведенные в статье данные позволяют выделить несколько случаев материального и структурного заимствования. Рассмотрим их по порядку, отмечая возможные корреляции между семантическими эффектами при заимствовании языковых элементов и различными социолингвистическими характеристиками контактных ситуаций.

а) Хантыйско-селькупские контакты

Как уже говорилось выше, вероятным источником появления в северных селькупских говорах частицы *myta* является заимствование из хантыйского кватативной частицы *mättä*. Ниже приводятся примеры ее употребления из восточнохантыйских (ваховских) текстов, записанных Н. И. Терешкиным:

- (58) *nəʎali äntä qoj-wäl äŋki-l-nä män-tä-mi:*
мальчик NEG хотеть-NPAST3SG мать-3-LAT идти-INF-PTCL

jöy-ä, mättä, utə
прийти-SIMP2 мол от.воды

‘Мальчик не хочет идти: иди, мол, [сама] на берег’. [Терешкин 1961: 117 // T13, предл. 35]

- (59) *älwä ləy-ä t'yu köl at-wäl: «mäy*
PN он-ДАТ такой слово говорить-NPAST.S3SG сюда

läyä, — mättä, — mä тамынт сэрн'аң₁ вэү₂
смотреть-SIMP2 мол я такой золото_{1,2}

n'al käs-c-äm.
дробина найти-ПРАЕТ-О1

‘Альва ему говорит так: «Посмотри сюда, — говорит, — я вот какую золотую дробину нашел». [Терешкин 1961: 114 // T11, предл. 18–19]

- (60) *т'уко вал-Ф-үән, әйләнә нүт'кәли әтәм уләм*
 так жить-NPAST-S3DU однажды птичка плохой сон
вэр-Ф-әүән пәни әлән нуқ кўл-ми-л-нә
 сделать-PRAET-S3 и утром вверх встать-PTPRAET-3-LOC
лөңр-ә т'у улмәл эр-үәл-тә: «нөң, **мәттә**,
 мышка-DAT тот сон-3 рассказать-PRAET-O3 ты мол
мән-т мунт јөүән јоуым-үас-ын.
 я-ACC прошлый ночь ударить-PRAET-O2

‘Прожили некоторое время, однажды птичке дурной сон приснился, и когда она утром проснулась, мышке этот сон рассказала: «Ты, говорит, меня давеча ночью ударила»’. [Терешкин 1961: 111 // T10, предл. 3]

- (61) «*пәүа, муңка нөң-ә көч ат-қас-әм, нөң муңка*
 сынок давеча ты-DAT едва сказать-PRAET-O1 ты давеча
*мән-ә т'уты јыу-Ф-ән, **мәттә** қојы нөң-ә-ти*
 я-DAT так ответить-PRAET-S2 мол кто ты-DAT-PTCL
пун-әң қуј лөк сәвәл турқә-вал?»
 перо-AGTR глухарь горло шея перерезать-NPAST.S3SG

‘Сынок, давеча я было говорил тебе, а ты давеча мне так ответил: мол, кто тебе на шею мохнатого глухаря горло перережет?’ [Терешкин 1961: 122 // T16, предл. 16]

Итак, в ситуации хантыйско-селькупских контактов хантыйский был языком-донором, а селькупский — языком-реципиентом. Эти контакты (за вычетом ассимиляции части селькупов на р. Вах) не привели к утрате селькупами, ушедшими с Ваха на север, в район Таза и Турухана, своего языка и к процессам аттриции в языковой системе данных селькупских говоров. Можно предполагать, что при этом катализатором заимствования из хантыйского в селькупский послужило то, что селькупским диалектам в целом не чуждо выражение квотативного значения, ср. пример (31) в сноске 8, иллюстрирующий квотативный показатель кетского диалекта селькупского языка. При этом крайне интересной является интеграция квотативного показателя в грамматическую систему баишенского говора, которая представлена текстами Г. Н. Прокофьева. В этом говоре квотативный

показатель (который, напомним, не только оформляет прямую речь, но и в расширенном употреблении передает внутреннюю речь, отражающую восприятие персонажем той или иной ситуации) дублирует употребления собственно селькупских эвиденциальных форм. В результате складывается такая система, где квотативный показатель оформляет речевые акты либо акты восприятия, а тип восприятия (или, что то же самое, тип доступа к информации о ситуации) при этом задается эвиденциальными формами. Тем самым, в такой контактной ситуации, которая не угрожает витальности языка-реципиента, происходит интеграция заимствованного элемента в собственную грамматическую систему с приобретением им таких употреблений, которые не были характерны для него в языке-доноре.

б) Контакты селькупского и русского

Из русского языка в селькупский был заимствована частица *mol*. Как кажется, катализатором заимствования тут тоже послужило наличие в системе функционально близкого элемента *totpa*: можно предполагать, что *mol*, в соответствии с одной из стратегий грамматикализации, заимствуется для обновления фонетического материала, маркирующего уже представленное в языке (квази)грамматическое значение. В результате, как уже говорилось, *mol* приобретает те значения (квотатива и репортатива), которые не характерны для соответствующей русской частицы, имеющей только цитативные употребления, но характерны для селькупской частицы *totpa*. При этом мы наблюдаем конкуренцию частиц *mol* и *totpa* в среднетазовском и, вероятно, полное вытеснение частицей *mol* частицы *totpa* в верхнетазовском говоре. Можно думать, что этот функциональный изоморфизм *mol* и *totpa* постепенно разрушался с нарастанием доминирования русского языка над селькупским и «расшатывание» системы частиц в среднетазовском приводит к тому, что *mol* распространяется и на некоторые контексты частицы *myta*, сохраняющей только редкие реликтовые употребления (в основном в «застывших» оборотах после местоименного субъекта).

в) Контакты нганасанского и селькупского

В ситуации возможных нганасанско-селькупских контактов селькупский выступает языком-донором, обеспечивая структурное и материальное заимствование в нганасанский. Судя по всему, для нганасанского исходно была свойственна характерная для двух других северносамодийских, ненецкого и энецкого, система с полисемичным эвиденциальным показателем, совмещающим значение инферентива и репортатива. В. Ю. Гусев так описывает развитие нганасанской эвиденциальной системы, указывая на возможные материальные селькупские параллели нганасанских форм:

«В нганасанском языке есть три эвиденциальных показателя, имеющих общий элемент $-h^ua$: это инференциалис $-h^uatu$ (со значением ‘по-видимому, P’), утвердительный ренарратив $-h^uanhu$ (‘говорят, P’) и вопросительный ренарратив $-h^ua$ (‘меня послали спросить, верно ли P’ либо ‘верно ли, что, как говорят, P?’). Как видно, вопросительная форма ренарратива оказывается морфологически более простой, чем утвердительная форма. В другой работе [Гусев 2006] мы предположили, что именно $-h^ua$ (ПС $*-pe$, энецкое $-bi$) и было исходным суффиксом эвиденциальных форм, который в большинстве контекстов был вытеснен расширенными вариантами $-h^uanhu$ и $-h^uatu$ и остался только в вопросительных употреблениях. Однако происхождение элементов $-nhi$ и $-tu$ оставалось неизвестным, хотя их праформы восстанавливаются достаточно однозначно: как $*-tra$ и $*-ta$ соответственно.

Приходится признать, что частично ответ уже тогда лежал на поверхности и просто не был нами замечен. В словаре ко II тому “Очерков по селькупскому языку” (с. 131) приводится частица *totpa* ‘говорят, слышать’ — этимологически повествовательное прошедшее время на $-tra$ ¹⁰ от основы *ton-* ‘говорить’,

¹⁰ Либо — форма дуратива [ОчСЯ: 220].

утраченной в самостоятельном употреблении в тазовском диалекте, но хорошо известной в других самодийских языках и в диалектах селькупского (см. [Alatalo 2004: 781]). В селькупском языке эта частица может употребляться с латентивом — наклонением, выражающим, в частности, эвиденциальные значения, ср. [ОчСЯ I: 248]:

- (14) *Apa-tu tompa q̄īty-nty-∅*
 отец-1SG говорят болен-LATENT-S3
 ‘Мой отец, говорят, болен’.

Таким образом, и в нганасанском языке эта частица могла употребляться с эвиденциальными формами на **-pe*. Поэтому вполне вероятно и семантически, и фонетически возведение суффикса *-ŋhu* к сочетанию *-h^ua* (старонган. **-fa*) с частицей **tompa* > старонган. **tumfu* со стяжением **-fa tumfu* > **-famfu* > совр. нган. *-h^uaŋhu*. Это стяжение должно было произойти сначала в 3 лице ед. ч. субъектного спряжения, в котором окончание нулевое. После того, как комплекс *-h^uaŋhu* начал осознаваться как единый суффикс, личные окончания в других лицах и числах стали присоединяться не после *-h^ua*, а после *-ŋhu*. Также вторая часть нового суффикса втянулась в общую систему сингармонизма и чередования ступеней согласных.

Менее очевидно происхождение элемента *-tu* в суффиксе инференциалиса *-h^uatu*, однако предположительно можно указать на селькупские же частицы *mīta* ‘будто’ [ОчСЯ: 134], ‘да, вроде так (частица подтверждения)’ [ССС] либо *mitī* ‘вроде, будто; как, словно’ [ОчСЯ: 130; СССР]. Вторая, *mitī*, возможно, лучше подходит по значению для показателя инференциальности, однако пока неизвестна их этимология и более ранний фонетический облик (в частности — к какому гласному восходит конечное *-i* в *mitī*), трудно сказать что-то более определенное» [Гусев 2013: 71–72].

Как кажется, проведенный в настоящей работе анализ употреблений селькупских частиц позволяет подкрепить предположение

В. Ю. Гусева о том, что современная инферентивная форма образована стяжением «старого» инферентива с частицей *myta* (ср. селькупские примеры (14) и (16), где комбинация частиц *monty myta* употребляется в контекстах визуального доступа в сочетании с инферентивом, а также примеры (25)–(28), иллюстрирующие возможность самостоятельного употребления *myta* в контекстах визуального доступа). Таким образом, в нганасанском одновременно произошла реструктуризация эвиденциальной системы, сделавшая ее в большей степени изоморфной селькупской, и произошло заимствование материальных элементов для «разведения» грамматических значений репортатива и инферентива, которые до того получали в нганасанском единое материальное оформление.

При этом, как было показано, показатели *tompa* и *myta* в селькупском являются полисемичными, однако в нганасанский каждый из них заимствуется в единственной функции. В результате этого заимствования реструктурируется эвиденциальная система нганасанского языка и материально обновляются его эвиденциальные показатели.

При этом нганасанский и селькупский демонстрируют еще один случай структурных схождений — возможность развития у репортативного показателя цитативных значений.

Итак, мы наблюдаем три сценария языкового взаимодействия:

Сценарий А. В ситуации селькупско-хантыйских контактов (контактная ситуация не угрожает витальности селькупского, и контакт прерван за счет миграции северной группы селькупов) происходит заимствование элемента в потенциально уже существующую нишу с дальнейшим развитием его значения за счет втягивания его в существующую эвиденциальную систему.

Сценарий Б. В ситуации селькупско-русских контактов происходит заимствование русской частицы *mol* для «обновления» маркера представленного в селькупском квазиграмматического значения; при этом у заимствованного элемента развиваются значения, несвойственные ему изначально в языке-доноре, но представленные у той селькупской единицы, которую заменяет заимствованное *mol* (*mol* «наследует» за *tompa* не свойственные для русского эвиденциальные

употребления; это заимствование, вероятно, происходит в тот период, когда контактная ситуация не угрожала витальности селькупского) с дальнейшей «необоснованной» экспансией элемента за счет расшатывания исконной системы частиц в ситуации постепенной языковой аттриции (в ситуации возрастающего давления русского на селькупский язык и стремительного сокращения сферы использования селькупского).

Сценарий В. В ситуации селькупско-нганасанских контактов происходит интерференция языковых систем двух контактирующих идиомов, в результате чего эвиденциальные системы селькупского и нганасанского оказываются в значительной степени изоморфны друг другу (можно предполагать, что в нганасанском эвиденциальная система была реструктурирована по селькупскому образцу, с разделением инферентивного и репортативного значений). По предположению В. Ю. Гусева, нганасанский заимствует из селькупского элементы *tompa* и *myta*; как было показано, в селькупском эти элементы являются полисемичными, при этом в селькупском они не являются эвиденциальными показателями, но часто сопровождают употребление эвиденциальных форм; в нганасанском оба этих элемента были встроены в эвиденциальную систему для реструктуризации последней по селькупскому образцу. Помимо этого, в нганасанском и северных селькупских идиомах возникают также цитативные формы (не свойственные ни другим северносамодийским языкам, ни другим селькупским идиомам. Таким образом, в данной контактной ситуации имеет место интерференция с материальным и структурным заимствованием из селькупского в нганасанский в сфере эвиденциальных форм и параллельное развитие цитативных значений на базе репортативных в северном селькупском и нганасанском.

Таким образом, сценарий А (селькупско-хантыйские контакты) предполагает единичное заимствование элемента и встраивание его в «живую» грамматическую систему (контакт не угрожает витальности селькупского идиома, контакт прерван за счет миграции селькупов далее на север), сценарий Б (селькупско-русские контакты) на первом этапе идентичен сценарию А (происходит единичное

заимствование элемента и встраивание его в «живую» грамматическую систему), но в дальнейшем этот сценарий «осложнен» языковой аттрицией (это означает, что на первом этапе контакт с русским не угрожал витальности селькупского идиома, но в дальнейшем давление со стороны русского постепенно нарастало), сценарий В (нганасанско-селькупские контакты) единственный предполагает не единичное заимствование элемента, а интерференцию (сближение) двух грамматических систем (ситуация контакта при этом предполагает сохранение витальности обоих идиомов — вероятно, при этом следует предполагать более интенсивный контакт, чем в случае А, хотя история этого региона не позволяет считать этот контакт достаточно длительным).

Таким образом, можно предполагать некоторые корреляции социолингвистических параметров контактной ситуации и механизмов и результатов контактно обусловленных языковых изменений.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — показатель адвербиальной формы; AOR — аорист; ATTR — показатель атрибутивной формы; AUD — аудитив; COLL — собирательная форма; COMIT — комитатив; COND — кондиционал; CONJ — конъюнктив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DIM — диминутив; DUR — дуратив; EXCL — восклицание; FUT — будущее время; GEN — генитив; HES — показатель hesitation; HORT — хортатив; ILL — иллатив; IMP — императив; INDEF — показатель неопределенности у местоимений; INF — инфинитив; INFER — инферентив; INSTR — инструменталис; IRFV — имперфектив; LAT — латив; LATENT — латентив; LIM — лимитатив; LOC — локатив; МОРРА — частица *morra*; МОНТУ — частица *montu*; МУТА — частица *myta*; NEG — отрицательная частица; NMLZ — номинилизация; o — объектное спряжение; NPAST — настоящее-будущее время; OPT — опатив; PL — множественное число; PN — имя собственное; PRAET — прошедшее время; PRON — прохитив; PROL — пролатив; PROSP — проспектив; PTCL — частица; PTPRAES — причастие настоящего времени; REP — репортатив; s — субъектное спряжение; TRANSL — транслатив; VACOND — условное деепричастие; ск. — селькупский; хант. — хантыйский.

Литература

- Гусев 2007 — В. Ю. Гусев. Эвиденциальность в нганасанском языке // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 415–444.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Селькупско-нганасанские параллели в области глагольной морфологии // А. Е. Кибрик (ред.). Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 69–75.
- Казакевич 2005 — О. А. Казакевич. Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления // А. Е. Кибрик (ред.). Малые языки и традиции. Существование на грани. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство, 2005. С. 122–134.
- Казакевич, Будянская 2010 — О. А. Казакевич, Е. М. Будянская. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010.
- ОчСЯ 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- ОчСЯ 1993 — А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Прокофьев, рук. — Г. Н. Прокофьев. Подготавливаемые к печати О. А. Казакевич тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ РАН, фонд 6, опись 1. (рук.).
- ССС — Е. А. Хелимский. Северноселькупский словарь (рук.).
- Терешкин 1961 — Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Терешкин 1981 — Н. И. Терешкин. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981.
- Тучкова, Вагнер-Надь 2015 — Н. А. Тучкова, Б. Вагнер-Надь. «Семи богов мудростью обладающий Итте...». Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре. Томск: Изд-во ТГПУ, 2015.
- Урманчиева 2015 — А. Ю. Урманчиева. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей (на примере эвиденциальной системы тазовского селькупского) // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 52–75.
- Урманчиева 2019 — А. Ю. Урманчиева. Нарративные стратегии как свидетельство возможного контакта: тазовский селькупский и нганасанский. Вопросы языкознания. 2019. № 3. С. 84–100.

- Хелимский 1984 — Е. А. Хелимский. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Цит. по Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 80–81.
- Хелимский 1985 — Е. А. Хелимский. К исторической диалектологии селькупского языка // Цит. по Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 68–79.
- Alatalo 2004 — J. Alatalo. *Sölkupisches Wörterbuch. Aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Société Finno-Ougrienne (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX)*. Helsinki: Suomaais-Ugrilainen Seura, 2004.
- Alatalo, Ms — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).
- Güldemann 2012 — T. Güldemann. Thetic speaker-instantiating quotative indexes as a cross-linguistic type // I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.). *Quotatives. Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*. Amsterdam: Benjamins, 2012. P. 117–142.
- Janurik 1978 — T. Janurik. A szölkup nyelvjárások osztályozása // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1978. № 80. O. 77–104.
- Katz 1979 — H. Katz. *Selkupische Quellen*. (Studia Uralica 2). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1979.

References

- Alatalo 2004 — J. Alatalo. *Sölkupisches Wörterbuch. Aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomaais-Ugrilainen Seura, 2004.
- Alatalo, Ms — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).
- Güldemann 2012 — T. Güldemann. Thetic speaker-instantiating quotative indexes as a cross-linguistic type. I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.). *Quotatives. Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*. Amsterdam: Benjamins, 2012. P. 117–142.
- Gusev 2007 — V. Yu. Gusev. Evidentsialnost v nganasanskom yazyke [Evidentiality in Nganasan]. V. S. Khrakovskiy (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreevny Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europa and Azia. In the memory of Natalia Andreevna Kozintseva]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 415–444.
- Gusev 2013 — V. Yu. Gusev. Selkupsko-nganasanskie paralleli v oblasti glagolnoy morfologii [Selkup-Nganasan parallels in the domain of verbal morphology].

- A. E. Kibrik (ed.). *Lingvisticheskiy bespredel* — 2. *Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu A. I. Kuznetsovoy* [Linguistic chaos — 2. Collection of papers dedicated to the anniversary of A. I. Kuznetsova]. Moscow: Moscow University Publishing House, 2013. P. 69–75.
- Helimski 1984 — E. A. Helimski. Kriterii klassifikatsii dialektov selkupskogo yazyka [Selkup dialects classification criteria]. Quoted from E. A. Helimski. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stati* [Comparative studies, uralistics. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 80–81.
- Helimski 1985 — E. A. Helimski. K istoricheskoy dialektologii selkupskogo yazyka [To the historical dialectology of the Selkup language]. Quoted from E. A. Helimski. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stati* [Comparative studies, uralistics. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 68–79.
- Janurik 1978 — T. Janurik. A szölkup nyelvjárások osztályozása. *Nyelvtudományi Közlemények*. 1978. No. 80. O. 77–104.
- Katz 1979 — H. Katz. *Selkupische Quellen*. (Studia Uralica 2). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1979.
- Kazakevich 2005 — O. A. Kazakevich. Izmenenie struktury yazyka s ogranichenoy sferoy upotrebleniya [The evolution of the structure of a language with a restricted sphere of use]. A. E. Kibrik (ed.). *Malye yazyki i traditsii. Sushchestvovanie na grani* [Minor languages and traditions. Existence on the verge]. Iss. 1: *Lingvisticheskie problemy sokhraneniya i dokumentatsii malykh yazykov* [Linguistic problems of maintenance and documentation of minor languages]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2005. P. 122–134.
- Kazakevich, Budyanskaya 2010 — O. A. Kazakevich, E. M. Budyanskaya. *Dialektologicheskii slovar selkupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectological dictionary of Selkup (Northern idioms)]. Yekaterinburg: Basko, 2010.
- OchSYa 1980 — A. I. Kuznetsova, Ye. A. Khelimskiy, Ye. V. Grushkina. *Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [An outline of Selkup language. Taz dialect]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University Press, 1980.
- OchSYa 1993 — A. I. Kuznetsova, O. A. Kazakevich, L. Yu. Ioffe, Ye. A. Khelimskiy. *Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [An outline of Selkup language. Taz dialect]. Vol. 2. Moscow: Moscow State University Press, 1993.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Prokofyev ruk. — Selkup texts collected by G. N. Prokofyev from the archive of MAE RAS (fund 6, inventory 1), processed by O. A. Kazakevich. (Ms.)

- SSS — E. A. Helimski. North Selkup dictionary (Ms).
- Tereshkin 1961 — N. I. Tereshkin. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka* [An outline of Khanty dialects]. Pt. 1: *Vakhovskiy dialekt* [Vakh dialect]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.
- Tereshkin 1981 — N. I. Tereshkin. *Slovar vostochnokhantyyskikh dialektov* [A dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad: Nauka, 1981.
- Tuchkova, Wagner-Nagy 2015 — N. A. Tuchkova, B. Wagner-Nagy. «*Semi bogov mudrostyu obladayushchiy Itte...*». *Teksty s geroem Itya v selkupskom folklore* [«It'a, wise as seven Gods». It'a-texts in the Selkup folklore]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Press, 2015.
- Urmachieva 2015 — A. Yu. Urmachieva. *Kak grammaticheskaya sistema upravlyaet semanticheskoy evolyutsiei pokazateley (na primere evidentsialnoy sistemy tazovskogo selkupskogo)* [How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams (a case study on the Tas Selkup system of evidential markers)]. *Voprosy yazykoznanija*. 2015. No. 6. P. 52–75.
- Urmachieva 2019 — A. Yu. Urmachieva. *Narrativnye strategii kak svidelstvo vozmoznogo kontakta: tazovskiy selkupskiy i nganasanskiy* [Narrative strategies as an evidence for language contact: Case study of Taz Selkup and Nganasan]. *Voprosy yazykoznanija*. 2019. No. 3. P. 84–100.

Об источниках китайско-русского словаря И. К. Россохина

Чэнь Шэннань

Чжэнчжоуский университет (Чжэнчжоу, КНР); 727852429@qq.com

Аннотация. Статья посвящена поиску источников китайско-русского словаря Иллариона Калиновича Россохина (1717–1761), словарь использовался как учебное пособие в школе китайского и маньчжурского языков при Академии наук в XVIII в. Вопрос об источниках настоящего словаря до сих пор не был изучен. Было выявлено, что в Институте восточных рукописей РАН хранится рукопись перевода «Грамматики» Смотрицкого («Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка»), в выполнении этого перевода участвовал И. К. Россохин. Посредством сопоставления нами доказано, что между двумя рукописями имеется много общего, в связи с чем «Собрание» могло служить одним из источников словаря И. К. Россохина.

Ключевые слова: словарь И. К. Россохина; изучение китайского языка в России, русская лексикография XVIII в., Российская духовная миссия в Пекине.

About the sources of the Chinese-Russian dictionary of I. K. Rossokhin (18th century)

Chen Shengnan

Zhengzhou University (Zhengzhou, China); 727852429@qq.com

Abstract. The article is devoted to a search for sources of the Chinese-Russian dictionary by Illarion Kalinovich Rossokhin (1717–1761). According to V. P. Taranovich, I. K. Rossokhin was the first Russian-born sinologist who started his scientific and pedagogical work over 200 years ago. He was a student at the Second Russian Clerical Mission in Beijing and lived in China for more than ten years, mastering the Chinese and Manchu languages. On his return to Russia, he took a job to translate and teach Chinese and

Manchu at the School of Chinese and Manchu Languages at the Academy of Sciences, one of the earliest Schools of Chinese in Russia, which existed from 1741 till 1751. In his work, he used some textbooks brought from China, including the dictionary discussed in this article. Although one of the earliest Chinese-Russian dictionaries, it has not been sufficiently studied so far, nor its sources investigated. It turns out that the Institute for Oriental Manuscripts of the Academy of Sciences stores the manuscript of translations from Smotrisky's Grammar entitled *A collection of the most important extracts translated from Russian*, which was used as the earliest textbook for learning Russian in China in the 18th century. It was found that I. K. Rossokhin was involved in the translation. Our comparison shows that there are many similarities between the two manuscripts, corroborated by both historical and philological evidence. Based on the results of our comparative analysis, we have come to the conclusion that the *Collection* could serve as one of the sources of the dictionary by I. K. Rossokhin. I. K. Rossokhin shortened and edited it for a specific purpose. A possible source of the dictionary of I. K. Rossokhin can also be the primer brought from China by the head of the Second mission Nikolay Adoratsky. However, unfortunately, it is still unknown where it is located and what it represents.

Keywords: dictionary by I. K. Rossokhin, study of Chinese in Russia, Russian lexicography in the XVIII century, Russian Clerical Mission to Beijing.

1. Введение

Изучение китайского языка и китайской культуры в России началось в XVIII веке и было тесно связано с деятельностью Российской духовной миссии в Пекине, действовавшей в Китае с 1715 по 1956 гг. За два с половиной века Россия направила в Китай вышеупомянутую миссию 20 раз. Из стен Российской духовной миссии вышли многие китаеведы, внесшие большой вклад в распространение китайского языка и культуры в России.

Первая школа китайского языка в России была открыта в конце 1730-х гг. в Москве. В ней преподавал китаец Чжоу Гэ, который попал в Россию и принял православие под русским именем Федора Петрова. В школе в основном занимались маньчжурским языком [Скачков 1977: 57–58]. В 1741–1751 гг. при Академии наук работала школа китайского и маньчжурского языков под руководством

И. К. Россохина (1717–1761) — автора рассматриваемого в настоящей статье китайско-русского словаря.

По словам В. П. Тарановича, И. К. Россохин — это «замечательный первый русский самородок-синолог, начавший свою научную и педагогическую работу свыше 200 лет тому назад» [Таранович 1945: 225]. Он был учеником второй Российской духовной миссии в Китае и находился в Пекине в 1729–1741 гг. За это время ему удалось овладеть китайским и маньчжурским языками. В 1741 г., вернувшись на Родину, он был направлен Коллегией иностранных дел в распоряжение Академии наук для перевода и преподавания китайского языка [Скачков 1977: 43]. Для нужд преподавания он составил учебные пособия, в числе которых — китайско-русский словарь. В настоящее время рукопись словаря хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии Наук под шифром БАН 34.8.9.

До нас настоящий словарь не изучался. Он упомянут лишь в списке трудов И. К. Россохина как «Русско-китайский словарь» [Скачков 1977: 392]. Наше предыдущее исследование показало, что в словаре И. К. Россохина представлено более 2600 статей, около 3000 иероглифов, которые распределены в соответствии с двумя принципами: морфологическим (по частям речи) и тематическим. Словарь разделен на несколько блоков по частям речи, а внутри этих блоков выделяются смысловые подгруппы. При этом первыми представлены китайские лексемы, которые снабжаются русскими эквивалентами, поэтому словарь следует назвать не «русско-китайским», а «китайско-русским» [Чэнь 2017: 98–102]. Следует отметить в этой связи, что в XVIII в. было издано немало иноязычных словарей. Слова в них в основном располагались в алфавитном порядке, благодаря чему можно было быстро найти нужное слово [Биржакова 2010: 20–21]. Наряду с этим, от предшествующей лексикографической практики был унаследован и тематический принцип организации материала. Этот принцип был характерен для учебных словарей: лексика распределялась по смысловым группам, которые охватывали основные сферы жизни человека и окружающего мира. Это должно было способствовать усвоению лексики.

Как было сказано выше, в словаре И. К. Россохина объединяются два принципа: морфологический и тематический. Таким образом,

структура словаря И. К. Россохина не соответствует господствовавшему в то время принципу расположения лексем. Особая структура словаря наводит на мысль о том, что И. К. Россохин составлял свой китайско-русский словарь не с нуля, а на основе своих наработок, которые уже были сделаны в Китае: при составлении словаря он непременно должен был пользоваться какими-то источниками.

В настоящее время вопрос об источниках словаря И. К. Россохина не изучен. В этом и заключается новизна настоящей статьи. Актуальность статьи определяется необходимостью изучения памятников лексикографии китайского языка в качестве важной части истории русской лексикографии. Многие словари китайского языка, созданные в XVIII–XIX вв., остались неизвестны мировой науке и нуждаются в последовательном и системном анализе.

2. «Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка»

В процессе изучения словаря И. К. Россохина нами была выявлена другая рукопись — «Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка» (далее — «Собрание»), которому посвящена статья Ирины Федоровны Поповой из Института восточных рукописей РАН [Попова 2014: 291–303]. Рукопись хранится в Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН под шифром С72МSS. В Предисловии к «Собранию» изложено, что оно составлено И. К. Россохиным вместе с маньчжурским сановником Фулэхэ, а также учеником третьей Русской духовной миссии Алексеем Леонтьевым для нужд Школы русского языка, открывшейся около 1705 г. при Дворцовой канцелярии цинского правительства. Основная часть текста «Собрания» представляет собой перевод наиболее распространенной в России до начала XVIII в. грамматики церковнославянского языка «Грамматики славенския правильное Синтагма» Мелетия Смотрицкого [Смотрицкий 1648].

В «Собрание» входят 14 тетрадей, первая из которых содержит Предисловие, тогда как остальные 13 тетрадей пронумерованы. В статье И. Ф. Поповой перечислено основное содержание каждой тетради. В тетрадь под номером 1 включена лексика в соответствии с системой смысловых категорий, принятых у китайцев. Тетради под номерами 2–11 посвящены разным грамматическим правилам. Каждая тетрадь имеет свой заголовок: 2-я тетрадь — «Книга о сочинении глаголов»; 3-я — «Книга о союзе»; 4-я — «С изъяснением разделен смысл книжных высоких речей»; 5-я — «Разделение речей и глаголов»; 6-я — «Правила изменения по падежам»; 7-я — «О предлогах»; 8-я — «О согласовании слов»; 9-я — «Правила употребления книжных речей»; 10-я — «Изложены вообще всех видов и склонений приклады»; 11-я — «О различных изменениях слов». В 12-й тетради под заголовком «Правила для учащихся» изложены наставления ученикам, правила поведения на занятиях и порядок обучения русскому языку. 13-я тетрадь содержит список наиболее употребительных русских слов [Попова 2014: 293–294].

3. Сопоставление словаря И. К. Россохина и «Собрания»

Сопоставление словаря И. К. Россохина и рукописи «Собрания» показало, что «Собрание» — это один из источников китайско-русского словаря И. К. Россохина. К такому выводу мы пришли после рассмотрения нескольких тетрадей «Собрания», а именно — первых 5 тетрадей, основное содержание которых составляют словарные материалы. Это предположение поддерживается как историческими, так и филологическими аргументами.

3.1. Исторические аргументы

Как было упомянуто выше, И. К. Россохин принял участие в составлении «Собрания» во время своего пребывания в Китае.

Из Предисловия к «Собранию» следует, что он был выбран преподавателем Школы русского языка в 1737 г. и что при его помощи составили 10 тетрадей. Это было до 1741 г. Китайско-русский словарь был создан после возвращения И. К. Россохина в Россию, т. е. после 1741 г. Иными словами, «Собрание» — это предшественник словаря И. К. Россохина.

3.2. Филологические аргументы

Наряду с историческими имеются также филологические доводы, которые определяются наличием большого количества общих черт между двумя рукописями.

Общее заключается прежде всего в распределении по частям речи в обеих рукописях. В составе «Собрания» имеются отдельные тетради, рассматривающие ту или иную часть речи: 1-я тетрадь посвящена именам существительным, 2-я и 5-я — глаголам, 3-я — союзам и наречиям. В словаре И. К. Россохина, как было сказано выше, тоже можно выделить частеречные блоки: имена существительные, наречия, глаголы и др.

В структуре сходство наблюдается в разделении лексики на тематические группы. В «Собрании» эти группы имеют названия на китайском и русском языке, а в китайско-русском словаре И. К. Россохина названия групп не указаны, но деление на тематические группы отчетливо прослеживается. Это особенно характерно для имен существительных: И. К. Россохин включил в свой словарь существительные из всех тематических групп, представленных в 1-й тетради «Собрания».

В качестве доказательства сопоставим две группы из обеих рукописей: группу «О членах человеческих» из 1-й тетради «Собрания» и условную группу «Названия частей тела человека» в китайско-русском словаре И. К. Россохина¹.

¹ Далее все примеры взяты из словаря И. К. Россохина и «Собрания».

В эту группу в словаре И. К. Россохина входит 79 китайских слов (в том числе слово 毛 *шерсть* повторяется дважды), а аналогичная группа из 1-й тетради «Собрания» состоит из 108 слов. Из 79 слов, обозначающих разные части тела в группе из словаря И. К. Россохина, лишь 9 слов отсутствуют в группе «о членахъ человеческихъ» из 1-й тетради из «Собрания». Все остальные совпадают. В том числе 19 пар совпадают полностью — переданы одними и теми же русскими словами и написаны в одной и той же орфографии:

- (1) 頤门 *темя*; 臟貼 *селезенка*; 油 *жир*; 脆骨 *хрящ*; 膝 *колени*; 汗 *пот*; 眼泪 *слезы*; 血 *кровь*; 魂 *душа*; 心 *сердце*; 胆 *желчь*; 肝 *печень*; 大牙 *десны*; 骨髓 *мозг вкостях*; 肉 *мясо*; 无名指 *безымянной персть*; 小指 *мезинец*; 眉 *брови*; 头 *голова*. [БАН 34.8.9: л. 2 об.—3 об.]

Еще 51 пара слов обозначает одну и ту же часть тела, но различается либо орфографией, либо значения переданы разными русскими словами. Рассмотрим подробнее различия между двумя рукописями на материале 1-й тетради «Собрания» и блока лексем «названия частей тела» в словаре И. К. Россохина. Отличия в основном отражаются в нижеследующих аспектах.

Во-первых, это разные варианты написания китайских слов, например 尿胞 и 尿泡. Первый вариант представлен в «Собрании», второй — в словаре И. К. Россохина. Варианты различаются вторым иероглифом в составе слова, а именно: иероглифы 胞 и 泡 имеют разные левые ключи (т. е. относительно простые символы, из которых состоят иероглифы). На китайском языке слово представляет собой разговорное название мочевого пузыря. В китайском языке встречаются оба варианта написания.

Во-вторых, разный перевод китайских слов мог быть обусловлен наличием в русском языке вариантов, связанных с полногласием / неполногласием. В «Собрании» часто представлены неполногласные варианты, тогда как в словаре И. К. Россохина — полногласные, например:

- (2) *передние зубы* — *передние зубы*, *власы* — *волосы*, *брота* — *борода* и др.

В-третьих, китайские слова могли быть переданы русскими эквивалентами в разных формах грамматического числа. В «Собрании» слова в толковой части часто даны в единственном числе, тогда как в словаре И. К. Россохина — во множественном, например:

(3) *слина* — *слины*, *кость* — *кости*, *рука* — *руки*, *ухо* — *уши*

В-четвертых, в «Собрании» и словаре И. К. Россохина наблюдается разный порядок слов в русских переводах, например, слово 手背 в «Собрании» толкуется как *затылокъ руки* (т. е. тыльная сторона кисти), а в словаре И. К. Россохина — *руки затылокъ*.

В-пятых, одна и та же часть тела могла быть обозначена разными словами. Это в основном касается китайских слов, и чаще всего варианты отличаются не по смыслу, а стилистически (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1. Сравнение слов, обозначающих части тела, из «Собрания» и словаря И. К. Россохина

Table 1. Comparison of words denoting body parts from the *Collection* and the dictionary of I. K. Rossokhin

В «Собрании»	В словаре И. К. Россохина
身体 тело	身子 тело
颌颌 подпродокъ	下颌儿 подбродокъ
肠 кишки	肠子 кишки
肾 почка	腰子 почка
舌 языкъ	舌头 языкъ
咽喉 горло	嗓子 горло
拳 кулакъ	拳头 кулакъ
眼 глаза	眼睛 глаза
两鬓角 на високъ	两鬓角 косицы
白珠 бело глаза	白珠 белыя озорочки
黑珠 черно глаза	黑珠 черныя озорочки

Нам представляется, что лексемы в «Собрании» более книжные, часто имеют терминологическое значение, а в словаре И. К. Россохина, наоборот, чаще используются лексемы из живой разговорной речи. Это относится как к русским (см. выше о неполногласии), так и к китайским словам, которые в словаре И. К. Россохина нередко являются разговорными (разговорный характер им придают суффиксы 子 и 儿: 身子 *тело*, 肠子 *кишки*, 腰子 *почка*, 下颏儿 *подбородок*) а в «Собрании» представляют собой, скорее, термины (身体 *тело*, 肠 *кишка*, 肾 *почка*, 颌颏 *подбородок*).

Такая разница объяснима разным назначением рукописей. «Собрание» — это полноценный учебник, составленный на основе грамматики церковнославянского языка Смотрицкого, он был предназначен для преподавания китайским ученикам русского книжного языка, точнее, церковнославянского, на весь период обучения в школе. Словарь же И. К. Россохина должен был использоваться для преподавания китайского языка русским учащимся, которые только начинали изучать китайский язык. В связи с тем, что русские слова в словаре И. К. Россохина использовались для объяснения китайских слов носителям русского языка, они должны были быть ближе к живой разговорной речи. Поэтому не удивительно, что в «Собрании» встречаются славянизмы, а в словаре — лексемы из разговорной речи.

Таким образом, большинство слов И. К. Россохин заимствовал из «Собрания», но он не копировал их полностью, а внес определенную правку: убрал слова, не нужные для начинающих изучать китайский язык, сократил некоторые группы слов, заменил отдельные слова на разговорные — и таким образом сделал словарь более подходящим для начального этапа обучения.

Следует отметить, что совпадения в списке лексем наблюдаются не только в группе слов, обозначающих части тела человека, но и в других тематических группах. Общие черты между словарем И. К. Россохина и «Собранием» прослеживаются не только в 1-й тетради «Собрания», но в других: тетради, посвященные глаголам, в «Собрании» и блок глаголов в словаре И. К. Россохина содержат сходные словарные материалы; наречия и союзы в словаре

И. К. Россохина также почти полностью отобраны и скопированы из «Собрания». Повторяется даже принцип расположения наречий в антонимических парах, например:

- (5) 高 *высоко* — 矮 *ниско*, 宽 *широко* — 窄 *уско*, 厚 *толсто* — 薄 *тонко*, 深 *глубоко* — 浅 *мелко*, 好 *хорошо* — 不好 *худо*, 明 *светло* — 暗 *темно*, 远 *далеко* — 近 *близко*, 粗 *крупно* — 细 *мелко*, 长 *долго* — 短 *коротко*, 快 *скоро* — 慢 *тихо*. [Собрание, тетрадь № 2: л. 25–27]

4. Заключение

Все вышеописанные совпадения позволяют нам сделать вывод, что «Собрание» послужило одним из источников китайско-русского словаря И. К. Россохина, и словарь представляет собой сокращенный вариант «Собрания», отредактированный автором с определенной целью.

Тем не менее не исключается возможность наличия и других источников словаря. Руководитель второй миссии «вскоре по приезде в Пекин послал в Синод китайский букварь под названием Дзелуй, в котором находилось тысяч с тридцать литер» [Адоратский 1997: 132] с тем, чтобы Синод обратился к императору с просьбой приказать перевести букварь на русский язык. Синод приказал перевести букварь в Пекине. По словам Николая Адоратского, перевод, вероятно, был выполнен самими учениками при Российской духовной миссии под руководством членов первой Миссии [Адоратский 1997: 132–133]. По возвращении Адоратского в 1737 г. букварь был привезен в Москву. Но до сих пор неизвестно, где он находится и что он собой представляет. Возможно, И. К. Россохин был знаком с этим букварем и использовал его как источник для своего китайско-русского словаря. Не исключено также, что он сам принимал участие в переводе букваря на русский язык.

Литература

- Адоратский 1997 — Н. Адоратский. История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // С. Л. Тихвинский (ред.). История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. С. 14–164.
- Биржакова 2010 — Е. Э. Биржакова. Русская лексикография XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Попова 2014 — И. Ф. Попова. Становление лексикографии китайского языка в России // И. Ф. Попова, Т. Д. Скрынникова (ред.). Страны и народы Востока. Вып. XXXV. М.: Восточная литература, 2014. С. 291–303.
- Скачков 1977 — П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977.
- Таранович 1945 — В. П. Таранович. Иларион Россохин и его труды по китаеведению // А. П. Баранников, И. Ю. Крачковский, А. А. Петров (ред.). Советское востоковедение. Т. III. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1945. С. 225–241.
- Чэнь 2017 — Ш. Чэнь. Структура и лексические особенности русско-китайского словаря Иллариона Россохина (40-е годы XVIII века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 98–102.

Источники

- Россохин (рук.) — И. К. Россохин. Русско-китайский словарь. Рукопись.
- Смотрицкий 1648 — М. Г. Смотрицкий. Грамматика. М.: Печатный двор, 1648.
- Собрание — Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка. Рукопись.

References

- Adoratskiy 1997 — N. Adoratskiy. Istoriya Pekinskoj Dukhovnoy Missii v pervy period ee deyatelnosti (1698–1745) [The history of Beijing ecclesiastical mission in the first period of its activity (1698–1745)]. S. L. Tikhvinskiy (ed.). *Istoriya Rossijskoj Dukhovoy Missii v Kitaye. Sbornik statej* [The history of Russian ecclesiastical mission in China. Collection of articles]. Moscow: Saint Vladimir Brotherhood Press, 1997. P. 14–164.
- Birzhakova 2010 — E. E. Birzhakova. *Russkaya leksikografiya XVIII veka* [Russian lexicography of the 18th century]. St.-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010.

- Chen 2017 — Sh. Chen. Struktura i leksicheskie osobennosti russko-kitayskogo slovarya Illariona Rossokhina (40-e gody XVIII veka) [Structure and lexical features of the Russian-Chinese dictionary of Illarion Rossokhin (40s of the 18th century)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 5 (166). P. 98–102.
- Popova 2014 — I. F. Popova. Stanovlenie leksikografii kitayskogo yazyka v Rossii [Formation of the lexicography of the Chinese language in Russia]. I. F. Popova, T. D. Skrynnikova (eds.). *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Vol. XXXV. Moscow: Vostochnaya literatura, 2014. P. 291–303.
- Skachkov 1977 — P. E. Skachkov. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the History of Russian Sinology]. Moscow: Nauka, 1977.
- Taranovich 1945 — V. P. Taranovich. Illarion Rossokhin i ego trudy po kitaevedeniyu [Illarion Rossokhin and his works on sinology]. A. P. Barannikov, I. Yu. Krachkovskiy, A. A. Petrov (eds.). *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet oriental studies]. Vol. III. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1945. P. 225–241.

Стороны света в древнегреческом языке и системы пространственной ориентации

А. В. Яковлева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); yaknastak@gmail.com; avyakovleva@hse.ru

Аннотация. В статье представлены результаты корпусного исследования терминов, обозначающих стороны света на материале древнегреческого языка. Морфосинтаксическое оформление большинства статических контекстов допускает буквальную интерпретацию терминов как конкретных ориентиров, однако в выборке находятся некоторые исключения. В работе предлагается гипотеза, связывающая предпочтение такого маркирования статических контекстов со сторонами света с годологическим пространственным нарративом, характерным для античных культур (пространственные отношения описываются как путь, который нужно преодолеть наблюдателю).

Ключевые слова: древнегреческий, пространственные отношения, стороны света, фиктивное движение, годологический нарратив.

Благодарности. Статья подготовлена в результате работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Cardinal directions in Ancient Greek and the systems of spatial orientation

A. V. Yakovleva

HSE University (Moscow, Russia); yaknastak@gmail.com; avyakovleva@hse.ru

Abstract. The paper presents the results of a corpus-based study of Ancient Greek terms for cardinal points. Since cross-linguistically the lexical sources of such terms are usually celestial bodies and events or other landmarks used for large-scale spatial

orientation, the following research questions arise: can the original meaning of a cardinal-point term (or its etymology) influence the strategies of denoting spatial relations by cardinal points? If the original meaning of a spatial term does have an impact on morphosyntactic strategies, does it have anything to do with the genre of the text or the preferred type of the spatial narrative (scientific vs common-sense geography, cartographic vs hodological space description)?

The morphosyntax of static location marking by cardinal direction terms demonstrates a tendency for literal interpretation of the terms used for designation of specific landmarks, while some rare exceptions are also possible, especially in scientific geographic texts of later periods. My hypothesis explains the strong preference for these morphosyntactic strategies by the influence of the hodological spatial narrative where spatial relations are presented as routes toward a destination. This way of space description and the lexical sources of the terms formed the conventional strategies for marking static contexts with cardinal directions. The absolute cardinal terms become cognitively salient as abstract directions with the development of geography, when the two-dimensional, cartographic way of describing large-scale spatial relations gradually replaces hodological descriptions and thus influences conventional spatial constructions.

Keywords: Ancient Greek, spatial relations, cardinal directions, fictive motion, hodological narrative.

1. Введение

Термины сторон света в языках мира очень часто бывают полисемичны и обычно происходят из ограниченного числа семантических зон-источников. В типологическом исследовании номенклатуры сторон света на материале 127 языков [Brown 1983] выделяются четыре группы таких лексических источников: небесные тела и события (восход / закат, Полярная звезда и т. д.), атмосферные признаки (например, ветра), другие, более общие направления (например, «справа» значит ‘на юге’), а также специфичные для среды ориентеры (гора, лес, море и т. д.).

Существует множество исследований, посвященных семантике и лексическим источникам терминов сторон света в языках мира:

есть ряд работ по сторонам света в языках Африки [Brauner 1998; Otten 2005; Mietzner, Pasch 2007; Lusekelo 2018], германских языках [Brown 1978; Haugen 1957], языках Австралии [Nash 2013] и филиппинских языках [Gallego 2018], китайском [Chen 2009], арабском и тамильском [Naïm, Pilot-Raichoog 2016]. Помимо этого, все больше внимания уделяется системам координат (frames of reference), используемым в том или ином языке / сообществе: оказывается, носители некоторых языков предпочитают описывать абсолютными терминами сторон света отнюдь не только крупномасштабные пространственные отношения, но и то, что находится на расстоянии вытянутой руки [Levinson 2004: 112–169; O’Meara, Pérez Báez 2011; Cerqughlini, Henkin 2016].

Однако эти работы, как правило, не ставят своей целью рассмотреть морфосинтаксис конструкций, в которых употребляются термины сторон света. При этом прозрачная этимология и полисемия дают основания предполагать, что эти конструкции могут нетривиальным образом отличаться от других пространственных показателей, поскольку происходит семантический сдвиг от конкретного ориентира к абстрактному направлению. Знание о том, существует ли связь между значением пространственного термина, его интерпретацией в системе координат и морфосинтаксическим оформлением позволит нам лучше понять принципы концептуализации пространственных отношений в человеческом языке.

В данной статье предлагается гипотеза, объясняющая особенности маркирования статического¹ положения в пространстве с помощью терминов сторон света в древнегреческом языке природой этих пространственных отношений, их лексическими источниками и этимологией, а также особенностями древнегреческого пространственного нарратива. Дело в том, что большая часть контекстов, в которых выражается статическое положение объектов в пространстве

¹ Статическая ситуация подразумевает, что объект покоится, а не движется в пространстве; выборка содержит контексты с соответствующими статическими предикатами (‘быть’, ‘жить’, ‘располагаться’ и т. д.), где невозможно иное прочтение.

с помощью сторон света, маркируется динамическими средствами (чаще всего это предлог *πρός* ‘к, по направлению к’ с аккузативом; ср. рус. *Эта деревня находится к северу от Мурманска*). В работе будет показано, как исходное значение терминов сторон света и буквальная интерпретация конструкций могли повлиять на формирование конвенциональных стратегий маркирования положения в пространстве в терминах сторон света.

В *Разделе 2* будут описаны использованные методы и материалы исследования, в *Разделе 3* приведены диаграммы с результатами количественного исследования и пояснения к ним, а *Раздел 4* посвящен интерпретации результатов, в нем более подробно рассматривается семантика и синтаксическая структура конструкций со сторонами света, а также выдвигается гипотеза, объясняющая преобладание определенных стратегий маркирования. *Раздел 5* представляет собой заключение, в котором обобщаются основные выводы и предположения.

2. Методы и данные

В данной статье приведены результаты исследования древнегреческих терминов сторон света на основе корпуса Thesaurus Linguae Graecae (далее TLG). В выборку вошли тексты разных жанров и авторов: исторические (Геродот, Фукидид, Ксенофонт), философские (Аристотель и Аристотелевский корпус), географические (Агатархид, Страбон, Птолемей); немного интересующих нас контекстов нашлось также у Эсхила и Гомера.

Наибольший интерес представляют именно локативные статические контексты, поскольку в них мы наблюдаем значительное разнообразие стратегий; некоторые из них можно классифицировать как случаи фиктивного движения (подробнее об этом будет рассказано в *Разделе 4.1*).

Таким образом, была сформирована база данных со статическими контекстами сторон света с разметкой по ряду признаков, таких как

стратегия маркирования, наличие эксплицитно выраженного ориентира, использование артикля при термине, субстантивация конструкции. Впоследствии данные были сверены с критическими изданиями текстов (перечень изданий дается в разделе *Источники*), а все расхождения зафиксированы в отдельной колонке. Однако значительных различий найдено не было: обычно они касаются вариантов написания термина и выбора падежа при предлоге; замена предлога наблюдается только в 4-х случаях во всей базе данных, содержащей более тысячи примеров.

Термины, используемые для обозначения сторон света в древнегреческом языке, вполне соответствуют закономерности, выведенной в [Brown 1983]: в качестве сторон света функционируют обозначения небесных тел и событий (созвездия, восход / закат), атмосферных явлений (названия ветров). Основные термины, которые запрашивались в корпусе, приведены в *Таблице 1*.

Таблица 1. Номенклатура сторон света в древнегреческом языке (тексты VIII в. до н. э. — II в. н. э.)²

Table 1. Cardinal directions terms in Ancient Greek (based on the texts of 8–2 B. C.)

Термин	Сторона света	Другое значение
ἄρκτος	север	медведь; созвездие Медведицы
βορέας ³ / βόρειος ἄνεμος	север	северный ветер
νότος ⁴	юг	южный ветер

Продолжение Таблицы 1 на с. 294

² В таблицу не включены часто переводимые сторонами света термины *ἄνω* ('наверху / на севере'), *κάτω* ('внизу / на юге'), поскольку возможность интерпретации этих наречий как сторон света аргументированно оспаривается А. В. Подосиновым. При описании горной местности эти лексемы имеют буквальное значение, а при описании плоского ландшафта *ἄνω* означает 'в глубь материка, от моря', *κάτω* — 'на побережье, к морю' [Подосинов 1979: 151].

³ Этимология неизвестна, но есть гипотеза, предполагающая происхождение от слова 'гора' ('ветер со стороны гор') [Chantraine 1968: 185], которая вполне соответствует типологической тенденции, замеченной Брауном.

⁴ Обозначал 'ветер, несущий влагу'; этимологически этот термин также связывают с лат. *nato* 'плавать' и арм. *nay* 'сырой, влажный' [Chantraine 1968: 758].

Продолжение Таблицы 1 со с. 293

Термин	Сторона света	Другое значение
μεσημβρία	юг	полдень
(ἡλίου) ἀνατολή / ἀνατολαί / ἥλιος ἀνίσχων / ἥλιος ἀνατέλλων	восток	(солнца) восход / восходящее солнце
ἠώς	восток	заря
ἀπηνιώτης	восток	восточный ветер (досл. «от солнца»)
(ἡλίου) δύσις / δυσμή / δυσμαί / ἥλιος δύων	запад	(солнца) закат / заходящее солнце
ἑσπέρα	запад	вечер
ζέφυρος ⁵	запад	западный ветер

В следующем разделе будет рассказано о полученных результатах исследования и количественном распределении различных стратегий в текстах.

3. Результаты

3.1. Морфосинтаксис: тексты VIII–IV вв. до н. э.

Рассмотрим, в каких конструкциях допустимо употребление терминов из *Таблицы 1*. Подавляющее большинство статических локативных контекстов со сторонами света выражаются маркером *πρός*+АСС ‘к, по направлению к’. Остальные стратегии встречаются редко: это аблативный предлог *ἀπό* ‘от’, локативные предлоги *ὑπό*

⁵ Этимологически возводится к лексеме *ζόφος* ‘мрак, тьма’ [Chantraine 1968: 399], которая, в свою очередь, также могла обозначать запад в определенных контекстах (например, у Гомера) [Chantraine 1968: 401].

‘под’, *περί* ‘вокруг, около’, *κατά* ‘по, напротив, у’. Это характерно далеко не для всех пространственных показателей: к примеру, для обозначения локации ‘справа / слева’ широко используется конструкция *ἐν δεξιῇ / ἀριστερῇ* (в правый / левый.Г.ДАТ.СГ). Количественное распределение предлогов в наиболее древних текстах (VIII–IV вв. до н. э.) дано на *Диаграмме 1*.

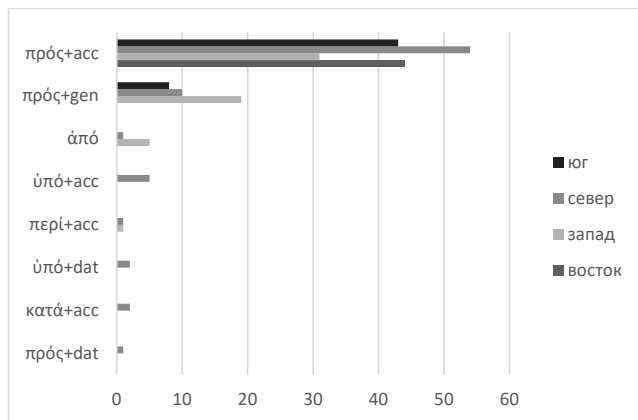

Диаграмма 1. Средства обозначения локации в терминах сторон света в корпусе текстов VIII–IV вв. до н. э.

Diagram 1. The means of marking static location by cardinal directions (8–4 B. C.)

На диаграмме можно видеть, что предлог *πρός* с аккузативом ‘к, по направлению к’ является самым частотным маркером для всех сторон света: другие предлоги используются в единичных контекстах.

Важно, что все эти предлоги позволяют интерпретировать термины не только как абстрактные стороны света (к примеру, ‘север’), но и как конкретные ориентиры (‘созвездие Медведицы’, ‘северный ветер’). Нельзя находиться на полудне или в созвездии Большой Медведицы, но вполне возможно быть где-то на пути к этим ориентирам (или от них), можно быть под ними. Статический предлог *ἐν* ‘в’ не используется в пространственных контекстах, поэтому его нет на диаграмме; он придает выражению темпоральную,

а не пространственную семантику (к примеру, *ἐν μεσημβρία* значит ‘в полдень’, *πρὸς μεσημβρίαν* — ‘на юге’). Таким образом, на первый взгляд все примеры в выборке текстов VIII–IV вв. до н. э. допускают как буквальную, так и абстрактную интерпретацию терминов сторон света (см. пример (1)).

- (1) *καὶ ἐκ τούτου τὴν ἀρχὴν*
и из DEM-GEN.SG ART:ACC.SG империя-ACC.SG
ὄριζεν αὐτῷ πρὸς μὲν
граничить-PST.IPFV.3.SG он-DAT.SG к PRT
ἔω ἢ Ἐρυθρὰ θάλαττα,
восток.ACC.SG ART:NOM.SG красный-NOM.SG море-NOM.SG
πρὸς ἄρκτον δὲ ὁ Ἐὔξεινος Πόντος,
к север-ACC.SG PRT ART:NOM.SG Эвксинский Понт
πρὸς ἐσπέραν δὲ Κύπρος καὶ Αἴγυπτος
к запад-ACC.SG PRT Кипр и Египет
πρὸς μεσημβρίαν δὲ Αἰθιοπία
к юг-ACC.SG PRT Эфиопия

‘После этого границами его державы стали: к востоку / рас-свету — Красное море, северу / созвездию Медведицы — Понт Эвксинский, к западу / вечеру — Кипр и Египет, к югу / полудню — Эфиопия’. [Хеп. Суг. 8.6.21]

Эксплицитно выраженный ориентир в родительном падеже (53 контекста) в выборке встречается также только с предлогом *πρὸς*, и эта конструкция по-прежнему позволяет интерпретировать термин буквально (см. пример (2)):

- (2) *οἱκ-οῦσι δ’ οὗτοι πρὸς βορέαν*
жить-PRS.3.PL PRT DEM-NOM.PL к север-ACC.SG
τοῦ Σκόμβρου ὄρους
ART:GEN.SG Скомбр-GEN.SG гора-GEN.SG

‘Живут они к северу / северному ветру⁶ от горы Скомбра’ [Thuc. 2.96.4]

⁶ Имеется в виду место, откуда дует северный ветер (Борей).

Можно возразить, что греческий генитив может иметь не только аблативную интерпретацию ('к северу / северному ветру от горы'), но и партитивную [Schwyzer, Debrunner 1950: 113–115] ('к северу / *северному ветру горы', т. е. в северной части горы), и тогда буквальная интерпретация оказывается невозможной уже в тексте V в. до н. э. Однако употребления без предлогов (такие как 'север Европы') вообще не встречаются в текстах; кроме того, контексты с партитивным значением, как правило, синтаксически устроены иначе. Для примера (2) мы можем предположить следующую структуру, где генитивная группа *τῶ Σκόμβρ-ου ὄρου* 'горы Скомбр' присоединяется к группе *πρὸς βορέαν* 'к северу':

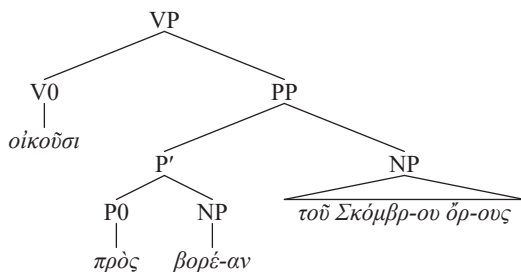

Рис. 1. Предполагаемая структура конструкции в примере (2)⁷

Fig. 1. The hypothetical structure in the example (2)

Здесь генитив используется в аблативной функции ('они живут к северу от горы Скомбра'), и мы наблюдаем внешнюю по отношению к ориентиру интерпретацию.

В контекстах с внутренней интерпретацией используется номинализация предложной группы (см. пример (3))⁸.

- (3) *οἱ* *μὲν* *ἐτείχιζ-ον* *τῶν*
 DEM.NOM.PL PRT возводить-IPF.3.PL ART:GEN.PL

⁷ Вынос генитивной группы вперед также возможен в подобных контекстах.

⁸ Такое же преобразование возможно у наречий, в том числе пространственных (таких как *ἄνω* 'наверху' и *κάτω* 'внизу') [Schwyzer, Debrunner 1950: 415–416].

Αθηναί-ων τὸ πρὸς βορέ-αν
 афинянин-GEN.PL ART:ACC.SG к север-ACC.SG

τοῦ κύκλ-ου τεῖχ-ος
 ART:GEN.SG круг-GEN.SG стена-ACC.SG

‘Одни же из афинян возвели стену в северной части круга / к северу от круга’. [Thuc. 6.99.1]

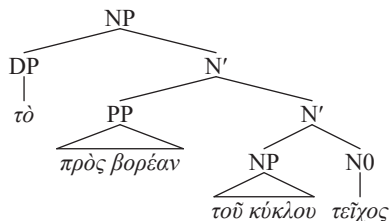

Рис. 2. Предполагаемая структура конструкции из примера (3)

Fig. 2. The hypothetical structure in the example (3)

В данном предложении речь идет о части укрепления, поэтому вершиной является *τεῖχος* ‘стена’, а предложная группа *πρὸς βορέαν* ‘к северу’ предположительно функционирует как прилагательное-адьюнкт.

Однако обычно в случае внутренней по отношению к ориентиру интерпретации вершина опускается, как, например, в (4):

- (4) ἔτι δὲ καὶ νῦν τὰ μέσ-α καὶ
 еще RPT и сейчас ART:ACC.PL средний-ACC.PL и
 τὰ πρὸς βορρ-ᾶν τῆς νήσ-ου
 ART:ACC.PL к север-ACC.SG ART:GEN.SG остров-GEN.SG
 ἔχ-ουσι
 иметь-PRS.3.PL

‘До сих пор еще им принадлежит средняя и северная часть острова’. [Thuc. 6.2.6]

Здесь предложная конструкция *πρὸς βορρᾶν* ‘к северу / северному ветру’ также функционирует как определение к опущенной вершине (‘то, что к северу / северному ветру’). Таким образом, становится

возможна интерпретация ‘часть острова, которая находится к северу / северному ветру’.

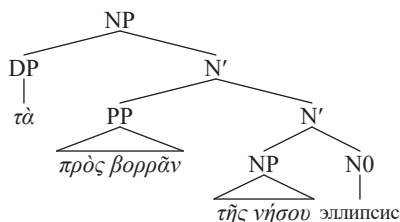

Рис. 3. Предполагаемая структура конструкции в примере (4)

Fig. 3. The hypothetical structure in the example (4)

Иногда в конструкциях с артиклем интерпретация может быть и внешней по отношению к ориентиру. См. пример (5):

- (5) τὸ δὲ ἔθν-ος τοῦτο ἐστὶ μὲν
 ART:NOM.PL PRT народ этот быть.PRS.3SG PRT
 Λιβυκόν, νέμε-ται δὲ τὴν Σύρτιν
 Ливийский населять-PRS.3SG PRT ART:ACC.SG Сирт
 τε καὶ τὴν πρὸς ἠῶ χώρα-ην
 и и ART:ACC.SG к восток.ACC.SG страна-ACC.SG
 τῆς Σύρτιος οὐκ ἐπὶ πολλόν
 ART:GEN.SG Сирт:GEN.SG не далеко

‘а народ это ливийский, населяет Сирт и область, расположенную немного далее на восток’. [Hdt. 2.32]

В данном случае мы можем предположить аблативную интерпретацию генитивной группы τῆς Σύρτιος (‘от Сирта’)⁹, которая присоединяется к группе τὴν πρὸς ἠῶ χώρα-ην ([страну к востоку / рассвету] [относительно Сирта]), см. Рис. 4.

Пример (6) представляет собой единственный в выборке случай, когда внутренняя интерпретация встречается без номинализации.

⁹ Этот пример также приводится в качестве иллюстрации аблативной функции генитива в [Schwyzer, Debrunner 1950: 2, 96].

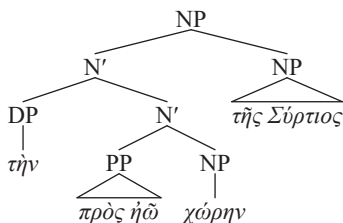

Рис. 4. Предполагаемая структура конструкции в примере (5)

Fig. 4. The hypothetical structure in the example (5)

Синтаксис в (6) типичен для внешней интерпретации ('к северу от Европы'), однако по смыслу здесь скорее имеется в виду внутренняя ('на севере Европы'):

- (6) *πρὸς δὲ ἄρκτου τῆς Εὐρώπης*
 к PRT север-GEN.SG ART:F.GEN.SG Европа-GEN.SG
πολλῶ τι πλεῖστος
 многих-М.DAT.SG что многочисленный-NOM.SG
χρυσὸς φαίν-εται
 золото-NOM.SG обнаружить-PRS.MPASS.3.SG
ἔόν
 быть-PTCP.PRS.ACT.M.NOM.SG

'На севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота'.
 [Hdt. 3.116]

Можно предположить, что здесь расшатывается противопоставление внутренней и внешней интерпретации по отношению к ориентиру, хотя, конечно, сложно судить по одному примеру: ни в текстах рассматриваемой выборки, ни в более поздних текстах географов, о которых речь пойдет в следующем разделе, найти подобных контекстов не удалось.

3.2. Морфосинтаксис: тексты II в. до н. э. — II в. н. э.

Интересно, что и в более поздних текстах непросто найти локативный предлог *ἐν* 'в' для обозначения статического положения

в пространстве относительно сторон света¹⁰; в текстах географов Агатархида (II в. до н. э.), Страбона (I в. н. э.) и Клавдия Птолемея (II в. н. э.) преобладают динамические средства маркирования таких контекстов (*πρός*+асс ‘к’, по направлению к’ и *ἀπό* ‘от’). Количественное распределение предлогов в текстах этих географов представлено на *Диаграммах 2–4*. Важно отметить, что в этих диаграммах показано распределение исходных терминов из *Таблицы 1*, а производные от них языковые единицы не включены в статистику (к примеру, *νότος* ‘южный ветер / юг’ → *νότιος* ‘южный’ → *τὰ νότια* ‘юг, южная часть’). Локативных контекстов с такими субстантивированными прилагательными немного: 5 у Страбона и 1 у Птолемея; средства маркирования используются те же, что и для базовых терминов сторон света, однако могут быть отличия в семантике, о которых будет рассказано в *Разделе 4*.

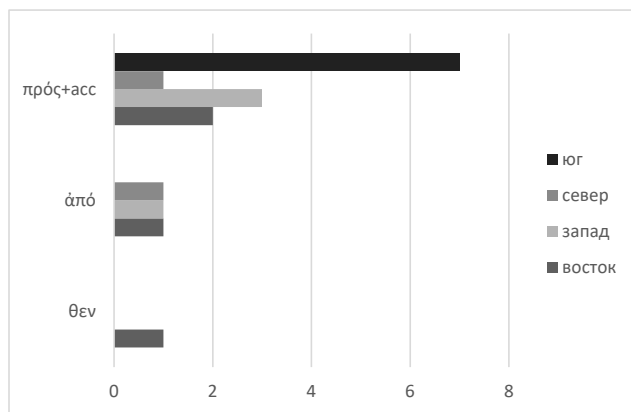

Диаграмма 2. Средства обозначения локации в терминах сторон света в отрывках из Агатархида («Об Эритрейском море»)

Diagram 2. The means of marking static location by cardinal directions in Agatharchides' "On the Erythraean Sea"

¹⁰ Статические контексты с предлогом *ἐν* представлены в тексте Септуагинты (аналогичное маркирование представлено в оригинальном древнееврейском тексте) и в византийской литературе, которая опирается на библейский текст и обильно цитирует его; здесь мы, возможно, имеем дело с калькой-гебраизмом.

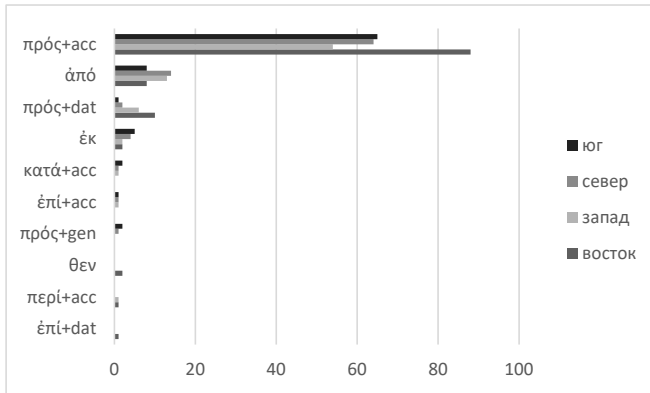

Диаграмма 3. Средства обозначения локации в терминах сторон света в «Географии» Страбона

Diagram 3. The means of marking static location by cardinal directions in Strabo's "Geography"

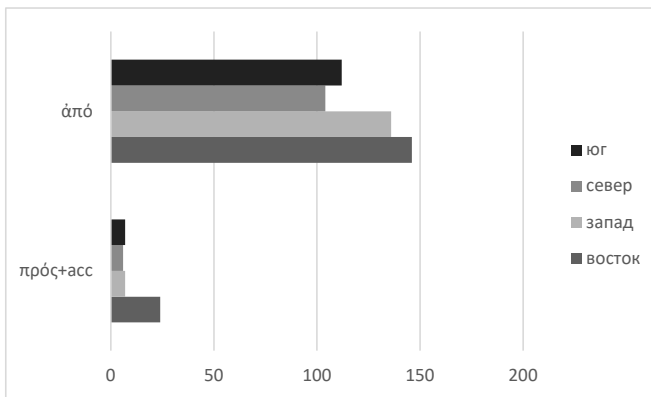

Диаграмма 4. Средства обозначения локации в терминах сторон света в «Географии» Птолемея

Diagram 4. The means of marking static location by cardinal directions in Ptolemy's "Geography"

Птолемей предпочитает выражать статическое положение в пространстве аблативными средствами (предлог *ἀπό* ‘от’), в то время как у Страбона преобладает аллативное *πρός*+АСС ‘к’, ‘по направлению к’. В текстах Агатархида, к сожалению, недостаточно данных для того, чтобы сделать уверенные выводы, однако средства маркирования, которые он использует, совпадают с теми, которые использовали для описания пространства более ранние авторы.

Помимо этого, в «Географии» Птолемея есть необычные контексты с эксплицитно выраженным ориентиром в генитиве и аблативным предлогом *ἀπό* ‘от’: в них термин может быть проинтерпретирован только как абстрактное направление, то есть в абсолютной системе координат (см. примеры (7)–(8)):

- (7) *ἀπὸ δὲ ἀνατολῶν τοῦ ποταμοῦ*
 от PRT восход/восток-GEN.PL ART:GEN.SG река-GEN.SG
νομῶς Ἀντινοῦ
 ном Антиной

‘С востока / *восхода от реки [находится] ном Антиной’.
 [Ptolem. Geogr. 4.5.62]

- (8) *ἀπὸ δυσηῶν δὲ τῆς νήσου*
 от закат/запад-GEN.PL PRT ART:GEN.SG остров-GEN.SG
Ἀρσινοῦ νομῶς {...}
 Арсиной ном

‘С запада / *заката от острова [находится] ном Арсиной’.
 [Ptolem. Geogr. 4.5.57]

В данном случае мы, вероятно, наблюдаем результат постепенной реинтерпретации терминов сторон света и переосмысление их как абсолютных направлений, а не конкретных небесных тел и событий, используемых для ориентирования в пространстве.

4. Интерпретация результатов

Некоторые предположения о возможной интерпретации результатов были высказаны в предыдущем разделе: главная мысль заключается в том, что большинство контекстов позволяют интерпретировать термины сторон света буквально, в их первичном значении, но в географических текстах Птолемея во II в. н. э. это становится невозможным. Чтобы проверить, насколько правомерно это предположение, в этом разделе мы подробно рассмотрим семантику предлогов, используемых в локативных контекстах со сторонами света, а также поговорим об особенностях древнегреческого пространственного нарратива, которые потенциально могут влиять на морфосинтаксическое оформление сторон света.

4.1. Семантика предложных конструкций, маркирующих положение в пространстве в терминах сторон света

Многие контексты из нашей выборки могут быть интерпретированы как частные случаи так называемого «фиктивного движения» в языке. Носители различных языков часто выбирают аблативное и аллативное маркирование в контекстах, не подразумевающих никакого фактического движения. Такая стратегия особенно популярна для выражения периферийных пространственных отношений, для обозначения которых в языке обычно нет специального маркера — правый/левый, стороны света, спереди/сзади и т. д. [Nikitina 2017].

В рамках классификации Леонарда Талми [Talmy 2000, I: 136] такие контексты можно отнести к одному из случаев фиктивного движения (access path, на русский можно перевести как «траектории доступа»). Дело в том, что статические предлоги описывают положение объекта, помещая его в участок пространства, определенный по отношению к ориентиру (например, в выражении *кот под столом* предлог *под* выделяет участок пространства ниже ориентира по вертикальной оси и маркирует этот участок как «область поиска» объекта, его

«адрес»). Траектории доступа описывают положение объекта как вектор движения некой сущности от ориентира к объекту; таким образом, «область поиска» объекта определяется направлением вектора. Пример (9) иллюстрирует эту стратегию в древнегреческом языке:

- (9) *οἱ ἐξ ἀριστηρ-ῆς χεῖρ-ός*
 DEM:NOM.PL из левый-GEN.SG рука-GEN.SG
παριστά-μεν-οι βασιλ-εῖ
 стоять рядом-PTCP.PRS-NOM.PL царь-DAT.SG

‘Те, кто стоит по левую руку от царя’. [Hdt. 2.30.1]

В (9) используется аблативное средство маркирования — предлог *ἐξ* ‘из’, однако ситуация не подразумевает никакого движения. Как было упомянуто выше, типологически это довольно частое явление (ср. рус. *справа от царя*, англ. *to the right / left*, которые могут использоваться в статических контекстах).

Рассмотрим подробнее средства маркирования, чаще всего используемые в нашей выборке.

4.1.1. Предлог *πρός* ‘к’

Самый частотный предлог в рассматриваемых контекстах — *πρός* с аккузативом, имеющий семантику ‘к, по направлению к’; есть также немного контекстов с генитивом (в основном у Геродота) и с дативом (в основном у Страбона, хотя есть один пример в Аристотелевском корпусе).

Во многих контекстах семантическое противопоставление падежей при предлогах в классическую эпоху пропадает и семантика всей конструкции начинает определяться предлогом [Bortone 2010: 156], однако случай с *πρός* представляется более сложным и интересным. Несмотря на то, что генитив обычно обладает аблативной семантикой, *πρός* с генитивом в таком значении обычно используется только с одушевленными ориентирами [Schwyzer, Debrunner 1950: 514]; при этом он обычно маркирует не непосредственно источник движения, а происхождение [Luraghi 2003: 285]. С неодушевленными ориентирами этот маркер употребляется только в локативном и аллативном

значениях. Возможное объяснение, предлагаемое С. Лураги, — так называемый аблативно-локативный трансфер (подробнее см. [Masken-
zie 1978]; об этом явлении в греческом см. [Nikitina, Spano 2014]), где такой трансфер произошел впоследствии с одушевленными ориен-
тирами; однако аблативные контексты с неодушевленными ориен-
тирами не засвидетельствованы, поэтому это предположение остается
лишь гипотезой. В случае одушевленных ориентиров Лураги считает
посредником бенефициарное значение (‘со стороны кого-либо’ →
‘на стороне кого-либо’) [Luraghi 2003: 292]. Однако высказывались
сомнения в интерпретации аблативно-локативного трансфера как се-
мантического перехода, вызванного неоднозначными контекстами
(такими, которые можно интерпретировать и как аблативы, и как ло-
кативы). Часто динамические и статические употребления аллатив-
ных и аблативных показателей сосуществуют на синхронном уровне,
и наиболее вероятное объяснение для этого — стратегии фиктивного
движения (подробнее об этом см. [Nikitina 2017]), поэтому локатив-
ная семантика *πρός* с генитивом может быть интерпретирована как
реликт стратегии фиктивного движения.

Мы можем обнаружить немало примеров, где стратегии, столь
частотные в локативных контекстах со сторонами света, использу-
ются с земными ориентирами в той же синтаксической конфигура-
ции и с той же семантикой, что и стороны света (‘расположенный
в направлении X/от X’):

Локализация в примере (10) с ориентиром ‘море’ выражена та-
ким же способом, как в примере (4), где идет о ‘части острова, обра-
щенной к северному ветру’ (*τὰ πρὸς βορρᾶν τῆς νῆσου*):

- (10) <...> *καταπλέοντ-ες* *ἔτι* *νυκτὸς* *ἐς*
 подплывать.PTCP.PRS.ACT-NOM.PL еще ночью в
τὰ *πρὸς* *τὸ* *πέλαγ-ος* *τῆς*
 ART:ACC.PL К ART:ACC.SG море-ACC.SG ART:GEN.SG
νῆσ-ου
 остров-GEN.SG

‘И еще ночью подплывая к той стороне острова, которая обра-
щена была к открытому морю’. [Thuc. 4.26.6]

В примере (11) в качестве ориентира в конструкции с *πρός*+ACC ‘к, по направлению к’ Ксенофонт использует город Вавилон:

- (11) <...> *καταθ-εῖ* *τήν* *πρός*
атаковать.PRS.ACT-3.SG ART:F.ACC.SG к

Βαβυλῶν-α *χώρ-αν*
Вавилон-М.ACC местность-F.ACC.SG

‘нападает на местность, расположенную вблизи Вавилона’
(досл. ‘к Вавилону’) [Хен. Сур. 5.4.15]

Стратегии *πρός*+GEN и *πρός*+ACC со сторонами света у Геродота синонимичны и используются в идентичных контекстах¹¹ [Schwyzer, Debrunner 1950: 515]; то же самое можно сказать о *πρός*+DAT в тех текстах, где она встречается.

В примере (12) мы видим, что генитивная и аккузативная стратегии используются в одном предложении без смысловых различий; более того, стороны света в этих конструкциях сочетаются с земными ориентирами (Элевсин и Пирей), и это говорит в пользу гипотезы о том, что стороны света изначально функционировали в качестве конкретных ориентиров:

- (12) *Κατὰ* *μὲν* *δὴ* *Ἀθηναί-ους*
против PRT PRT Афинянин-ACC.PL
ἐτετάχ-ατο *Φοίνικ-ες* (*οὗτ-οι*)
выстраивать-PRF.MPASS.3.PL финикиец-NOM.PL ЭТОТ-NOM.PL
γὰρ *εἶχ-ον* *τὸ* *πρὸς* *Ἐλευσῖν-ός*
ведь иметь-IPF.3.PL ART:N.ACC.SG к Элевсин-GEN.SG
τε *καὶ* *ἑσπέρ-ης* *κέρ-ας*, *κατὰ*
и и вечер/запад-GEN.SG фланг-N.ACC.SG против
δὲ *Λακεδαιμονί-ους* *Ἴων-ες* *οὗτ-οι*
PRT лакедемонянин-ACC.PL Иониец-NOM.PL ЭТОТ-NOM.PL
δ’ *εἶχ-ον* *τὸ* *πρὸς* *τήν*
PRT иметь-IPF.3.PL ART:N.ACC.SG к ART:F.ACC.SG

¹¹ Именно у этого автора мы находим расхождения падежного управления (аккузатив/генитив) в разных рукописях.

<i>ἠῶ</i>	<i>τε καὶ τὸν</i>	<i>Πειραιέ-α</i>
рассвет / восток.ACC.SG	и и	ART:M.ACC.SG Пирей-ACC.SG

‘Против афинян выстроились финикийцы (они занимали западный фланг в сторону Элевсина), а против лакедемонян — ионийцы, у которых был восточный фланг в сторону Пирея’. [Hdt. 8.85]

Ориентиры в примерах (10)–(12) являются потенциально достигаемыми для человека и отличаются от терминов сторон света прежде всего тем, что допускают сочетание со статичным предлогом *ἐν* ‘в’, что также объясняется логической невозможностью использовать этот предлог с конкретными существительными, обозначающими небесные тела и события.

От терминов сторон света могут образовываться прилагательные в сочетании с приставкой *πρός*: *ἐν τοῖς προσβόροις* (‘на севере’: в ART:DAT.PL лежащий к северу.DAT.PL [Aristot. De Generatione animalium, Bekker page 783a line 31]). В более поздних текстах появляются *προσάρктиος* ‘северный, лежащий к северу’, *προσεσπέριος* ‘западный, лежащий к западу’ и *προσηϝός* ‘восточный, лежащий к востоку’ [Lidell, Scott et al.: 2011].

4.1.2. Аблативные стратегии: предлоги *ἀπό* (‘от’) и *ἐκ* (‘из’) и суффикс *-θεν* (‘от’, ‘из’)

Аблативные стратегии обозначения локации в основном представлены с предлогом *ἀπό* ‘от’. На *Диаграмме 1* видно, что этот предлог был не очень распространен в выборке текстов VIII–IV вв. до н. э., однако в «Географии» Птолемея II в. н. э. он становится основным средством маркирования локации в терминах сторон света.

Предлог управляет генитивом и, в отличие от *ἐκ* ‘из/изнутри’, обозначает неспецифический источник движения; однако уже у Гомера есть контексты, где эта оппозиция между предлогами нейтрализуется [Luraghi 2003: 121].

Со сторонами света *ἀπό* может выражать источник движения (в таких контекстах, как ‘Зефир дует с запада / вечера’), и в наиболее древней части выборки (VIII–IV в. до н. э.) это значение представлено

намного шире, чем локативное (47 примеров с *ἀπό* обозначает источник движения и только 6 — положение в пространстве). Локативные контексты могут также интерпретироваться как случаи фиктивного движения, см. пример (13):

- (13) *τοῦτο* *δέ* *ἔστι* *βορέας*,
 DEM.NOM.SG PRT быть.PRS.3.SG Борей-NOM.SG
τὸ *ἐκ* *τῶν* *ἀπὸ* *τῆς*
 ART:N.NOM.SG ИЗ ART:GEN.PL ОТ ART:F.GEN.SG
ἄρκτου *τόπων* *πνεύμα*
 север-GEN.SG место-GEN.PL ветер.NOM.SG

‘Это Борей, ветер, который дует из северных мест’ (досл. ‘из мест от севера / созвездия Медведицы’). [[Arist]. *Problemata*, Bekker page 942a line 4]

В текстах Страбона и Птолемея аблативные стратегии в основном используются с глаголами *περιορίζω / -ομαι* ‘ограничивать / быть ограниченным’ и *περιέχω / -ομαι* ‘охватывать / быть охваченным’ при описании границ географических объектов и стран; пассивные конструкции встречаются чаще, но это не строгое правило. Аблативные средства *ἐκ* и *-θεν* представлены только у Страбона и используются в аналогичных контекстах. Типичный пример такого описания границ представлен в (14):

- (14) *Ἡ* *Κρήτη* *περιορίζεται* *ἀπὸ*
 ART:F.NOM.SG Крит-NOM.SG ограничить-PRS.MPASS.3.SG от
μὲν *δυσμῶν* *ὑπὸ τοῦ Ἀδριατικοῦ πελάγους* {...}
 PRT запад/закат-GEN.PL Адриатическим морем
 ‘Крит с запада / заката омывается Адриатическим морем {...}’
 [Ptolem. *Geogr.* 3.17.1]

Словообразовательный потенциал у аблативных предлогов не такой обширный, как у *πρός* ‘к’, о котором речь шла в предыдущем разделе: удалось обнаружить только одно прилагательное в сочетании с префиксом *ἀπό*: *ἀπάρктиος* ‘северный’ и существительное *ἀπαρκτίας* ‘северный ветер’ (досл. ‘с севера / от созвездия Медведицы’) [Liddell, Scott et al.: 2011].

4.1.3. Предлог *ὑπό* ‘под’

Локативных контекстов с этим предлогом в выборке текстов до IV в. до н. э. совсем немного: 5 с аккузативом и 2 с дативом¹², а сфера его употребления со сторонами света ограничена терминами со значением севера: *ἄρκτος* ‘Медведица / север’ (6 примеров) и *βορέας* ‘северный ветер / север’ (1 пример). Помимо этого, есть два неоднозначных контекста с аккузативом, которые могут иметь как локативную, так и аллативную интерпретацию (один из них встречается в тексте Гомера с термином *ἠώς* ‘зря / восток’).

Υπό+DAT обладает локативной семантикой, а *ὑπό*+ACC может обозначать как направление движения, так и положение в пространстве [Schwyzer, Debrunner 1950: 525–530]; есть также основания полагать, что аккузативное управление отличалось от дативного отсутствием тесного контакта между объектом и ориентиром¹³ в языке Гомера, однако уже в классическую эпоху эти различия стираются [Luraghi 2003: 235–242].

Несомненно, сложно делать какие-то выводы на основе столь малого количества данных, но конструкция с аккузативом есть уже у Гомера и Геродота, дативы же (а также использование в этой конструкции термина *βορέας* ‘северный ветер’) появляются только в Аристотелевском корпусе. Если термины сторон света интерпретировать буквально, то логично использовать конструкцию, предполагающую отсутствие контакта между объектом и ориентиром (ведь небесные тела находятся очень далеко). Это может свидетельствовать в пользу того, что буквальное значение первичного ориентира закрепило определенную конвенциональную стратегию в языке, которая впоследствии начала «расшатываться» на фоне общего размывания

¹² Один из этих контекстов (Arist. *Problemata* {0086.036} (4 В. С.) Bekker page 940a line 37) имеет расхождение датив / аккузатив по разным рукописям; второй (Hdt 5.10) — замену *ὑπό* ‘под’ на *ὑπέρ* ‘над’. Последнюю стратегию с предлогом *ὑπέρ*, вероятно, можно считать опиской, поскольку больше ее нигде не удалось найти.

¹³ Ср. рус. *Лампа на столе* (тесный контакт с ориентиром) vs *Лампа над столом* (лампа находится на некотором расстоянии от ориентира).

падежных различий в пространственных контекстах с *ὑπό*. Пример (15) иллюстрирует использование этой конструкции у Аристотеля:

(15)	<i>ὁ</i>	<i>μὲν</i>	<i>βορέας</i>	<i>ἀπὸ</i>	<i>τῶν</i>	<i>ὑπὸ</i>
	ART:NOM.SG	PRT	Борей-NOM.SG	от	ART:ACC.SG	под
	<i>τὴν</i>	<i>ἄρκτ-ον</i>		<i>πν-εῖ</i>		
	ART:ACC.SG	север/медведь-ACC.SG		дуть-PRS.3.SG		
	<i>τόπ-ων</i>					
	место-GEN.PL					

‘Борей дует из мест, расположенных на севере / под созвездием Медведицы’. [Arist. *Meteorologica*. Bekker page 362a line 17]

Дериватов оказалось всего два: *ὑπόρκτης* ‘северный’ (досл. ‘под Медведицей / севером’), *ὑφеспέριος* ‘западный’ (досл. ‘под вечером / западом’) [Liddell, Scott et al.: 2011]. Помимо этого, один пример *ὑπό* с производным термином сторон света (субстантивированным прилагательным *ἀνατολικός* ‘восточный’) есть в тексте «Географии» Клавдия Птолемея, но там этот предлог имеет совсем другое значение. Подробнее о нем будет рассказано в следующем разделе статьи, посвященном древним стратегиям пространственного нарратива.

4.1.4. Предлог *περί* ‘вокруг’, ‘около’

Как видно из диаграмм, локативные контексты со сторонами света с *περί* в рассматриваемых выборках немногочисленны (всего 2 примера у Аристотеля и 2 у Страбона) и ограничиваются аккумулятивным управлением¹⁴. Этот предлог с аккумулятивом может означать как круговое движение, так и статическое положение в пространстве [Schwyzer, Debrunner 1950: 504], причем в классическую эпоху семантика становится менее специфичной и может обозначать просто нахождение рядом с ориентиром [Luraghi 2003: 278]. Так же, как и в случае предлога *ὑπό* ‘под’, в гомеровскую эпоху *περί*+ACC отличался от *περί*+DAT отсутствием контакта между объектом

¹⁴ У Страбона также есть два контекста с расхождениями, где *πρός*+ACC заменяется на *περί*+ACC.

и ориентиром, однако уже у Геродота это различие нивелируется [Luraghi 2003: 274, 278].

Более того, *περί*+ACC с интересующими нас терминами обычно маркирует время, в которое происходят небесные события (ср. *περί ἡλίου δυσμάς* ‘на закате солнца’, Xen. 6.5.32); возможно, по аналогии авторы использовали эту стратегию и в пространственных контекстах. Другой вариант объяснения заключается в том, что *περί*+ACC со сторонами света использовалось для локализации каких-то небесных событий (к примеру, места, где зарождаются ветры, появляются какие-то оптические явления и т. д.), а позже просто расширило свою семантику. Пример (16) из Аристотелевского корпуса иллюстрирует, как могут выглядеть переходные контексты:

- (16) *κακί-ας* *μὲν* *λέγ-εται* *ὁ*
 Кекий-NOM.SG PRT называться-PRS.3.SG ART:M.NOM.SG
ἀπὸ τοῦ *περὶ τὰς* *θεριν-ᾶς*
 от ART:M.GEN.SG около ART:F.ACC.PL летний-ACC.PL
ἀνατολ-ᾶς *τόπ-ου* *πνέ-ων*
 восход-ACC.PL место-GEN.SG дующий-M.NOM.SG
ἄνεμ-ος
 ветер-NOM.SG

‘Кекием называется ветер, дующий с северо-востока’ (досл. ‘из места, находящегося около летнего восхода’). [[Arist.] De mundo, Bekker page 394b line 23]

4.1.5. Предлог *κατά* ‘по’, ‘напротив’, ‘у’

Этот предлог со сторонами света также практически не используется: в выборке есть всего один контекст у Фукидида, один у Аристотеля и четыре — в «Географии» Страбона; во всех перечисленных случаях мы имеем дело с аккумулятивным управлением.

Κατά+ACC может означать как движение / направленность вниз, так и статическое положение в пространстве, маркируя протяженность вдоль ориентира или нахождение напротив него [Schwyzer, Debrunner 1950: 476–477; Luraghi 2003: 201, 211].

У Аристотеля в «Политике» контекст с *κατά*+ACC (Bekker page 1330a line 41) обладает семантикой ‘против северного ветра’, ‘обращенный в другую сторону от севера’. Однако все остальные контексты имеют локативное значение (к примеру, в Str. 2.1.4 *ἀπὸ τῆς κατὰ μεσημβρίαν θάλασσης* ‘южного моря’, ‘моря на юге / *полудне’); более того, у Фукидида мы наблюдаем признак семантического сдвига значения термина *βορέας* (‘северный ветер / север’).

- (17) <...> *ἀρπασθ-εἰς* *ὕπ’ ἀνέμου* *κατὰ*
захваченный-М.НОМ.СГ ветром напротив
τὸν *Τεριναιῶ-ον* *κόλπ-ον,*
ART:М.АСС.СГ Теринский-АСС.СГ залив-АСС.СГ
ὃς *ἐκπν-εῖ* *ταύτη* *μέγας*
который.М.НОМ.СГ дуть-PRS.АСТ.3.СГ там сильный.НОМ.СГ
κατὰ βορέ-αν *ἔστηκ-ώς*
на север-АСС.СГ находиться-PTCP.PRF.АСТ.М.НОМ.СГ

‘<...> был захвачен в Теринском заливе ветром, который сильно дует там с севера’ (досл. ‘находясь на севере / *северном ветре’) [Thuc. 6.104.2]

В примере (17) буквальная интерпретация порождает тавтологию, поэтому здесь мы уже видим первые признаки семантического сдвига, в результате которого термин *βορέας* используется в нетипичных для него конструкции и контексте и может интерпретироваться лишь как абстрактная сторона света ‘север’.

4.1.6. Предлог *ἐπί* ‘на’, ‘по направлению к’

Данный предлог представлен только в одном довольно позднем тексте («Географии» Страбона) и в очень малом объеме: три контекста с аккузативом и один с дативом¹⁵. Аккузативная стратегия с *ἐπί* могла

¹⁵ Помимо этого, у Аристотеля есть один контекст, где наблюдается расхождение в рукописях (*ἀπό*+GEN / *ἐπί*+GEN). И датив и генитив с *ἐπί* имеют локативную семантику, при этом никаких отличий от контекстов с другими стратегиями на базе рассматриваемой выборки найти не удалось.

маркировать направление движения или протяженность в пространстве [Schwyzer, Debrunner 1950: 471]; она часто использовалась для выражения статических отношений ‘справа/слева’, и такие контексты можно интерпретировать как случай фиктивного движения [Nikitina 2017: 77–78].

4.1.7. Итоги анализа стратегий

В результате более детального анализа предлогов мы видим, что уже в V–IV вв. до н. э. можно заметить признаки семантического сдвига: контексты, в которых именно абстрактная интерпретация выглядит наиболее уместно (например, предложение (17) из Фукидида или использование предлога *περί* ‘вокруг, около’ со сторонами света). Более того, большая часть выборки относится к периоду, когда падежные различия при предлогах постепенно становятся все менее релевантными, и мы видим, что в рассматриваемых контекстах управление довольно вариативно.

Тем не менее фиктивное движение (аллативная стратегия *πρός*+АСС ‘к’, аблативная *ἀπό* ‘от’ у Птолемея) является абсолютным лидером для обозначения положения в пространстве со всеми терминами сторон света, и практически во всех контекстах возможна буквальная интерпретация. Вероятно, в текстах мы наблюдаем переходный этап, когда конвенциональные стратегии маркирования локации относительно вземных ориентиров уже сформировались, а семантика терминов и конструкций расширялась и видоизменялась по сравнению с архаической эпохой. В следующем разделе будет рассказано, как эти явления соотносятся со способами ориентирования в Древнем мире и особенностями пространственного нарратива.

4.2. Особенности описания пространства в древнегреческих текстах

4.2.1. Годологическая нарративная стратегия

О крупномасштабных пространственных отношениях можно говорить не только в терминах сторон света и точных расстояний, представляя пространство на карте с высоты птичьего полета,

но и описывая путь наблюдателя до места назначения с помощью ориентиров окружающей среды. Этот «эгоцентрический» способ ориентирования можно считать первичным, а свидетельства конкретно-чувственного восприятия пространства прослеживаются во многих географических описаниях и номенклатуре Античности и Средневековья (подробнее см. [Подосинов 1999: 596–604; Geus, Thiering 2014]).

Такая стратегия была условно названа годологической¹⁶ [Janni 1984, 79–84], или хорографической¹⁷ [Подосинов 1978: 34]. Описания пути были популярным жанром в античной географической литературе. Перемещения путешественника (реального или воображаемого) по морю и подробное описание морского побережья называлось *периплом* (*περίπλους*), описание сухопутного маршрута — *периегезой* (*περιήγησις*). Е. В. Илюшечкина в своей работе подробно рассматривает, как годологический способ описания пространства, восходящий к практически-ориентированным сочинениям более раннего времени, используется Дионисием Периегетом (II в. н. э.) в его поэме «Описание ойкумены» [Илюшечкина 2012: 30–39]. Дионисий структурирует пространство относительно воображаемого наблюдателя и описывает его путь с помощью топонимов, названий племен, небесных светил, ветров. Интересно, что в тексте есть также протокартографические элементы описания (Дионисий нередко уподобляет очертания регионов геометрическим фигурам), однако он все же отдавал предпочтение данным словесных описаний [Илюшечкина 2012: 45].

Однако с таким описанием пространства мы сталкиваемся и в других жанрах, например, в гомеровском эпосе [Gehrke 1998: 165], в «Истории» Геродота [Rood 2012: 129–134]. Пример (18) иллюстрирует использование такой стратегии у Ксенофонта:

- (18) *Ἀρξάμεν-η* *δὲ ἡ* *Θράκ-η*
 начинающийся-F.NOM.SG PRT ART:NOM.SG Фракия-NOM.SG
αὐτ-η *ἔστιν* *ἀπὸ τοῦ* *στόματ-ος*
 DEM-NOM.SG быть.PRS.3.SG от ART:GEN.SG устье-GEN.SG

¹⁶ От греч. ὁδός ‘путь’, т. е. имеется в виду описание пути.

¹⁷ От греч. χωρος ‘пространство’, γράφω ‘писать’.

τοῦ Πόντ-ου μέχρις Ἡρακλεί-ας ἐπὶ
 ART:GEN.SG ПОНТ-GEN.SG до Гераклея-GEN на
 δεξι-ᾶ εἰς τὸν Πόντ-ον
 правый-N.ACC.PL в ART:M.ACC.SG ПОНТ-ACC.SG
 εἰσπλέ-οντι
 врывающийся-DAT.SG

‘Эта часть Фракии начинается в устье Понта [и простирается] до Гераклеи, [находясь] направо от плывущего в Понт’. [Хен. Anab. 6.4.1–2]

Годологические пространственные нарративы распространены и в наши дни, правда, при описании мелких масштабов. В исследовании [Linde, Labov 1975] жителей Нью-Йорка просили описать планировку их квартиры. Подавляющее большинство опрошенных (97%) провели воображаемую экскурсию по своему жилищу, и лишь 3% описали планировку «двумерным», картографическим способом.

В Античности же тексту оказывалось предпочтение перед картой и при описании крупномасштабных пространственных отношений: карты сопровождалась текстом (периплом/периегезой) и часто служили лишь иллюстративным дополнением к словесному описанию [Подосинов 1999: 610–618; Gehrke 1998: 178; Rood 2012: 133]. При этом, как было упомянуто выше, протокартографические описания пространства с высоты птичьего полета и уподобление стран геометрическим фигурам тоже были отнюдь не чужды многим античным историкам и географам [Dueck, Brodersen 2012: 83; Bekker-Nielsen 2017: 128]; подробнее об этой стратегии см. [Poiss 2014].

Однако позже с развитием науки картографическая стратегия практически полностью вытеснила годологическую при описании крупномасштабных пространственных отношений [Подосинов 1999: 604–610].

4.2.2. Способы описания пространства и стороны света

Основные компоненты годологического пространственного нарратива — наблюдатель (реальный или воображаемый) и ориентиры, которые могут быть как частью природного ландшафта (горы, реки,

побережья морей и т. д.), так и недостижимыми для человека небесными светилами или направлениями ветров. Это объясняет тот факт, что в некоторых языках лексическим источником номенклатуры сторон света является непосредственное географическое окружение (например, юг — море, север — горы; подробнее см. [Brown 1983: 138; Подосинов 1999: 600–602]).

Термины сторон света в древнегреческом (см. *Таблицу 1*) изначально представляют собой вземные, недостижимые для человека объекты — солнце в разных фазах, созвездия, ветра, и в примерах (10)–(12) было показано, как они могут сочетаться в одном локальном контексте с ориентирами, специфичными для среды. Примеры (19)–(20), в свою очередь, иллюстрируют, как эти два типа ориентиров употребляются в годологических нарративах. В примере (19) Калипсо приказывает Одиссею ориентироваться на созвездие Большой Медведицы (плыть так, чтобы она была по левую руку); в примере (20) в схожем контексте опорным пунктом выступает река Тигр.

- (19) *Πληιάδ-ας τ' ἑσπορ-ᾶντ-ι καὶ ὀψέ*
 Плеяда-ACC.PL и смотреть-PTCP.PRS-DAT.SG и поздно
δύ-οντ-α Βοώτην Ἄρкт-ον θ',
 заходящий-М.ACC.SG Волопас-ACC.SG Медведица-ACC.SG и
 <...> *τήν γὰρ δὴ μιν ἄνωγ-ε*
 DEM.F.ACC.SG PRT PRT он.ACC.SG приказать-PST.3.SG
Καλυψὸ δῖα θεά-ων, ποντοπορευέμεναι
 Калипсо прекрасная богиня-GEN.PL плыть по морю-INF.PRS
ἐπ' ἀριστερ-ᾶ χεῖρ-ός ἔχ-οντ-α.
 на левый-N.ACC.PL рука-GEN.SG иметь-PTCP.PRS-ACC.SG
 ‘Он наблюдал Плеяды и закат Волопаса, и Медведицу <...> плыть по левую руку от нее ему приказала Калипсо, прекраснейшая из богинь’. [Hom. Od. 5, 272–277]

- (20) *ἐντεῦθεν δ' ἐπορεύθη-σαν σταθμ-οὺς ἐρήμ-ους*
 оттуда PRT пройти-PST.3.PL этап-ACC.PL пустой-ACC.PL
τέτταρ-ας παρασάγγ-ας εἴκοσι τὸν Τίγρητ-α
 четыре-ACC парасанг-ACC.PL двадцать ART:ACC.SG Тигр-ACC

ποταμὸν ἐν ἀριστερᾷ ἔχοντες
 река-ACC.SG в левый-F.DAT.SG иметь-PTCP.PRS-NOM.PL

‘Отсюда они прошли по пустыне в четыре этапа двадцать парасангов, имея реку Тигр с левой стороны’. [Xen. Anab. 2.4.28]

Как было упомянуто выше, даже те авторы, которые в основном ограничивались годологическим способом описания пространства (Страбон, Дионисий Периегет), все же демонстрируют признаки протокартографического нарратива; в полной мере он развивается уже в научной «Географии» Клавдия Птолемея, заложившего основы картографии. В его труде содержатся таблицы с указанием географических координат населенных пунктов — база для графической карты [Dueck, Brodersen 2012: 76].

Аблативные стратегии с *ἀπό* ‘от’ у Птолемея преобладают именно потому, что используются при описании границ географических объектов, указании, что окружает их с четырех сторон света: пример (14) является яркой иллюстрацией типичного для Птолемея способа описывать пространство; конечно, эта стратегия встречается также у Страбона, но намного реже.

Однако наиболее интересно наблюдать, как у Птолемея употребляется предлог *ὑπό* ‘под’, который может иметь семантику ‘к югу, южнее’ [Stückelberger et al. 2017: Vol. 1, 190–191]. Пример (21) взят из раздела «География», в котором приводятся таблицы с координатами городов и поселений; он интересен тем, что предлог *ὑπό* в нем используется с производным термином сторон света — субстантивированным прилагательным *ἀνατολικά* ‘восток, восточная часть’.

(21) Καὶ ὑπὸ μὲν τὰ ἀνατολικὰ
 и под PRT ART:N.ACC.PL восточный-N.ACC.PL
 τῶν Κελτιβήρων Λωβητανοί,
 ART:GEN.PL кельтибер-GEN.PL лобетан-NOM.PL
 ὧν πόλιν Λόβητον
 который-GEN.PL город-NOM.SG Лобетум

‘А южнее восточных [поселений] кельтиберов живут лобетаны, главный город которых — Лобетум’ (досл. «под восточными [поселениями] Кельтиберов»). [Ptolem. Geogr. 2.6.60]

При этом интерпретация конструкции отличается от той, что мы наблюдаем в примере (15): там *ὕπὸ τὴν ἄρκτον* обозначало ‘на севере’ (досл. «под созвездием Медведицы»), здесь же *ὕπὸ τὰ ἀνατολικά τῶν Κελτιβήρων* значит ‘южнее восточных земель кельтиберов’, буквально *под* ними. Если посмотреть на следующее предложение, то мы увидим, что конструкция *ὕπὸ* там используется по отношению к лобетанам, чтобы обозначить место жительства народа баститанов, живущих еще южнее от лобетан (буквально ‘под ними’, *ὕπὸ δὲ τούτους*).

Таким образом, в (15) мы видим признаки годологической системы ориентирования, где условный наблюдатель определяет положение в пространстве относительно доступных ему опорных пунктов окружающей среды, а в (21) — взгляд на пространство «с высоты птичьего полета» и опору на двумерную карту с ориентацией на север.

Несмотря на то, что годологическая система ориентирования, вероятно, хронологически первична и была предпочтительна в архаический период, две нарративные стратегии описания крупномасштабных пространственных отношений сосуществовали друг с другом в течение очень длительного времени, и выбор той или иной стратегии мог зависеть от жанра текста и от целей, который ставил перед собой автор, а также от источников, на которые он опирался.

5. Заключение

На корпусном материале были рассмотрены стратегии кодирования сторон света в древнегреческих текстах VIII–III вв. до н. э. и текстах более поздних географов, главным образом Страбона и Птолемея. Была выявлена отчетливая тенденция к оформлению статических пространственных контекстов динамическими средствами — главным образом аллативным предлогом *πρός*+АСС ‘к, по направлению к’; помимо этого, детальный анализ контекстов показал, что в абсолютном большинстве случаев термины сторон света могут интерпретироваться буквально, в своем первичном значении, а не только как абстрактные направления.

В исследовании приведены аргументы в пользу того, что предпочтение таких стратегий маркирования может объясняться влиянием первичной системы ориентирования и соответствующего ей гедологического нарратива, в котором пространство описывается как путь реального или воображаемого наблюдателя с опорой на ориентиры окружающей среды. Лексические источники терминов сторон света (небесные тела и события, ветра) и являются такими ориентирами, помогающими перемещаться на большие расстояния, поэтому логично предположить, что конвенциональные стратегии маркирования положения в пространстве сформировались под влиянием этой первичной системы ориентирования и исходного значения терминов.

Однако несмотря на то, что в рассмотренных текстах по-прежнему преобладают эти стратегии и практически во всех контекстах возможна буквальная интерпретация терминов, мы можем обнаружить некоторые признаки того, что система расшатывается: есть несколько контекстов, где возможна только абстрактная интерпретация, и это является свидетельством семантического сдвига. Это особенно заметно в текстах Клавдия Птолемея, в которых стратегии оформления сторон света сильно отличаются от того, что мы наблюдаем в остальной выборке. Однако это может быть связано не только с поздним временем создания памятника (II в. н. э.), но и с тем, что в нем преобладает картографический пространственный нарратив, а сам текст представляет собой пример научного географического описания.

В дальнейшем было бы интересно узнать, насколько выводы, сделанные на материале древнегреческого, отражают типологическую тенденцию; для этого гипотезы, выдвинутые в данной работе, должны быть проверены на материале других языков, прежде всего древних или современных бесписьменных и младописьменных.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; досл. — дословно; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; AOR — аорист; ART — артикль; DAT — датив; DEM — демонстратив; F — женский род; GEN — генитив; INF — инфинитив;

IPF — имперфект; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; MPASS — медиопассивный залог; PRF — перфект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRT — частица; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Илюшечкина 2012 — Е. В. Илюшечкина. Картина мира Дионисия Периегета // Вестник древней истории РАН. 2012. № 4. С. 22–48.
- Подосинов 1978 — А. В. Подосинов. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // В. Т. Пашуто (ред.). Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М.: Наука, 1978. С. 22–45.
- Подосинов 1979 — А. В. Подосинов. Из истории античных географических представлений // Вестник древней истории. 1979. № 1. С. 147–166.
- Подосинов 1999 — А. В. Подосинов. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки славянской культуры, 1999.
- Bekker-Nielsen 2017 — T. Bekker-Nielsen. Strabo's roads // D. Dueck (ed.). The Routledge Companion to Strabo. New York: Routledge, 2017. P. 125–136.
- Bortone 2010 — P. Bortone. Greek Prepositions: From Antiquity to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Brauner 1998 — S. Brauner. Directions/Spatial Orientations in African Languages: Further Cases // P. Zimer, V. Tax (eds.). Language and Location in Space and Time. Munich: Lincom Europa, 1998.
- Brown 1978 — A. K. Brown. The English Compass Points // Medium Ævum. 1978. Vol. 47. № 2. P. 221–246.
- Brown 1983 — C. Brown. Where do cardinal direction terms come from? // Anthropological Linguistics. 1983. Vol. 25. № 2. P. 121–161.
- Cerqueglini, Henkin 2016 — L. Cerqueglini, R. Henkin. Spatial Language and Culture: Cardinal Directions in Negev Arabic // Anthropological Linguistics. 2016. Vol. 58. № 2. P. 171–208.
- Chantraine 1968 — P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots. Vol. 3. Paris: Klincksieck, 1968.
- Chen 2009 — Q. R. Chen. Cardinal directions in Chinese language: their cultural, social and symbolic meanings // ETC: A Review of General Semantics. 2009. Vol. 66. № 2. P. 225–239.
- Dueck, Brodersen 2012 — D. Dueck, K. Brodersen. Geography in classical antiquity (Key Themes in Ancient History). Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

- Gallego 2018 — M. K. Gallego. Directional systems in Philippine languages // *Oceanic Linguistics*. 2018. Vol. 57. № 1. P. 63–100.
- Gehrke 1998 — H. J. Gehrke. Die Geburt der Erdkunde aus dem Geiste der Geometrie. Überlegungen zur Entstehung und zur Frühgeschichte der wissenschaftlichen Geographie bei den Griechen // W. Kullmann, J. Althoff, M. Asper (eds.). *Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike*. (Scripta Oralia 95). Tübingen: Narr, 1998. P. 163–192.
- Geus, Thiering 2014 — K. Geus, M. Thiering (eds.). *Features of common sense geography: implicit knowledge structures in ancient geographical texts*. (Antike Kultur und Geschichte, Bd. 16). Berlin; Münster; Wien; Zürich; London: LIT Verlag Münster, 2014.
- Haugen 1957 — E. Haugen. The semantics of Icelandic orientation // *Word*. 1957. Vol. 13. № 3. P. 447–459.
- Janni 1984 — P. Janni. *La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico*. Roma: Bretschneider, 1984.
- Levinson 2004 — S. Levinson. *Space in language and cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Linde, Labov 1975 — C. Linde, W. Labov. Spatial Networks as a Site of Language and Thought // *Language*. 1975. Vol. 51. P. 924–939.
- Luraghi 2003 — S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases. The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2003.
- Lusekelo 2018 — A. Lusekelo. Terms for cardinal directions in eastern Bantu languages // *Journal of Humanities*. 2018. Vol. 26. № 1. P. 49–71.
- Mackenzie 1978 — J. L. Mackenzie. Ablative-locative transfers and their relevance to the theory of grammar // *Journal of Linguistics*. 1978. Vol. 14. № 2. P. 129–156.
- Mietzner Pasch 2007 — A. Mietzner, H. Pasch. Expressions of cardinal directions in Nilotic and in Ubangian languages // *Skase Journal of Theoretical Linguistics*. 2007. Vol. 4. № 3. P. 17–31.
- Naïm, Pilot-Raichoor 2016 — S. Naïm, C. Pilot-Raichoor. Impact of geography and culture on spatial relations // *STUF — Language Typology and Universals*. 2016. Vol. 69. № 3. P. 375–409.
- Nash 2013 — D. Nash. Wind Direction Words in the Sydney Language: A Case Study in Semantic Reconstitution // *Australian Journal of Linguistics*. 2013. Vol. 33. № 1. P. 51–75.
- Nikitina 2017 — T. Nikitina. Ablative and allative marking of static locations: A historical perspective // S. Luraghi, T. Nikitina, C. Zanchi (eds.). *Space in Diachrony*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 67–94.
- Nikitina, Spano 2014 — T. Nikitina, M. Spano. ‘Behind’ and ‘in front’ in Ancient Greek: A case study in orientation asymmetry // S. Kutscher, D. A. Werning (eds.).

- On Ancient Grammars of Space. Linguistic research on the expression of spatial relations and motion in Ancient languages. Berlin: De Gruyter, 2014. P. 67–82.
- O'Meara, Pérez Báez 2011 — C. O'Meara, G. Pérez Báez (eds.). Frames of reference in Mesoamerican languages (Special issue) // *Language Sciences*. 2011. Vol. 33. № 6.
- Otten 2005 — D. Otten. Cardinal directions and environmental concepts of landscape in Kwanyama (Owambo) // *Afrikanistik online* (электронный ресурс). 2005. URL: <https://www.afrikanistik-aegyptologie-online.de/archiv/2005/249/Dirk%20Otten%20-%20Cardinal%20directions%20and%20environmental%20concepts%20of%20landscape%20in%20Kwanyama.pdf> / (дата обращения 12.01.2021).
- Poiss 2014 — T. Poiss. Looking for Bird's Eye View in Ancient Greek Sources // K. Geus, M. Thiering (eds.). *Features of Common Sense Geography: Implicit Knowledge Structures in Ancient Geographical Texts* (Antike Kultur und Geschichte. Bd. 16). Berlin; Münster; Wien; Zürich; London: LIT Verlag Münster, 2014. P. 69–87.
- Rood 2012 — T. Rood. *Herodotus* // I. J. F. de Jong (ed.). *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Leiden: Brill, 2012. P. 121–40.
- Schwyzler, Debrunner 1950 — E. Schwyzler, A. Debrunner. *Griechische Grammatik: Auf der Grundlage von Karl Brugmanns griechischer Grammatik. Zweiter band, Syntax und syntaktische Stilistik*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1950.
- Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a Cognitive Semantics. Vol. I; II*. Cambridge (Mass): MIT Press, 2000.

Источники

- Alberti 1972, 1992, 2000 — G. B. Alberti (ed.). *Thucydidis Historiae*. Roma: Instituto Polygraphico dello Stato. Vol. 1 (Books 1–2), 1972. Vol. 2 (Books 3–5), 1992. Vol. 3 (Books 6–8), 2000.
- Bekker 1876 — I. Bekker (ed.). *Aristoteles*. Berolini Vol. 1, 1831, Vol. 2, 1876.
- Kramer 1844, 1847, 1852 — G. Kramer (ed.). *Strabonis Geographica*. Vol. 1; 2; 3. Berolini, 1844, 1847, 1852.
- Liddell, Scott et al. 2011 — H. G. Liddell, R. A. Scott, H. S. Jones, R. McKenzie. *The Saurus Linguae Graecae Project. The online Liddell-Scott-Jones Greek-English lexicon*. Irvine, CA: University of California, Irvine, 2011 (электронный ресурс). URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/ljsj/#eid=1> (дата обращения 23.02.2021).
- Marchant 1901 — E. C. Marchant (ed.). *Xenophontis Opera Omnia*. 1901.

- Müller 1882 — K. Müller (ed.). *Geographi graeci minores*. Vol. 1; 2. Parisiis: Firmin-Didot, 1882.
- Rosen 1987 — H. B. Rosen (ed.). *Herodoti Historiae*. Vol. 1; 2. Leipzig: Teubner, 1987.
- Stückelberger et al. 2017 — A. Stückelberger, G. Grasshoff, F. Mittenhuber, R. Burri, K. Geus, G. Winkler, S. Ziegler, J. Hindermann, L. Koch, K. Keller (eds.). *Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie: 1. Teilband: Einleitung und Buch 1-4 & 2. Teilband: Buch 5-8 und Indices*. Basel: Schwabe, 2017.
- TLG — Thesaurus linguae graecae (электронный ресурс). URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения 10.02.2021).
- West 1998 — M. West (ed.). *Aeschyli Tragoediae cum incerti poetae Prometheus*. Stuttgart: Teubner, 1998.
- West 2017 — M. L. West (ed.). *Homerus. Odyssea*. Berlin: De Gruyter, 2017.

References

- Bekker-Nielsen 2017 — T. Bekker-Nielsen. Strabo's roads. D. Dueck (ed.). *The Routledge Companion to Strabo*. New York: Routledge, 2017. P. 125–136.
- Bortone 2010 — P. Bortone. *Greek Prepositions: From Antiquity to the Present*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Brauner 1998 — S. Brauner. Directions/Spatial Orientations in African Languages: Further Cases. P. Zimer, V. Tax (eds.). *Language and Location in Space and Time*. Munich: Lincom Europa, 1998.
- Brown 1978 — A. K. Brown. The English Compass Points. *Medium Aevum*. 1978. Vol. 47. No. 2. P. 221–246.
- Brown 1983 — C. Brown. Where do cardinal direction terms come from? *Anthropological Linguistics*. 1983. Vol. 25. No. 2. P. 121–161.
- Cerqueglini, Henkin 2016 — L. Cerqueglini, R. Henkin. Spatial Language and Culture: Cardinal Directions in Negev Arabic. *Anthropological Linguistics*. 2016. Vol. 58. No. 2. P. 171–208.
- Chantraine 1968 — P. Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots*. Vol. 3. Paris: Klincksieck, 1968.
- Chen 2009 — Q. R. Chen. Cardinal directions in Chinese language: their cultural, social and symbolic meanings. *ETC: A Review of General Semantics*. 2009. Vol. 66. No. 2. P. P. 225–239.
- Dueck, Brodersen 2012 — D. Dueck, K. Brodersen. *Geography in classical antiquity (Key themes in ancient history)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Gallego 2018 — M. K. Gallego. Directional systems in Philippine languages. *Oceanic Linguistics*. 2018. Vol. 57. No. 1. P. 63–100.

- Gehrke 1998 — H. J. Gehrke. Die Geburt der Erdkunde aus dem Geiste der Geometrie. Überlegungen zur Entstehung und zur Frühgeschichte der wissenschaftlichen Geographie bei den Griechen. W. Kullmann, J. Althoff, M. Asper (eds.). *Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike*. (Scripta Oralia 95). Tübingen: Narr, 1998. P. 163–192.
- Geus, Thiering 2014 — K. Geus, M. Thiering (eds.). *Features of common sense geography: implicit knowledge structures in ancient geographical texts*. (Antike Kultur und Geschichte. Bd. 16). Berlin; Münster; Wien; Zürich; London: LIT Verlag Münster, 2014.
- Haugen 1957 — E. Haugen. The semantics of Icelandic orientation. *Word*. 1957. Vol. 13. No. 3. P. 447–459.
- Ilyushechkina 2012 — E. V. Ilyushechkina. Kartina mira Dionisiya Perieyeta [The world view of Dionysius Periegetes]. *Vestnik drevney istorii RAN*. 2012. No. 4. P. 22–48.
- Janni 1984 — P. Janni. *La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico*. Roma: Bretschneider, 1984.
- Levinson 2004 — S. Levinson. *Space in language and cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Linde, Labov 1975 — C. Linde, W. Labov. Spatial Networks as a Site of Language and Thought. *Language*. 1975. Vol. 51. P. 924–939.
- Luraghi 2003 — S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases. The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2003.
- Lusekelo 2018 — A. Lusekelo. Terms for cardinal directions in eastern Bantu languages. *Journal of Humanities*. 2018. Vol. 26. No. 1. P. 49–71.
- Mackenzie 1978 — J. L. Mackenzie. Ablative-locative transfers and their relevance to the theory of grammar. *Journal of Linguistics*. 1978. Vol. 14. No. 2. P. 129–156.
- Mietzner Pasch 2007 — A. Mietzner, H. Pasch. Expressions of cardinal directions in Nilotic and in Ubangian languages. *Skase Journal of Theoretical Linguistics*. 2007. Vol. 4. No. 3. P. 17–21.
- Naïm, Pilot-Raichoor 2016 — S. Naïm, C. Pilot-Raichoor. Impact of geography and culture on spatial relations. *STUF-Language Typology and Universals*. 2016. Vol. 69. No. 3. P. 375–409.
- Nash 2013 — D. Nash. Wind Direction Words in the Sydney Language: A Case Study in Semantic Reconstitution. *Australian Journal of Linguistics*. 2013. Vol. 33. No. 1. P. 51–75.
- Nikitina 2017 — T. Nikitina. Ablative and allative marking of static locations: A historical perspective. S. Luraghi, T. Nikitina, C. Zanchi (eds.). *Space in Diachrony*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 67–94.

- Nikitina, Spano 2014 — T. Nikitina, M. Spano. ‘Behind’ and ‘in front’ in Ancient Greek: A case study in orientation asymmetry. S. Kutscher, D. A. Werning (eds.). *On Ancient grammars of space. Linguistic research on the expression of spatial relations and motion in Ancient languages*. Berlin: De Gruyter, 2014. P. 67–82.
- O’Meara, Pérez Báez 2011 — C. O’Meara, G. Pérez Báez (eds.). Frames of reference in Mesoamerican languages (Special issue). *Language Sciences*. 2011. Vol. 33. No. 6.
- Otten 2005 — D. Otten. Cardinal directions and environmental concepts of landscape in Kwanyama (Owambo). *Afrikanistik online*. 2005. Available at: <https://www.afrikanistik-aegyptologie-online.de/archiv/2005/249/Dirk%20Otten%20-%20Cardinal%20directions%20and%20environmental%20concepts%20of%20landscape%20in%20Kwanyama.pdf> (accessed on 12.01.2021).
- Podosinov 1978 — A. V. Podosinov. Kartograficheskiy printsip v strukture geograficheskikh opisaniy drevnosti (postanovka problemy) [The cartographic principle in the structure of ancient geographical descriptions (problem statement)]. V. T. Pashuto (ed.). *Metodika izucheniya drevneyshikh istochnikov po istorii narodov SSSR* [Methods in the study of the most ancient sources to the history of the peoples of the USSR]. Moscow: Nauka, 1978. P. 22–45.
- Podosinov 1979 — A. V. Podosinov. Iz istorii antichnykh geograficheskikh predstavleniy [From the history of ancient conceptions of geography]. *Vestnik drevney istorii*. 1979. No. 1. P. 147–166.
- Podosinov 1999 — A. V. Podosinov. *Ex oriente lux! Oriyentatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kulturakh Yevrazii* [Ex oriente lux! Cardinal orientation in the archaic cultures of Eurasia]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 1999.
- Poiss 2014 — T. Poiss. Looking for Bird’s Eye View in Ancient Greek Sources. K. Geus, M. Thiering (eds.). *Features of Common Sense Geography: Implicit Knowledge Structures in Ancient Geographical Texts* (Antike Kultur und Geschichte. Bd. 16). Berlin, Münster; Wien; Zürich; London: LIT Verlag Münster, 2014. P. 69–87.
- Rood 2012 — T. Rood. Herodotus. I. J. F. de Jong (ed.). *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Leiden: Brill, 2012. P. 121–140.
- Schwyzler, Debrunner 1950 — E. Schwyzler, A. Debrunner. *Griechische Grammatik: Auf der Grundlage von Karl Brugmanns griechischer Grammatik. Zweiter band, Syntax und syntaktische Stilistik*. München: C. H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung, 1950.
- Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I; II. Cambridge (Mass): MIT Press, 2000.

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлекгией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлекгией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2021. — Т. 17. Ч. 2. — 336 с.

Подписано к печати 04.10.2021

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 21. Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Издательство РХГА

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15

Тел.: +7 812 310-79-29, +7 981 699-65-95

E-mail: rhgapublisher@gmail.com <http://irhga.ru>

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

